ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

№ 3(37)

PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIRS
INTERNATIONAL FORUM
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа
Издается при поддержке ГК «Н-транс»
и Бюро социально-экономической информации
Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета – **Вагиф Гусейнов**, *директор Института стратегических оценок и анализа*

Первый заместитель
главного редактора – **Юрий Поройков**, *к. филос. н.*

Редакционный совет:
Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*
Владимир Егоров, *д. филос. н., президент-ректор Российской академии государственной службы при Президенте РФ*
Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*
Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель к-та Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*
Сергей Кортунов, *д. полит. н, зам. декана факультета мировой экономики и мировой политики ГУ ВШЭ*
Николай Михайлов, *д.э.н, советник председателя Совета директоров АФК «Система»*
Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*
Алексей Пушков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*
Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*
Владимир Рыжков, *к.и.н., политический обозреватель радиостанции «Эхо Москвы»*
Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя к-та Государственной Думы РФ по международным делам*
Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*
Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск: **Константин Радовицкий**, *к. соц. н.*
Мария Кортунова

© Институт стратегических оценок и анализа
Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Шамиль Абдурашитов. Об энергоресурсах и энергосбережении 5

Нелли Мотрошилова. Российские реалии и дискуссии в свете проблем гражданского общества. *Окончание* 15

ГЕОПОЛИТИКА

Тиберио Грациани (Италия). Экономический кризис западной системы. Геополитический подход 23

Владимир Дергачев (Украина). Раскаленные рубежи Ближнего Востока 31

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Санобар Шерматова. Москва и Ташкент: причины «особых» отношений 42

Клаус Виттманн (Германия). Отношения России с НАТО и Западом: необходим конструктивный подход 47

Шамиль Султанов. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации. *Окончание* 55

Эльдар Касаев. Топкое болото иракской коррупции 62

Елена Островская. Состоится ли российский бенефис Далай-ламы XIV? 67

БЕРЛИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

«Новый европейский миропорядок: инициативы и стратегии их реализации». *Сокращенная стенограмма* 75

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Диалог общества и государства 122

ПУБЛИКАЦИИ

Религия

Рустам Тухватуллин. О коде Корана 142

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Кризисный распад идентичности. *О книге Эвола Элиуса «Лук и булава» (перевод с итальянского)* ...148

Тезисы статей на английском 151

Об авторах 158

CONTENTS

PRESSING TOPICS

Shamil Abdurashitov. On energy sector and energy-saving 5
Nelly Motrosheelova. The Russian realities and discussions viewed through the problems of the civil society. *(Completion)* 15

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). The economic crisis of the Western system: a geopolitical approach 23
Vladimir Dergachev (Ukraine). Middle East's red hot frontiers 31

FOREIGN AFFAIRS

Sanobarh Shermatova. Moscow—Tashkent: what are the causes of their 'special' problems 42
Klaus Vittmann (Germany). Russia's relations with the NATO and West: a constructive approach is needed 47
Shamil Sultanov. The dynamics of the Mid-Eastern situation: five scenarios. *(Completion)* 55
Eldar Kasayev. The Iraqi corruption oozy quagmire 62
Yelena Ostrovskaya. Will there be the Russian benefit performance by Dalai Lama XIV? 67

THE BERLIN INTERNATIONAL FORUM

The Conference on The New European World Order: Initiatives and Strategies of Their Implementation. *The abridged verbatim* 75

«ROUND TABLE»

The society-state dialogue 122

PUBLICATIONS

Religion

Rustem Toukhvatullin. The Koran code 142

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The crisis disintegration of identity. *On Evola, Julius. The Bow and the Mace (translated from Italian)* ...148

SUMMARY 151

OUR AUTHORS 160

Шамиль АБДУРАШИТОВ

ОБ ЭНЕРГОРЕСУРСАХ И ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИИ

Расточительность завтракает с излишеством, обедает с недостатком, ужинает с нищетой и ложится спать с позором.
Бенджамин Франклин

Когда сберечь энергию труднее, чем добыть ее

Проблема является одной из наиболее уязвимых и острых для всей экономики России. Нет такого вида природных и материальных ценностей, бережное отношение к которым в нашем обществе не имело бы серьезных нареканий. Земля и леса, воды и недра, металлы и строительные материалы, древесина и камень, жилища и дороги, машины и продовольствие — что ни возьми, всюду натыкаешься на расточительство и бесхозяйственность. На этом безрадостном фоне всеохватного разгильдяйства особым бельмом выпячивается отношение к использованию топливно-энергетических ресурсов: угля и газа, нефтепродуктов и электроэнергии, тепловой энергии и вторичных энергоресурсов.

Начиная с 70-х гг. прошлого века, когда разразился мировой энергетический кризис, руководством страны и государственными органами принималось немало разных законов и постановлений по рационализации использования энергоресурсов в стране, но прок от них каждый раз вызревал ничтожно малый и практически не осязаемый.

Многим лицам во власти кажется, что в условиях нескончаемых забот о «хлебе насущном» вопросы экономии энергоресурсов не являются первостепенными, они-де могут обождать до лучших времен, да потом чего нам бояться, если обладаем неисчерпаемыми запасами этих самых ресурсов?!

Подобная позиция не только глубоко ошибочна и вредна, она еще свидетельствует о неспособности таких чиновников ранжировать проблемы общества и государства по их остроте и значимости. Видимо, многим нашим деятелям еще невдомек, что цена энергосбережения в масштабах страны и общества может затмить любую другую проблему. Вспомним, что общее годовое потребление энергоресурсов в нашем отечестве измеряется одним миллиардом тонн (в условном исчислении). При этом удельная энергоемкость внутреннего валового продукта (ВВП) России в 3–5 раз превышает этот показатель среди индустриальных стран. Если бы нам удалось хотя бы вдвое уменьшить этот разрыв, то можно было бы экономить ежегодно энергоресурсов в объеме полумиллиарда тонн.

Что это может означать? Посудите сами. При стоимости одного килограмма условного топлива в 10 рублей эффект энергосбережения выразится кругленькой суммой в пять триллионов рублей! Кто скажет, что они лишние в бюджете страны и в карманах россиян?

Как же так произошло, что мы, громогласно осуществляя величайший из созидательных программ электрификации — план ГОЭЛРО, вдруг по использованию тех самых ресурсов оказались в хвосте всей планеты? Очень просто: по собственной нерасторопности, недосмотру и верхоглядству! Ведь общеизвестно, что все виды энергетических ресурсов расходуются у нас как попало, во многих случаях даже без определения их количественного и уж точно — качественного измерения. Именно на такой основе разбухала год от года энергоемкость любого вида из производимой в стране продукции и услуг.

Итог печален и позорен для всей России — ярлык одного из самых отсталых во всем мире государств по энергоемкости всех отраслей народного хозяйства. Непомерно высокой энергоемкостью гробится конкурентность и привлекательность российских изделий (как на внешнем, так теперь и на внутреннем!) потребительском рынке. Не говоря уже о том, что в холодных почти круглый год домах большинства россиян при столь неразборчивом отношении к топливу и энергии вряд ли когда-нибудь поселится тепло и уют.

В предлагаемой статье автор делает попытки поиска ответов на вопросы — в чем же секреты «непроходимости» энергосбережения, в каких «терапиях» нуждается хилость этого важного поприща в жизни наших сограждан, российского общества и государства.

Чем обусловлено равнодушие к энергосбережению?

Причины откровенной индифферентности россиян к проблемам экономии топлива и энергии не однозначны. Лежат они в нескольких плоскостях: законодательной, научно-технической, производственной, внедренческой, ментальной и других. Если расшифровать их, то получится некая общая картина, на которой могут четко высветиться контуры объективных причин неприятия российским обществом того несомненного блага (для государства и для каждого жителя страны!), которое именуется кратким, но очень емким выражением — «энергосбережение».

Под этим понятием подразумевается не только сокращение прямого «слива в канализацию» или «выбрасывания на ветер» натуральных энергоресурсов: килограммов угля и кокса, литров нефтепродуктов, киловатт-часов электричества, гигакалорий горячей воды, кубометров газа и дров. Нет. Не так, хотя бы потому, что впрямую никто не станет намеренно лишать себя или родное государство этих ценностей.

Все потери энергии и энергоресурсов осуществляются опосредованно: в одном случае — это отсутствующие приборы учета, в другом — неэкономичные машины и аппараты, в третьем — худоба стен, крыш и окон зданий, в четвертом — ущербная транспортировка и хранение, в пятом — личная нечувствительность к потерям самого потребителя и т.д.

Подобных причин можно бы перечислить десятками, но все это напрасно, так как от подобного перечня энергетических «течей» и «сквозняков» до их устранения — «дистанция огромного размера»! Проскочить ее мешают разные служилые люди, камнем лежащие на пути пресечения потерь. Что это за люди — догадаться несложно. В отдельности почти все они являются персо-

нами солидными, достойными уважения, не лишенными талантов всяких, в том числе деловых и конструктивных, за что их и берут во власть. Однако заботы об энергосбережении проходят как-то мимо них, не западая ни в души, ни в память, ни в их просторные карманы. Не впрягаются они толком в эти проблемы, не взирая на постоянные напоминания общества и вопреки ими же составляемым директивам в виде законов и постановлений. Причины равнодушия довольно банальны — с одной стороны, никто не тормошит их путем за это дело, с другой — отсутствие или наличие энергосбережения никак не сказывается на показателях личного благополучия служилых особ, бдящих в стране за сбоями в параметрах «экономичности экономики».

Складывается смутное подозрение, что в двухмиллионной когорте российского чиновничества экономическими хворями державы по-настоящему озабочены лишь два высших лица. И почему-то только к ним адресуются надежды и вопли россиян, без их грозного «окрика» или чувствительного «пинка» мало кто в «королевстве» удосуживается вылезти из вельможного кресла и заметить зияющие огрехи в родных ведомствах! Относится этот властный парадокс общества в полной мере и к проблемам энергосбережения. Будто бы никому в отечестве, кроме Д.А.Медведева и В.В.Путина, неведомы ни глубина, ни экономический драматизм, ни меры по излечению державы от разрастающейся во все стороны опухоли «энергетического разгильдяйства».

Законы-фильтры на каналах «слива» энергии

Сказать, что у нас мало законов и постановлений по энергосбережению — значит, наклеветать на наших доблестных депутатов и самоотверженных рыцарей властных кабинетов. Документов таких с сургучными печатями, вышедших из властных инстанций Москвы, а также региональных центров и других больших городов державы, — невпроворот. Почему же тогда нулевой эффект той экономии? Очень просто — нуль процентов выигрыша заложено в самих тех законах и постановлениях об энергосбережении! И большого секрета в этом не существует. Происходит такое от того, видимо, что сочиняются шедевры казенщины не для пользы дела, а во исполнение высокого указания, то есть для отписки. Холосты и бесплодны они еще и потому, что «варятся» не по реальной жизни, а в укромной тиши кабинетов, где ничто не мешает фантазировать и изощряться пером без участия лиц, действительно компетентных и напрямую заинтересованных в энергосбережении. К тому же, наверное, сочинители опусов страхуются от «кнута» (за вероятный провал директивы) многословием, расплывчатостью формулировок, замысловатостью заложенных идей, выдавая обществу заведомую «пустышку энергосбережения». Еще одной причиной безрезультатности документов по энергосбережению является, на взгляд автора, их непременная «всеохватность» проблемы. Тут навалено в общую кучу все, к чему только может относиться понятие с приставкой «энерго».

При подобном подходе к решению огромной проблемы практически невозможно организовать одновременную работу во всем комплексе: по обнаружению и оценке «дыр» в энергопользовании, созданию технических средств, сервисному обслуживанию, финансированию, координации, контролю исполнения и т.д.

Не разумнее ли было бы вместо одного очень толстого и всеобъемлющего законоположения выпустить два-три десятка и более, но по конкретным

потребителям и формам потребления топлива и энергии? Например, по оснащению всех потребителей энергоресурсов приборами учета (разработав и организовав массовый выпуск недорогих их образцов); по организации производства экономичных источников освещения с заменой ими «старых» ламп; по мерам снижения энергоемкости отечественной продукции; по разработке и освоению топливозамещающих технологий — развитию солнечных и ветровых энергоустановок; по освоению биоэнергетических технологий; по другим подобным направлениям.

При этом речь не должна вестись в призывно-назидательном аспекте, там непременно должны наличествовать очень конкретные цифры и адреса: чего — кто — сколько — в какие сроки — кому — за какие деньги — ожидаемый эффект и т.д. Именно таким содержанием наполнены, кстати, многочисленные законоположения на эту тему в ряде преуспевающих в энергосбережении стран мира, например, в Соединенных Штатах Америки, Японии, Германии, Швеции и других. Если нам недостает для этого дела собственных знаний и наглядного опыта, что же и кому из начальников мешает воспользоваться богатейшими наработками других стран?

Интеллект, не приобщенный к энергосбережению

Отечественное энергосбережение премного страдает упущенными возможностями от пренебрежения услугами ученых, инженеров и умельцев в этой области. Сегодня несть числа пылящимся в патентных бюро бесценным изобретениям на эту тему: по нетрадиционным видам энергопроизводства; преобразователям энергии; по сбережению угля, нефти и газа; по радикальной экономии электрической и тепловой энергии; по использованию вторичных энергоресурсов и др. Есть там, например, ветровой теплогенератор, широкое освоение которого на российских «северах» могло бы доставить немало комфорта для тамошних жителей, одновременно это избавило бы страну от больших хлопот снабжать те территории топливом и энергией. Почему бы властям не вовлечь к активному участию в акциях по энергосбережению отечественных ученых, инженеров и изобретателей?

Если бы освоить на деле хоть десятую часть дожидающегося востребования интеллектуального капитала, то наша страна могла бы вырваться из ряда отстающих и вновь стать продвинутой державой. Кроме того, освоение производства оригинальных технических средств по энергосбережению в условиях нынешнего обострения топливных и экологических проблем позволило бы России открыть для себя новую обширную нишу экспорта. Ведь эти технические средства пользуются во всем мире непрерывно возрастающим спросом, они не залеживаются ни на складах, ни на полках торговых сетей, а любые новинки приобретаются часто, даже независимо от стоимости.

Наша страна вполне могла бы наводнить мировой рынок не только энергоресурсами — газом, углем, нефтью и электроэнергией, но (в не меньшей сумме денежного эквивалента!) средствами по их экономии, а также замещению альтернативными источниками. Выигрыш от этого может стать беспрецедентным не только для экономики, но также в политических, технологических, социальных и других вопросах. Заработал бы в полную силу огромный потенциал машиностроительного комплекса страны, который ныне еле функционирует, обрекая высококлассных специалистов на постепенную дисквалификацию и утрату профессиональных навыков.

Весомость объективных предпосылок энергорастрат

Актуальность и острота проблем энергосбережения в нашем государстве обусловлены не только наличием большого числа субъективных причин, существует несколько и объективных. Назовем для краткости хотя бы три из них.

Пресыщенность общества энергоресурсами. Располагая немерены ми запасами угля, газа, нефти и дров, россияне никогда в своей истории не ведали энергетических кризисов. Нет его и теперь. Очевидно, запрограммированная природой вечная «энергосытость» нации привила ей привычку относиться ко всем видам энергии, как к некоей естественной данности вроде солнечного света, воздуха или воды. Отсюда родилось обыденное равнодушие к энергопотерям: течет понапрасну — не спешим закрыть, горит — не побежим тушить, светится без нужды — не ринемся отключать. И уж мало кто задумывается над расходами энергоресурсов из-за отсутствия сплошь и рядом счетчиков: ни на тепло, ни на газ, ни на горячую воду. Даже электросчетчики не везде стоят. О каком же энергосбережении тут можно говорить?!

Что же касается запасов наших энергоресурсов, то, послушав самих угольщиков, нефтяников и газовиков, можно впасть в иллюзию об их действительной неисчерпаемости. Но так ли это? Возьмем российскую нефть. Когда-то лет 50–60 тому назад по стране шумно прокатились «агитпоезда» по набору добровольцев на стройки объектов «Второго Баку». Они возникали то в Самаре, то в Башкирии, то в Татарии, то в Тюмени... И вправду, везде на этих землях находили гигантские залежи фонтанирующей нефти, но фонтаны те за несколько лет безалаберной добычи угасали. Это вынуждало добытчиков активизировать скважины закачкой воды, получая, в конце концов, уже не нефть, а муть из грязной воды с примесью нефти. Затем и такое топливо пошло на убыль. Теперь добытчики «черного золота» углубились в таежные дебри и дремлющие оленьи пастбища тундры, оставляя за собой несмываемые временем следы глумления над природой. Где же те, названные «несметными», богатства «Вторых Баку»? Недолгим оказался их век, вопреки громким реляциям «первооткрывателей»!

Примерно столь же печальную быль можно поведать о российском газе, ставшем теперь больше политическим «сырьем», нежели энергетическим!

Что до российского угля, то его «биография» еще более драматична. Дело в том, что добывают уголь до сего дня точно так же, как это делали сотни лет назад: в подземных шахтах и вручную. Пока шахты были не очень глубокими, эта работа считалась вполне достойной цивилизации. Но время шло, параметры шахт изменялись, глубина их устремилась до километровых измерений. Все труднее становится обеспечить безопасность шахтера — каждая миллионная тонна угля пожирает жизнь одного добытчика...

Единственно с чем у нас перспективно, так это с дровами — их действительно неисчерпаемо, они лежат на поверхности, никаких нет проблем по их распилу и сжиганию. Это сущая правда, но, несмотря на нее, в энергобалансе страны на древесное топливо приходится какой-то жалкий один процент. А почему? Ответ прост — не модны дрова у нас, да и хлопот с дровами куда больше, чем с газом — чирк и готово!

Вот так обстоит реальная жизнь с «неисчерпаемостью» ресурсов топлива.

Относительная дешевизна энергоресурсов. О «недопустимой дешевизне» энергоресурсов говорят многие деятели российского ТЭК — топливно-энер-

гетического комплекса. Их понять можно, но разделять такое мнение оснований мало. Однако все познается, как говорят, в сравнении. Ведь топливники наши вопиют о бросовых энергетических ценах и тарифах не из села Тюлькино, а из роскошных офисов в Нью-Йорке или Париже. При этом стыдливо умалчивают они о доходах тамошних рабочих, медиков и пенсионеров в сравнении с российскими. А соотношение, примерно, такое: энергоресурсы там дороже нашего в 2–3 раза, зато доходы у их граждан выше наших в 8–10 раз и более. Если бы не эта явно антисоциальная разбежка в цифрах там и тут, то наши славные чиновники и депутаты, лоббирующие интересы небедных владельцев энергопредприятий, давно бы уже побили все мировые рекорды по ценам на топливо и тарифам!

Техническая убогость систем энергопотребления. Вот тут-то, пожалуй, и зарыта главная собака в крайнем небрежении у нас ко всем видам энергетических ресурсов. Если говорить предметнее, то существует немало обстоятельств для такого невнимания. Поименовать все невозможно, исчисляются они, наверное, на сотни и тысячи. Назовем для иллюстрации только несколько, наиболее очевидных:

а) весь парк отечественной техники (машины, аппараты, станки, бытовая техника, осветительные приборы, химические технологии, плавильные печи, дорожно-строительные механизмы, краны, лифты и все остальное) обладает заведомо повышенной энергоемкостью (на единицу производственных мощностей) против их импортных аналогов;

б) из всех расходуемых в стране топливно-энергетических ресурсов (в количестве одного миллиарда тонн, в условном исчислении), объемно-весовому взвешиванию потребителями подвергается меньше четвертой части. Главная причина — отсутствие счетчиков и приборов учета ТЭР в достаточном количестве, их малая доступность по ценам, а также отсутствие вообще многих видов нужных «весов»;

в) вопреки укоренившейся в индустриальных странах практике, у нас подавляющее большинство энергопотребляющих установок не оснащено автоматическими устройствами, обеспечивающими оптимальный расход ТЭР при различных режимах работы. Оптимизация процессов ведется «на глазок», но чаще «наобум»; перерасход ресурсов (топлива, электричества, тепловой энергии) во всех этих случаях неизбежен — от 20 до 40 процентов и более.

Таковы некоторые из объективных обстоятельств, причиняющих огромный ущерб государству и всем россиянам от дурного использования ТЭР.

Сберегающее чудо на коленках не смастеришь!

Обсуждая проблемы энергосбережения, нельзя не сказать об отсутствии в нашей стране специальной индустрии по серийному выпуску энергосберегающей техники и технологий. Речь идет о полном цикле, от конструкторских разработок до серийного выпуска с организацией сети сервисного сопровождения: проектирование, монтаж, наладка, ремонт, текущее обслуживание. По этой причине добрые намерения по энергосбережению очень часто обрываются на самом интересном месте: составили проект — нет оборудования, достали оборудование — некому монтировать и налаживать, изыскали технологический комплекс — нет специалистов-проектировщиков и т.д. А уж о жалком состоянии заводской базы по изделиям энергосбережения —

и говорить нечего. Например, вся Россия пользуется преимущественно осветительными лампами с вольфрамовой нитью. Их энергетический коэффициент полезного действия 8–10 процентов, то есть в световую энергию обращается лишь десятая часть расходуемого электричества, остальные 90 обогревают «мировое пространство». Вместе с тем мир давно изобрел и успешно пользуется другими типами ламп, эффективность которых в 4–6 раз превышает архаичные вольфрамовые. Верно, к нам они также завозятся (фирмы «Филипс» и др.), но стоят в 10–15 раз дороже. Этим и предопределяется их стойкая непопулярность в нашем обществе. В то же время в стране несколько крупных ламповых заводов, влачащих трудную жизнь, «клепая» лампы, морально устаревшие еще в прошлом веке. А ведь в структуре электропотребления на нужды освещения тратится до четверти произведенной электрической энергии!

Подобных прецедентов «антиэнергосбережения», порождающихся из-за отсутствия инженерно-технологической базы по выпуску современных устройств, можно назвать сотни, причем во всех сферах применения топлива и энергии. Между тем в стране не загружены заказами тысячи больших, средних и небольших заводов, фабрик и инженерных центров, готовых с нуля организовать производство подавляющего числа устройств по экономии энергии и замещению органического топлива. Пока не будет сформирована во всей стране и в каждом регионе производственно-техническая база по серийному изготовлению нужной техники, запасных частей и расходных материалов к ней, любые программы энергосбережения — не более чем праздные импровизации на данную тему. Логика такого рассуждения тут несложна.

В стране нашей на добычу, транспортировку, переработку и расходование одного миллиарда тонн (условных) ТЭР горбится более десяти миллионов работников; на цели эти поставляются ежегодно десятки тысяч дорогостоящих машин, аппаратов, механизмов, приборов контроля и автоматики. Наконец, там, в сферах ТЭК, «перемалывается» ежегодно гигантское количество расходных и ремонтно-эксплуатационных материалов: металлов, труб, цемента, химической продукции, технических масел и множества других. И все это во имя получения одного миллиарда тонн ТЭР для внутренних нужд. Обходится такое «удовольствие» обществу примерно в треть ВВП! Так почему же половину добываемого количества ТЭР, которую можно сэкономить за счет энергосберегающих мер, должны получать походя, без больших затрат, на полуобщественных началах? Но чуда в жизни не бывает, сколько вложишь — столько и выручишь!

Вполне закономерно было бы поставить вопрос перед властью о том, что задачи энергосбережения могут быть успешно реализованы только при затратах (инвестиционных, трудовых и материальных) в размерах, сравнимых с функционированием топливных и энергетических отраслей России.

Откуда вызвать мастера по энергосбережению?

В современной жизни нет проблем размещения заказа на любой технический замысел: строительство объекта, приобретение машин или механизмов, ремонт и переделка имеющегося имущества и т.д. Но попробуй какой-нибудь завод, поселок или городок заказать проект по топливозамещающей или энергосберегающей технологии. В поисках решения будут натыкаться на непреодолимые тупики: тупик при выборе проектировщика, тупик в при-

обретении технологического оборудования, тупики в монтаже и наладке технологии, тупик в осуществлении сервисного обслуживания...

Как же быть, если общество остро нуждается в энергосбережении, а в государстве почти отсутствует отлаженная производственно-технологическая база данного назначения? Иначе тут никак нельзя, как энергично создавать то, что нужно, но пока отсутствует. Логичнее всего приниматься формировать всю общегосударственную структуру энергосбережения (в рамках поставленной руководством страны задачи). Делать это вполне возможно на базе существующих (и слабо загруженных) подразделений ТЭК'а, а также отечественного машиностроения. При этом координацию работ по энергосбережению должно осуществлять ведомство, не заинтересованное в производстве и потреблении топливно-энергетических ресурсов. Наверное, и сердцевиной содержания любых программных документов по энергосбережению должны стать указания, направленные на укрепление собственной базы структур, связанных с энергосбережением.

Когда принудим обывателя «гасить свет после себя»?

Набор средств прилежания на уроках жизни у человечества весьма богат, но главными из них, как и тысячу лет тому назад, остаются два — «палка» и «пряник». Без применения в паре именно этих атрибутов предметного наставления все остальные средства бездействуют. Форм выражения и «палки», и «пряника» на практике очень много, как и самих предметов урока — экономии энергетических ресурсов. В качестве первого средства — «палки» — применяются такие, например, как приказные, экономические и юридические:

— приказные: автоматическое отключение при превышении установленных норм качества или количества потребляемого ресурса;

— экономические: тарифные и ценовые меры при отклонениях от установленных условий энергопотребления;

— юридические: правовые санкции при нарушении договорных обязательств или действующих правил энергопотребления.

Все они и еще ряд подобных средств действуют в цивилизованном мире. У нас же, в отечестве, из всего этого набора практикуют (и то с грехом пополам) лишь последние — юридические санкции. Выражается это в одностороннем прекращении поставки энергии или топлива. Первые два средства — предупредительные и воздействующие рублем — едва кое-где мелькают, но чаще отсутствуют вовсе. Хотя, казалось бы, никаких препятствий для их широкого применения в стране нет. Напротив, все директивы свыше только и призывают к этому!

Для эффективного использования другого классического средства, «пряника», придумано в мире еще больше разных ухищрений: льготные цены и тарифы, премии и призы, конкурсы и выставки и т.д. К сожалению, и этот арсенал приманок к энергосбережению у нас практикуется очень редко, весьма избирательно и в единичных случаях.

Ясно, что без волшебного воздействия «палки/пряника» обыватель никогда не сподобится «тушить свет после себя». Очевидно, что именно в крайней слабости вот этой самой сакраментальной пары «палка/пряник», называемой по-научному «стимулом и мотивацией», заключен главный корень «энергораспущенности». В силу этого зла Россию правомерно отнести к стране тотального отсутствия энергосбережения, причем во всех ипостасях

этого понятия. И виноват в том отнюдь не непонятливый обыватель, как часто можно слышать. Вовсе нет. Вина на тех, кто по долгу службы давным-давно обязан был бы снабдить общество теми самыми «стимулами и мотивациями». Но их-то и нет в нашем отечестве, либо они представлены в столь призрачных дозировках, что никак не могут проступить явью ни в экономике огромного государства, ни в каждодневной жизни его граждан.

Почем стоит обуздать энергорасточительство?

В деле энергосбережения заложен некий психологический обман. Человек так устроен, что быстро реагирует лишь на события, приносящие мгновенный, осязаемый и зримый эффект. Все, что за пределами этого, при всей привлекательности требует некоторого осмысления, иначе говоря, расчета и сравнения. К подобным явлениям в полной мере относятся все формы энергосбережения, требующие времени, денег и воли энергопотребителя, прежде чем он решится на применение чего-то нового в своем энергохозяйстве.

Между тем многолетняя практика внедрения энергосберегающих технологий доказывает, что для общества и государства в целом освоение энергосберегающих технологий в 3–5 раз дешевле, чем создание источников энергии той же мощности. Большинство известных ныне форм и видов сбережения энергии окупаются очень быстро, не оставляя места для сомнений и разочарований. Например, в некоем заведении (офис, ресторан, школа, больница и др.) в системе освещения функционирует 100 электроламп с вольфрамовой нитью по 100 ватт каждая; при работе их по 10 часов в сутки за год сгорает 87600 кВт-ч электричества стоимостью (при тарифе 1,5 рубля за кВт-ч) 131400 рублей. Заменив их однажды на энергосберегающие лампы той же освещенности, но потребляющие в 5 раз меньше энергии, и затратив на это (по 100 рублей на каждую) 10000 рублей, можно получить крупный выигрыш. Теперь ежегодный расход электричества составит лишь 17520 кВт-ч стоимостью 26280 рублей, а годовая экономия выразится суммой 113880 рублей, или 9490 в месяц. Инвестиционные затраты после замены вольфрамовых ламп на энергосберегающие окупаются меньше, чем за один месяц!

Подобных расчетов и выкладок, подтверждающих высокую эффективность энергосберегающих технологий, можно составить во множестве на любом предприятии, в каждом учреждении, в каждом доме, в каждой кухне или спальне. При этом вовсе не обязательно сводить энергосбережение только к электричеству. Ведь 80 процентов топливных ресурсов у нас расходуется на тепловые процессы: тепловые электростанции, котельные, бойлерные, нагрев и плавка металлов, производство кирпича и цемента, обогрев жилищ, приготовление пищи и т.д.

Огромны потери энергоресурсов при транспортировке их по трубам, проводам, железнодорожным и водным путям. Мест и факторов потерь топливно-энергетических ресурсов можно видеть всюду. Равно как всюду, на любом поприще, связанном с расходованием топлива и энергии, можно найти множество способов их экономии. При этом эффективность таких мер, оставаясь всегда положительным для экономики, наряду с ней, будет проявляться немалым выигрышем в решении социальных, экологических и других актуальных проблем общества.

В этой связи радикального пересмотра заслуживают действующие в стране методики по оценке эффективности энергосберегающих технологий. При

расчетах здесь учитываются только натуральные величины предполагаемой экономии ТЭР, что (при действительно не очень высоких ценах на топливо и тарифах на электрическую и тепловую энергию в нашей стране) отбрасывает окупаемость затрат на энергосбережение за черту целесообразности.

Заключение

Проблема энергосбережения не относится к числу тех, решив которые однажды, люди навсегда избавляются от надоевших и изматывающих бед, как, например, заразные болезни, безграмотность, бездомность, бездорожье и т.д. Здесь сходятся в тугой узел несколько проблем, где, наряду с научно-техническими, есть и производственные, и экологические, и санитарно-бытовые условия людей, и нравственные аспекты, не говоря уже о проблемах экономики, ресурсов, финансово-инвестиционных. Поэтому было бы глубоким заблуждением принимать данную проблему как нечто, поддающееся фундаментальному разрешению с последующим закрытием ее.

Острота вопросов разумного и рационального использования энергоресурсов теперь уже навсегда останется с нами, а потому решением проблем энергосбережения должны заниматься не те, кому попало в инициативном порядке, а целая отрасль, может быть, даже министерство по энергосбережению. Оно может стать активным противовесом всему топливно-энергетическому комплексу России, а также может служить «энергокомпенсатором» в тех случаях, когда не будет хватать первичных энергоносителей (угля, нефти и газа) и вторичных (электричества и тепла).

И последнее. Об успехах и упущениях в этой важной сфере деятельности общества можно судить лишь методом сравнительного анализа. Сравнивая динамику сегодняшних показателей удельного расхода энергии на единицу продукции или услуг против вчерашних, а также против показателей соседа, можно достоверно узнать, движемся ли мы вверх или вниз, либо топчемся на месте. Судя по цифрам, должны приниматься и меры, им соответствующие.

Словом, проблема энергосбережения для страны и каждого ее жителя стала вечной, подобной жизни или смерти. В этой связи весьма полезной становится систематическая публикация в наших СМИ данных по удельной энергоемкости в народном хозяйстве и в нашем быту с комментариями по ним знающих лиц. Пока, к сожалению, почти ничего подобного не сыщешь ни в одной из наших газет или журналов, ничего путного нет и в Интернете, хотя всего остального там с огромным переизбытком!

Нелли МОТРОШИЛОВА

РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ И ДИСКУССИИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА[1]

Итак, что не только нужно, но и (при определенных условиях) можно сделать для возникновения и укрепления в России гражданского общества?

1. Вполне справедлива постановка вопроса о том, что начинать воспитание качеств членов гражданского общества надо «за партами школ и на студенческих скамьях» *(Межуев В.М. Цитир. произвед., с. 11)*. **Как именно это надо делать — вопрос особый и очень трудный. Не только в опыте России, но и других стран мира, грамотное воспитание (кстати, часто расплывчато, широко понятой) «гражданственности», тем более, ясные уроки** *формирования и сохранения гражданского общества, его структур* **вряд ли являются чем-то хорошо оформившимися. Почему налаживание таких образовательных и воспитательных процессов — именно применительно к гражданскому обществу — можно считать** *одной из настоятельных, но пока не решенных и даже не решаемых активно задач всей мировой цивилизации.*

2. В современных условиях неверно было бы, как мне кажется, заведомо противопоставлять одних людей, одни профессии или дела, социальные процессы и обстоятельства, где якобы не может рождаться гражданское общество — противопоставлять другим людям, делам, процессам, которым отводилась бы привилегированная роль быть инициаторами, первопроходцами в деле создания гражданственности и гражданского общества. Мы уже говорили о том, что гражданское общество — в чем его суть и специфика — в принципе растет, как выражаются американцы и европейцы, от «корней травы» (grass roots), от самых простых жизненных процессов и потребностей. В современной России, например, некоторые формы гражданской активности могут рождаться, когда жильцы дома (домов), решивших отстоять детскую площадку, памятники культуры и т.д. в своем дворе или вблизи от него, объединятся, а затем сохранят свои гражданские группы для других дел. То же можно сказать о разных объединениях людей, протестующих против тех или иных афер, мошенничеств, злоупотреблений.

3. Авторы, сегодня пишущие о гражданском обществе, часто напоминают о нереализовавшейся надежде либералов-рыночников на то, что переход к рынку как бы автоматически решит проблему формирования гражданского общества, несбывшейся надежде, которая вытекала из действительно непра-

[1] Окончание. Начало см.: «Вестник аналитики», № 2, 2009 г.

вомерного отождествления рыночной свободы с любой другой, включая свободу гражданских действий населения. (Говорить о том, что практика у нас опровергла-де эту ошибку, не вполне правильно, ибо настоящего цивилизованного рынка и соответствующих отношений людей у нас пока не возникло.) Однако при всей неправомерности упомянутого отождествления объективная связь между свободой, активностью в экономической (в том числе рыночной) сфере и гражданским обществом все же существует. Традиционный российский снобизм в отношении к этим сферам частично оправдан (опять-таки особенно применительно к России), но в целом он непродуктивен. Выигрывают сегодня те страны, в которых в общественном сознании населения и обобщенных идеологемах устойчиво укрепляются идеи, умонастроения, ценности, предполагающие возможность и необходимость зрелой гражданской деятельности, ответственности, цивилизованности также и в сдерживании «стихии» рынка, в цивилизованном обустройстве, и рыночных сфер и отношений.

Когда знакомишься с опросами общественного мнения, бросается в глаза такая особенность: при всем недовольстве коррупцией (непосредственно и в целом) опрошенные среди своих недовольств и тревог ставят на первое место вовсе не ее — первое место неизменно занимают рост цен и инфляция. Это и понятно: с ростом цен население сталкивается ежедневно и повсеместно. И задается самыми разными вопросами, в частности, такими: почему страна, из недр которой (а они в принципе должны служить гражданам) качаются и продаются по всему миру нефть, газ и т.д., устанавливает для своих автовладельцев, своей промышленности самые высокие и стремительно растущие цены на соответствующие материалы? Почему газопроводы протягиваются через города и страны, но так и не добираются до «богом оставленных» углов и уголков российской провинции? Почему при достаточно хороших урожаях так стремительно дорожают хлеб, молочные продукты и т.д.?

Сама власть подчас дает ответы на подобные вопросы, говоря о «сговоре монополистов». Впрочем, последним и не надо специально собираться на какие-то сходки и договариваться о ценах, которые у нас растут как бы автоматически и лавинообразно. Выборочные «выхватывания» отдельных персонажей (какого-то олигарха, какой-то фирмы) для окрика и наказания, как правило, небольшого и в самом деле «условного», справедливо воспринимаются как временная кампания. А цены снова взмывают вверх, заниженные официальные цифры их роста не вызывают доверия. Хорошо уже то, что в последнее время несколько росли и доходы населения. Впрочем, дополнения ведь черпались и черпаются из бюджета, т.е. из налогов, выплачиваемых тем же населением, а не идут из распухших карманов «сговорившихся монополистов». Разорвать порочный круг, «урезонив» какими-то сильными мерами тех, кто стоит у истоков всплеска цен, государству, т.е. всем видам власти, не удается. (Снова, правда, возникает вопрос: а есть ли воля это сделать?)

Пусть нам только не говорят, что цены, в том числе и их быстрый рост, диктует-де «свободный рынок». Ибо «свободного» рынка у нас, как показано специалистами и как видим мы сами, нет и в помине. Ведь такой рынок — в числе других особенностей — предполагал бы настоятельную заботу производителей, торговцев о потребителях, и не только в смысле высокого качества проданного товара. На подлинно свободном, конкурентном рынке заботятся и о том, чтобы потребитель этой покупкой не был разорен. Есть ли такая забота в России? Отчасти да — у некоторых производителей и у некоторых торговцев, устанавливающих все-таки доступные (для немалого числа покупателей) цены.

Обратиться во всех этих случаях именно к представителям российского бизнеса существенно еще и потому, что неправительственные, негосударственные сообщества, ассоциации, объединения в данной сфере принадлежат к числу наиболее прочных, организованных и в целом достаточно цивилизованных. Причины понятны — немалые деньги, неизбежная ориентация на цивилизованные же зарубежные ассоциации бизнеса, приход в эти объединения (в качестве руководителей) авторитетных, профессиональных людей и многое другое. Особенно интересны общественные организации малого бизнеса, пока еще плохо развитого в России, но востребованного и перспективного. Хотелось бы, правда, чтобы подобные ассоциации не просто отстаивали интересы членов своего сообщества, а *шире включались в процесс цивилизационного, гражданского, нравственного воспитания людей бизнеса,* **чтобы, например, организации и деятели крупного бизнеса не воспринимали малый бизнес только сквозь призму конкуренции.**

Действительно серьезная проблема, хорошо выраженная в классических концепциях либерализма, состояла и состоит в том, что завоевание свободы в рамках цивилизационного рынка может научить и реально учит отстаиванию гражданами и их объединениями всех своих, а не только экономических прав и свобод, учит *гражданской активности,* **но также и** *гражданской ответственности* **во всех других сферах социальной жизни. К сожалению, опыт новой России в этой области оказался во многом негативным и искаженным. Но вот теперь, когда перед бизнесом, и крупным, и средним, и мелким, во весь рост встают цивилизационные задачи, от реформирования бизнес-сообществ никуда не уйти.**

Отсюда — две линии требуемого, желаемого и в принципе возможного развития.

А. Производители, торговцы, крупные, средние и мелкие, собственники, управители-менеджеры из мира бизнеса сами должны конкретно и подробно разработать *систему социальных норм,* **в том числе моральных требований для своей сферы, пока не произошло каких-то социальных катастроф. Это требование относится также к теме гражданского общества — в том, например, смысле, что имеющиеся в наличии и готовые возникнуть** *неправительственные организации* **предпринимателей в числе первых своих дел должны числить формулирование «корпоративных» правил, норм, ценностей, т.е. нормативных кодексов для своего слоя, а главное — должны предусматривать контроль за их выполнением и очищение своих рядов от тех, кто эти кодексы нарушает. Среди подобных правил, кстати, должны быть и такие, которые предусматривают и «корпоративные», а не только государственные санкции для тех, кто устраивает монополистический сговор и разрушает пространство действительно свободного рынка. Пока же и о том, и о другом только говорят (да и то не слишком активно), но мало что делают...**

Б. И все-таки в России (по разным, в том числе подробно разобранным ранее причинам) спасение утопающих в море несвободного, жесткого для них рынка остается, увы, делом самих утопающих. А они барахтаются, тонут, всплывают, снова тонут — и все поодиночке. Самосохранение отнимает все силы. Неимущие слои населения в принципе «спасаются» рынками с низкими ценами на продукты и промтовары, но и качество товаров и услуг там тоже очень низкое.

Боюсь, что мы в ближайшее время не дождемся работы якобы «объективных», «саморегулирующих» механизмов свободного рынка и доброй воли

современных производителей и торговцев. Да и во всем цивилизованном мире качество товаров все-таки регулируется, произвольный и дружный всплеск цен пресекается массой специальных механизмов, в том числе и работой государства, что считается не ущемлением рыночной свободы, а введением рынка, в противном случае грозящего стать варварским, в цивилизованные рамки. Еще важнее — *сознательность, цивилизованность действий самих производителей и торговцев, в том числе механизмы внутренней, свободной, добровольной ответственности, внедренные в мир их ценностей, сознания, делового, профессионального этноса.* **Всего этого у нас пока нет. Но побудить, а если надо, и принудить, к этому производителей, торговцев, сферу обслуживания надо. Сделать это должны не только специальные органы государства, но и сами потребители, они же — клиенты. А это под силу лишь** *организованным* **потребителям, действующим через особые, эффективные сообщества.**

В стране в принципе имеются, но пока исключительно слабы общества, т.е. — по замыслу — *объединения потребителей.* **Отдельные, в основном консультативные, задачи они подчас решают, но пока потребители не знают своих прав или, даже зная их, не умеют эффективно бороться с теми, кто их нарушает. Такая борьба сейчас оказывается уделом поистине героических одиночек, в деятельности которых успех — исключительно редкое явление. Нас снова настигает одно из a priori нашего жизненного мира, которое проявляло свое действие в условиях тотального дефицита советского времени, но сохраняется и сегодня, при наличии видимого изобилия, даже переизбытка товаров, услуг, предприятий торговли и обслуживания. Это опять же бесправие покупателей, а во многих случаях — неуважение к ним. Конечно, уравнивать «светлое прошлое» и настоящее с этой точки зрения мне (человеку, прожившему бóльшую часть жизни при том дефиците) не приходит в голову. Но и часть новых явлений одобрить никак нельзя.**

Подробно писать о них излишне. Лишь напомню о том, что хорошо известно населению. На многих улицах даже таких городов, как Москва, нельзя купить хлеба, овощей или иголки-нитки, невозможно найти чистку, прачечную и т.д. Одновременно там разместят (как, скажем, на моей улице на отрезке в 300 метров) пару (всегда пустых) магазинов офисной мебели, три магазина обуви, пару дорогущих бутиков (где один-два покупателя в день при толпе бездельничающих продавцов и скоплении хорошо одетых манекенов — большая удача), баснословно дорогую парикмахерскую, салон пирсинга — и все это при отсутствии доступного продуктового магазина, булочной со свежим хлебом, «нормальной» по ценам парикмахерской и т.д. Еще одно: в подземном переходе, ведущем к метро, вдруг воцарятся, вытесняя что-то другое, например, продажу книг и газет, *многочисленные* **торговые «точки», продающие только мобильники и аксессуары к ним, а вокруг будет собираться агрессивная, опасная, особенно в вечернее время, праздная толпа молодых людей с плакатиками: «Куплю сотовый. Дорого». (Какие именно «сотовые» тут продаются и покупаются, это вопрос.) Время от времени безучастно ходят милиционеры... Ощущается полное отсутствие контроля местных властей (а скорее, напрашивается мысль о сговоре с ними). Понятно, что отдельному недовольному гражданину, спешащему по своим делам, что-то изменить не под силу; всякое вмешательство чревато опасностью для жизни и здоровья. А контроля со стороны обществ потребителей, жителей данной местности, здесь нет и не предвидится.**

Подобным образом обстоит дело и в других случаях, например, в так запущенном контроле за качеством и сроками годности товаров. Телевидение в

своих тревожных передачах время от времени фиксирует «издержки» подобной ситуации — от пищевых отравлений, последствия которых как-то превозмогаются, до угрожающе многочисленных смертельных случаев. Нарушения необходимых требований качества и сроков хранения товаров в России — массовые и повсеместные. И ведь очень нередко это приводит к смертям, к отравлениям в школах, местах летнего отдыха детей!

Ясно, что по сравнению с цивилизованными странами здесь отсутствуют такие важнейшие звенья и механизмы контроля, как собственные совесть и добросовестность, ответственность и производителей, и торговцев, сознание которых воспитывалось веками и которые являются самыми действенными «контролерами».

4. Это подводит нас к еще одной тревожной проблеме России, которая относится к гражданскому обществу, хотя и не только к нему. Это вопрос о свободе и ответственности в деятельности властей и широких слоев населения. Особенность «момента», т.е. последнего десятилетия в истории России, состоит в том, что люди из разных слоев научились, кажется, ценить *собственную* **свободу, хотя не научились ни бороться за нее в правовом поле, ни объединяться там с другими людьми, ни сочетать свои свободолюбивые ценности и усилия** *с ответственностью, с уважением к свободе других индивидов, с умением достигать социальной согласованности, взаимности действий и ценностей* **как раз в сферах реализации свободы. И навыки** *цивилизованной реализации свободы* **у нас на Родине не сложились, и соответствующие ценностные нормы-рамки пока не стали внутренним убеждением очень многих людей.**

Гражданское общество и в обрисованном контексте социальных требований и действий имеет особое значение. Ибо сфера его действий, вернее, действий индивидов, групп в рамках системы гражданского общества, по определению, является социальной областью, сферой публичности, суть которой — *в изначальном объединении индивидуальной, групповой свободы, активности и социальной ответственности каждого действующего лица, а также каждого объединения и всех их вместе.* **На словах это кажется вполне ясным и общепринятым, но на деле тут накопилось немало трудностей и противоречий (например, есть немало претензий к деятельности традиционных правозащитных организаций, главные акценты которых — защита свободы представителей маргинальных, малочисленных групп, что оправданно; но одновременно имеет место пренебрежение к правам, свободам, к катастрофам в жизни большинства населения, что уже является серьезным перекосом).**

5. Хочу специально затронуть вопрос *о политических аспектах деятельности гражданского общества.* **Но начну с выражения несогласия с иными авторами работ на данную тему, где «гражданственность» сводится к роли гражданина (ситуайена) как избирателя, члена политических партий или иных политических организаций. Здесь нужно, как я думаю, иначе расставлять акценты. Да, «гражданственность» в таком смысле очень важна. Банальная истина: куда лучше функционируют те государства, граждане которых политически активны, например, на выборах. Но пока и поскольку они выполняют** *установленные для них государством и в рамках государства действующие политические правила,* **пока реализуют здесь свою свободу и свою ответственность, речь о «гражданском обществе» в специфическом смысле этих слов еще не идет. Напомним: равным образом механизмы, формы демократии в пределах функционирования государства не тожде-**

ственны широкой демократии гражданского общества. Последняя — специфическое и очень существенное *дополнение* к политической демократии государства. И если «гражданственность», «гражданское общество» сводят лишь к этим *внутригосударственным* качествам, ролям и функциям, значит, и теоретики, и практики не видят, не чувствуют *специфики* гражданского общества, в том числе и в политической сфере.

Политические стороны деятельности гражданского общества — это снова же контроль граждан за деятельностью государства, в данном случае в специфической сфере политики, прежде всего, благодаря соответствующим *неправительственным организациям,* ассоциациям политической направленности. Когда избиратели просто идут (или не идут) на выборы, они функционируют как *граждане государства.* А когда они создают, скажем, независимые объединения избирателей для контроля за «чистотой» выборов и для предотвращения всех тех темных (от серой до черной) сторон процесса подготовки и проведения выборов, то это уже деятельность гражданского общества и его организаций. Могут существовать и объединения, созданные, скажем, с целью контроля за другими политическими процессами — за отношением государства к политическим партиям, профсоюзам и т.д. Или объединения, ставящие конкретные политические цели (подобные антивоенным, антифашистским и другим организациям), или действительно неправительственные организации, защищающие политические и иные права отдельных категорий населения (молодежи, женщин, пенсионеров и т.д.).

Эта деятельность в стране пока совсем не развита. Более типичны случаи, когда организация числится неправительственной, а на деле открыто, ясно ставит свою деятельность на службу власти и правящей партии (таковы, скажем, молодежные объединения, о которых власть с полным правом может сказать: «это — наши»; или женские организации, фактически являющиеся придатками какой-то ветви власти, скажем, законодательной; перечень таких объединений можно продолжать). Противоположный случай — организации, учреждаемые в России на деньги тех отнюдь не нейтральных в политике зарубежных фондов, которые целенаправленно платят деньги лишь тем, кто устраивает их по политическим ориентациям вполне определенного толка. Здесь вопрос, к слову, не в критических по отношению к власти умонастроениях, ибо их в нашей стране, слава Богу, открыто выражают очень и очень многие, а в устойчивой и заведомой вражде к определенным правящим лицам. Словом, речь идет о «наших наоборот», о чьих-то еще «наших»...

6. Точками роста гражданского общества могут стать *благотворительные, филантропические общества, фонды самого разного типа и формата.* В Европе и на других континентах, да и в истории России, такие организации (как правило, возникавшие вокруг накопленных, собранных или собираемых кем-то денег) были заметными явлениями, проявлениями солидарности, гражданской и просто человеческой, сострадания, гуманизма и т.д. Немалая потребность в таких обществах и деятелях есть и в сегодняшней России.

Здесь надо сказать о деятельности средств массовой информации. Заметили ли вы, что о добрых делах людей с известными именами говорится как бы вскользь — например, так и не удосужились рассказать о благородной деятельности выдающейся российской актрисы Чулпан Хаматовой или других ее коллег, которые постоянно организуют сбор средств для медицинской помощи тяжело больным детям. Зато часами длятся морально, социально непристойные, развязные (полностью лишенные вкуса, ставшие скорее образцами

«антивкуса») телепередачи о гламурной жизни «звезд», об их шальных доходах и по всему миру закупленных виллах. При этом под вывеской «Ты не поверишь!» (поверить в самом деле трудно) «на глазах» у всей страны поласкают «грязное белье» известных людей (иногда и с их участием)... Наглые, намеренно хамоватые, лишенные дара грамотной речи ведущие — и мужчины, и особы женского пола — избираются для подобных передач; некоторым из них даже доверяют не одну программу. В аспекте обсуждаемой проблемы *гражданского общества* сказанное означает: активно пропагандируется более чем сомнительный стиль жизни и поведения, который становится «модным» как раз потому, что его связывают с деятельностью людей, подчас имеющих в стране известность, и чаще — известность скандальную. Так вот: вокруг людей не со скандальной, а с заслуженной известностью (выдающихся актеров, писателей, спортсменов, ученых, политиков с хорошей репутацией и т.п.) могут и должны формироваться *очаги гражданского общества,* а вместе с этим упрочиваться ценности труда, достоинства личности, справедливости, честности — словом, ценности цивилизации, высокой морали и нравственности.

Можно специально иметь в виду тех представителей нашего населения, которые сейчас наделены преимуществами молодости, силы, здоровья. (Характерно, что они нередко уже имеют свои объединения на местах.)

Когда я вижу, скажем, как в день десантника, пограничника, моряка и т.п. буйные группы накачанных молодых людей проявляют свою удаль в купаниях в фонтанах и в других как бы невинных, «детских» шалостях, то готова понять их, как делает наше население: они радуются редким встречам своих неслабых вообще-то сообществ. И еще исхожу из того, что их организации существуют и в остальное время в чем-то позитивном себя проявляют. Но в принципе от спаянных прошлой службой здоровых, по всему видно — способных к активным совместным действиям, уверена, неглупых и болеющих за державу парней можно ожидать постоянных, организованных социально-ориентированных действий. Хотя бы в решении некоторых конкретных больных проблем, характерных для всех, без исключения, городов, поселений, деревень нашей страны. Перечислю некоторые из них.

- **С ужасающим постоянством в России горят детские дома и дома для престарелых — с человеческими жертвами, причем главной причиной являются неисправная электропроводка, отсутствие средств противопожарной безопасности. Могут сказать: держать их в исправности — обязанность определенных людей из соответствующих служб; гасить пожары, спасать людей — обязанность МЧС. Спасатели и делают это, часто рискуя собственной жизнью. Но вот поставить под дополнительный контроль каких-то общественных организаций деятельность соответствующих служб, вернее, их бездеятельность, «издержками» которой являются жизнь и здоровье беззащитных детей и стариков, вполне возможно.** *И это очень, очень важно, весьма неотложно, достойно с моральной точки зрения.*

Электропроводка (и другие механизмы), вообще безопасность в школах, больницах, словом, в социально существенных и одновременно сильно уязвимых учреждениях — все это тоже может и должно бы заинтересовать подобные организации молодых, сильных, инициативных граждан нашей страны. Я не утверждаю, что бывшие десантники и пограничники обязательно должны сами чинить аварийную электропроводку (хотя если они это умеют на профессиональном уровне, почему бы и нет?). Думаю, что их организации или инициативные группы на местах могли бы иметь, если они

захотят, исчерпывающую информацию о самых аварийных, опасных очагах и бескомпромиссно следить за тем, чтобы соответствующие инстанции и лица исправляли положение.

- **Настоящим бедствием России, как неоднократно упоминалось, являются неблагополучные семьи, где родители оказались на самом дне жизни и где малые дети брошены на произвол судьбы, обречены на болезни, безграмотность, бродяжничество, криминал. Проблема, конечно, системная, комплексная и очень тяжелая. Но ведь одна из причин — в попустительской реакции, безразличии окружающих. Сколько опустившихся пьяниц стали — и совсем безнаказанно — причиной пожаров, газовых взрывов в квартирах, подъездах, целых домах? Думаю, что *конкретный* учет таких социально опасных семей и воздействие на них (разумеется, исключительно в рамках закона) со стороны организаций гражданского общества, объединяющих в прямом и переносном смысле сильных индивидов, могли бы существенно помочь лечению этой язвы, едва ли не главной в современной России.**

- **Нечто подобное можно было бы адресовать видным спортсменам и вообще спортивным организациям. Сейчас наиболее популярные спортивные клубы, общества (и не только в России) больше известны тем, что заняты распределением поистине баснословных денег для «покупки-продажи» самых перспективных спортсменов. (Я уже писала ранее, что считаю существенным перекосом всей современной цивилизации факты такого рода: хороший или даже средний футболист, теннисист и т.д. получает в год на порядок больше, чем лауреат Нобелевской премии за труд всей его жизни. И пусть не говорят, что благодаря выступающим крупным спортсменам стадионы собирают десятки, сотни тысяч зрителей и что расходы на спортивных звезд окупаются. Помимо вопроса о том, «кому» идет эта «окупаемость», остается главное: знания, воплощенные в идеях выдающихся ученых и примененные во множестве открытий, объективно окупаются в значительно большей степени; но на оплату труда даже выдающихся ученых это не влияет...).**

Отвлекаясь от того, что выправить такой общецивилизационный перекос с сегодня на завтра вряд ли возможно, все же оправданно обратить внимание баснословно разбогатевших спортивных звезд и наживающихся на них спортивных бонз, как раз и заправляющих делами *спортивных клубов, организаций: последние тоже могут и должны стать очагами, ячейками гражданского общества.* И в разных направлениях их возможной деятельности — в восстановлении преступно разрушенной сети детских спортивных школ, устройстве спортплощадок, развитии школьного (в том числе детдомовского) спорта; во втягивании в спортивные занятия и здоровый образ жизни десятков тысяч, если не миллионов слоняющихся по дворам и подворотням подростков, которые спиваются или даже употребляют наркотики, криминализируются и т.д.

К перечисленному можно было бы добавить многие другие сферы, где возможно приложение сил для решения на местах конкретных проблем повседневного бытия обычных, простых людей — от экологии и вопиющих нарушений экологического баланса (при постоянном уходе от наказания злостных «экопреступников»), захвата территорий дворов, спортплощадок, наглого и безнаказанного промышленного рейдерства и т.д.

***На местах* энергичным, честным, умным молодым людям есть во что вмешаться — при том, что злоупотребления совершаются, что называется, у них «на глазах».**

Тиберио ГРАЦИАНИ (Италия)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЗАПАДНОЙ СИСТЕМЫ. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД[1]

В связи с нынешним кризисом ситуация анализировалась неоднократно, как правило, с экономической точки зрения. В данном контексте был проведен ряд исследований по воздействию кризиса на глобальную экономику и на всемирные промышленные системы. Результаты этих оценочных исследований способствуют поиску решений по преодолению кризиса без утраты мощи западной системой во главе с США. Поскольку в настоящее время, как представляется, после определенного периода однополярного мира начинает складываться новая, многополярная структура, необходимо осмыслить отношение между различными геополитическими позициями мировых игроков и кризисом. Если принять во внимание различия в геополитических стратегиях основных глобальных субъектов действий (США, Евросоюз, Россия, Китай, Индия), различия культурных особенностей и устремлений, то это поможет нам определить более здравые подходы к восстановлению (или созданию) социальной стабильности и отыскать новые формы международного сотрудничества в условиях нынешнего кризиса.

Глобальный кризис или кризис западной системы?

Как правило, происходящее финансовое (а к тому же еще и экономическое, и промышленное) землетрясение мы именуем «глобальным кризисом», а это выражение верно лишь отчасти и лишь в определенных ситуациях. Однако если анализировать данное явление с геополитической точки зрения, то финансовая катастрофа предстает, прежде всего, внутренним кризисом «западной системы», который вызывает определенные последствия в других геополитических областях.

[1] Всемирный общественный форум «Диалог цивилизаций». Диалог в Праге: «Реконструкция европейской модели социального развития». Прага, Чешская Республика, 13–15 мая 2009 г.

Для того чтобы лучше представить данную концепцию, стоит кратко охарактеризовать, что понимается под «западной системой» и «глобальной системой», а также роль так называемого процесса глобализации в геополитической структуре.

Понятия

1. «Западная система» (ЗС). С геополитической точки зрения можно утверждать, что ЗС составляют главным образом США, Европа (Евросоюз) и Япония (плюс Канада, Австралия и Новая Зеландия). Главная роль в этом обширном геополитическом пространстве принадлежит США и их исторически особому партнеру — Великобритании. ЕС и Япония (соответственно западная и восточная стороны евразийского континента) являются окраинами этой зоны, наделенными важной геостратегической функцией в отношении протяженной евразийской суши. По сути, со времени окончания Второй мировой войны и в рамках геополитической доктрины США страны ЕС и Япония составляли два симметричных американских плацдарма, наделенных своеобразной функцией надзора за Россией и Китаем, этими двумя «легкими» Евразии. В действительности — по причинам историческим, географическим и культурным — для Европы и Японии естественной геополитической позицией должна бы стать евразийская, а не атлантическая.

Контроль над евразийскими пространствами суши, что привел бы к гегемонии США в северном полушарии планеты, определил внешнюю политику Вашингтона и североамериканскую военно-промышленную структуру, особенно в последние несколько лет.

В своей книге «Искусство дипломатии» Генри Киссинджер называл США островом за пределами Евразии. Бывший советник по национальной безопасности и государственный секретарь при президенте Никсоне был того мнения, что единая Великая Держава, подчиняющая себе две главные области Евразии, Европу и Азию, представляла бы стратегическую опасность для Соединенных Штатов. Такого рода опасность, разъяснял Киссинджер, необходимо предотвратить, даже в том случае, если Великая Держава и не выкажет агрессивных намерений, поскольку, если эти намерения в будущем окажутся агрессивными, Вашингтону будет не по силам определять ход событий, так как уменьшилась действительная способность США к сопротивлению (*Henry Kissinger*, L'arte della diplomazia, Sperling & Kupfer Editori, Milano 2006, pp. 634–635).

2. «Глобальная система» (ГС). В существующей геополитической структуре данное выражение (своим происхождением оно обязано лексике техники связи и передачи информации) означает прагматическую волю «западной системы» подчинить себе планету, главным образом на финансовой и экономико-технической основе. «Глобаль-

ную систему» необходимо рассматривать как проект, как цель, которую предстоит достичь с помощью инструментов и процессов экономической и финансовой конкуренции.

Архитравом стратегии, нацеленной на создание «глобальной системы», является экономическая взаимозависимость государств во всемирном масштабе.

Попытка создать «глобальную систему» (на финансовом уровне) отражает «политические» намерения крупных финансовых группировок.

3. Глобализация. Мы согласны с определением, данным французским экономистом Жаком Сапиром в книге «Новый XXI век» (*Jacques Sapir*, Le nouveau XXI si?cle, Paris, 2008, pp. 63–64): «Так называемая «глобализация» на самом деле есть сочетание двух процессов. Первый — это мировое распространение капитализма (в промышленной форме) на территории, им ранее не затронутые. А второй, который в большой мере является осуществлением политики США, соответствует волюнтаристской политике финансово-торгового пролома».

Иными словами, процессу глобализации отводится роль стратегии США за обладание мировой гегемонией во время «однополярного периода».

Западный кризис и новая многополярная структура

Все мы понимаем, что так называемый глобальный финансовый кризис в действительности является скопищем нескольких кризисов, которые, начавшись с США, ныне распространяются по всей планете, пагубно воздействуя на экономику государств и, тем самым, влияя на их социальную стабильность. Принимая геополитическую перспективу, мы получаем возможность проследить, как кризис, начавшись в геополитическом центре западной системы, поначалу стал распространяться на окраинах, главным образом в странах ЕС и Японии, а на второй стадии перекинулся на восточное полушарие Земли. Скорость и интенсивность распространения кризиса определяются структурными различиями стран, на которые он направлен.

Более того, видно, что глобальный (западный) кризис происходит:

— в ходе геополитической подвижки (от однополярной к многополярной структуре, основополагающие столпы которой, как представляется, приходятся на Евразию и Южную Америку, соответственно на север восточного полушария и юг западного полушария планеты);

— в особых экономических рамках, когда в экономическом, финансовом и промышленном плане происходит появление новых ключевых игроков в Азии (Китай и Индия);

— в ходе переутверждения России в качестве глобального игрока и, прежде всего, как стержня евразийского пространства.

В такой ситуации кризис мог бы не только ускорить переход от однополярной к многополярной системе, но и укрепить ее. По сути, европейским странам следовало бы наконец-то осознать, что их основополагающие и особые интересы (энергоснабжение, безопасность, культурное развитие) имеют континентальное измерение и прочно связаны с интересами российскими и азиатскими. В едином евразийском контексте Европа нашла бы свое естественное геополитическое положение, сотрудничая с этими странами на основе равенства. Европейский «полуостров» сделался бы чем-то вроде соединительного шарнира между Азией и Африкой и играл бы роль евразийского порта на Атлантическом океане.

Укрепление многополярной структуры требует от европейских стран замены пассивной окраинной роли в «западной системе» на активную роль в рамках потенциально проявляющейся евразийской интеграции. Изменение геополитического положения Европы — необходимейшее условие преодоления происходящего кризиса и создания социальной стабильности в соответствии с ее культурой, основанной на антииндивидуалистических принципах.

Аналогичные сигналы, как представляется, появляются и в Японии. Токио проявляет все большую и большую заинтересованность в укреплении политических и экономических отношений с Пекином и Нью-Дели, а прежде всего, в обретении активной роли в партнерстве с двумя этими азиатскими странами в восточной части пространства евразийской суши.

Трения внутри западной системы относительно того, «как преодолеть кризис»

Обращаясь к решениям, нацеленным на разрешение кризиса, замечаешь некоторые существенные трения, возникшие на Западе. Иными словами, кризис, как представляется, обнажил глубокие различия между Европой и США в том, что касается их отношения к делам экономическим и социальному благосостоянию. Париж и Берлин — даже при том, что и там, и там все решают правительства, ориентированные на атлантизм (Саркози и Меркель — это, по сути, выражение неоатлантической европейской олигархии) — вынуждены принимать во внимание тот факт, что структурно так называемая неолиберальная динамика европейских экономик (за исключением Великобритании) основана на противоречиях между неолиберальным образом действий и практикой, вдохновленной принципами солидарности.

Образ действия и практика, определяемые отношениями солидарности, в наши дни все еще имеют место в континентальной и средиземноморской Европе — невзирая на могучие валы ультра-либерализма, периодически накатывавшие в течение двух последних десятилетий, а

главное — на регулярно повторявшиеся предостережения (чаще звучавшие как самые настоящие угрозы или диктат, нежели как простые предостережения) со стороны некоторых международных экономических организаций (среди них: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная организация торговли, ряд частных агентств кредитных рейтингов).

Отношения европейских стран, основанные на солидарности, нашли свое выражение в деятельности ряда социальных институтов, среди которых можно назвать (пусть и частично приватизированные в последние годы) те, что нацелены на поддержку вышедших на пенсию и безработных (социальное обеспечение), на предоставление некоторых социальных услуг (например, медицинское обслуживание), на поддержку некоторых стратегических компаний и в особенности среднего и малого бизнеса, составляющего (по ряду аспектов) экономическую ткань всего Европейского Союза.

Если принять во внимание сказанное в последних строках, можно лучше понять выявившиеся несходства взглядов (между представителями США и ЕС) в рамках многонациональных встреч, посвященных «глобальному» кризису.

Хотя даже подчеркнутые различия (больше регулирования — по требованию стран ЕС, больше «свободного рынка» — по требованию США) не создали «настоящего» решения для выхода из кризиса (по крайней мере, до сих пор), и даже если различия эти в дополнение не вызовут раскола между США и странами ЕС, то все равно они вызывают большие сложности внутри «западного дома».

«Западная система» под управлением атлантической олигархии должна учитывать тот факт, что ее «окраины» (страны ЕС и Япония) более не столь надежны, как были в прошлом, несмотря на целый ряд военно-экономических союзов, глубокую экономическую взаимозависимость и присутствие американских войск (НАТО), широко распространенное по Европе и в районе Средиземного моря. Европа, в частности, могла бы избавиться от контроля США, если бы североамериканская экономическая стратегия попыталась переложить собственные долги США на плечи европейских граждан.

Возврат к экономике, «контролируемой» государством, и так называемым протекционистским мерам, предпринятый США и некоторыми европейскими странами, далеко не будучи настоящими политическими решениями вопроса, скорее, представляются эгоистичными и приспособленческими временными выходами, к каким прибегли западные правящие олигархии. Другими словами, такого рода увиливания, основанные на вмешательстве государства в сферы экономики и финансов, имеют ясную цель использовать государство для оплаты долгов, вызванных безответственными спекуляциями некоторых финансовых лобби. В этом нет ни политической проницательности, ни

понимания экономики на основе солидарности, зато, скорее, присутствует неолиберальная эксплуатация национальных доходов и сбережений. Финансам США необходима неоогосударствленная экономика просто для того, чтобы перевести дух в чрезвычайный период своей истории.

Установленными целями расплачиваться за кризис избраны окраины западной системы, то есть Европа и Япония. Для обоих этих геоэкономических районов характерна — по причинам историческим — все еще распространенная привычная культура сбережений, которая полностью отсутствует в Соединенных Штатах. Более того, их соответствующие экономические системы, даже будучи ориентированными на рынок и основанными на неолиберальном образе действий, тем не менее сохраняют некоторые корпоративные характеристики. По иным, хотя и аналогичным, причинам обеим окраинам «западной системы» в кризис приходится получше, чем США.

Выход на сцену новых игроков

Новые глобальные игроки (Россия, Китай и Индия) в сравнении с США и Европой перенесут кризис с меньшими потерями.

Россия и Китай, видимо, достаточно успешно отреагируют на потрясение, вызванное финансовыми спекуляциями, главным образом благодаря своим политическим структурам и устойчивости соответствующих центральных органов политической власти. В определенной степени можно ожидать, что ударная волна финансового кризиса, возможно, разобьется о евразийскую стену, сложенную главным образом Китаем и Россией. Такое возможно в самом ближайшем будущем, если Москва с Пекином начнут проводить общую экономическую и монетарную политику.

Относительно Индии можно полагать, что Нью-Дели для преодоления кризиса без значительного ущерба следовало бы уравновесить слабость собственной политической системы укреплением экономических отношений с Москвой и Пекином в рамках общего евразийского представления. Геополитическая интеграция Евразии могла бы стать более надежным способом ослабить последствия кризиса и, несомненно, содействовать консолидации образующейся многополярной структуры.

К выходящим на сцену новым игрокам, несомненно, должны быть причислены Бразилия, Аргентина и Венесуэла. Как известно, за последние несколько лет эти страны, расположенные в южной части американского субконтинента, некогда «задворках» США, укрепили стратегические отношения с основными евразийскими странами, Китаем, Россией, рядом ближневосточных государств (среди них — с Ираном), обеспечивая себе активное участие в геополитической глобальной подвижке от однополярной к многополяр-

ной структуре. При таком новом содержании существенных отношений между странами — обладателями энергетических ресурсов и важного для всего мира сырья Бразилии, Венесуэле и, в какой-то мере, Аргентине следует противиться последствиям, порожденным «глобальным» кризисом.

Европа

Относительно создания экономической безопасности и социальной стабильности в Европе мы исходим из того, что европейские власти должны, прежде всего, пересмотреть свои геополитические позиции, что означает обретение полной суверенности во всех областях — политической, экономической, военной, культурной. В общем, европейцам стоило бы поразмыслить над тем, что их собственные интересы — это «евразийские интересы», а не интересы США или «Запада». Для европейцев (не для нынешних правящих олигархий) не существует экономической свободы без континентальной суверенности.

Что касается ряда практических аспектов, то мы укажем всего на два главных аспекта, на которых следовало бы сосредоточиться европейским властям:

а) реформирование банковской системы;

б) создание новой смешанной экономики.

Банковская система, как все мы понимаем, в наши дни является «частным» институтом и основу своей деятельности видит в получении прибыли. Она не принимает во внимание социальные рамки, в которых действует, и последствия, вызываемые ее действиями. Банковская система «не несет ответственности», и терпеть это дольше нельзя. Для восстановления социально-экономической стабильности, по сути, банковская система должна стать «социальным» институтом, быть нацелена на оказание услуг всему обществу.

Создание европейской «новой интегрированной смешанной экономики» — дело весьма важное и глубоко связанное с преобразованием европейской банковской системы.

Начнется оно, возможно, с государственного финансирования стратегических инфраструктур, имеющих отношение к энергетике и средствам связи в масштабе всего континента, в контексте сотрудничества с Россией, Северной Африкой и ближневосточными странами.

К другим важным блокам, подлежащим рассмотрению, относятся:

— развитие единой европейской военной промышленности;

— развитие единых европейских исследовательских структур в сфере высоких технологий;

— использование полезных инструментов для усиления социальной справедливости и солидарности в масштабе континента с учетом местных традиций;

— создание организации коллективной безопасности в масштабе всего континента (Европа—Россия) и в масштабе Средиземноморья (Европа—Северная Африка);

— укрепление культурных отношений в рамках Древнего Континента (Европа—Азия—Африка) на основе «евразийского духовного единства».

Выводы

Геополитическая перспектива, для которой так называемый глобальный кризис является в основном внутренним кризисом западной системы, привела нас к выводу о неестественности положения Европы внутри геополитического пространства США. А значит, выход из кризиса необходимо искать вне «либеральной» практики, навязанной США как победителем во Второй мировой войне и «перенятой» европейцами в последние 60 лет вопреки их установкам на солидарность в отношениях.

Утверждение Европы на новой позиции в рамках евразийского контекста рассматривается как предпосылка создания социальной безопасности и экономической стабильности по такому рецепту: **без суверенности нет никакого социально-экономического развития.**

Главными европейскими структурами, нуждающимися в осмыслении и усовершенствовании, являются банковская и экономическая системы. Упор делается на перевод банковской системы из частной в сферу государственных услуг. Предлагается переориентация либеральной экономической системы на новую европейскую смешанную экономику.

Владимир ДЕРГАЧЕВ (Украина)

РАСКАЛЕННЫЕ РУБЕЖИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В изменившейся за двадцатое столетие геополитической архитектуре мира появились новые очаги нестабильности и конфликтности. В результате возникла потребность в корректировке представлений традиционной геополитики о геополитических узлах на рубежах евразийских цивилизаций. Самым взрывоопасным регионом мира стал Ближний Восток, хотя в традиционной геополитике он таковым не числился. Ближний Восток является абсолютным лидером по количеству конфликтов после Второй мировой войны. Вместе с тем здесь зародились великие религии, открывшие глубинные горизонты чувственной природы человека. Но настало время, когда впервые в регионе с тысячелетней историей в качестве главного архитектора мироустройства выступает государство, обладающее короткой политической историей. Не приведет ли это к сбою в важнейшем «двигателе» духовного прогресса?

Обратимся к особенностям местных этноприродных рубежей, которым не всегда уделяется внимание в аналитическом сообществе.

Геополитические узлы на этноприродных рубежах. Когда в начале XX века формировались основы традиционной геополитики, не были известны факты о природных особенностях формирования тектонических разломов Земли и возможного их влияния на энергетику этноприродных рубежей. Рассмотрим с позиций авторской теории Больших многомерных пространств[1] особенности и уникальность Ближневосточного геополитического узла, ставшего самым взрывоопасным в современном мире.

В многомерном коммуникационном пространстве на рубежах евразийских цивилизаций (ЕВРАМАРе) расположены крупнейшие в мире

[1] *Дергачев В.А.* Геополитика. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

геополитические узлы на тройных цивилизационных границах, где часто рождается взрывоопасная энергетика. Это зоны рубежной коммуникативности с высоким энергоизбыточным напряжением, с производительной или разрушительной силой коммуникации. Если сопоставить крупные очаги напряженности с этноландшафтными рубежами, то многие исторические эпицентры конфликтов расположены на тройных конфессиональных границах мировых цивилизаций, среди которых ныне выделяются рубежи западнохристианской, православной и исламской (Балканы, Левант, Крым) цивилизаций. Заслуживают внимания исследования мутагенных источников этнической пассионарности, связанные с сейсмически активными тектоническими зонами землетрясений в местах этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов, включая Балканы, Кавказ, Молдавию и Центральную Азию.

Сейсмоопасные зоны этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов особенно проявляются на рубежах цивилизаций с разными религиями, идеологиями и культурой. Они порой дремлют под покровом мировых империй и сверхдержав. И взрываются при очередной геополитической трансформации. Если в геологическом пространстве тектоническая трансформация сопровождается или вызывается землетрясениями или извержениями вулканов, то на рубежах цивилизаций в качестве основного горючего материала выступает этнонационализм, или проще — искусственная вестернизация, сопровождаемая появлением коррумпированных «демократических» режимов.

Сто лет тому назад не было известно об одной уникальной особенности многомерного коммуникационного пространства Афроазии. В геологическом пространстве здесь расположена Великая зона разломов на границе Аравийской и Африканской тектонической плиты. В географическом пространстве региона выделяются географические рубежи Азии, Африки и Средиземноморья. Рубежная этническая коммуникативность (евреи, финикияне, сирийцы, арабы и греки) способствовала интенсивному обмену не только товарами, но и информацией. В цивилизационном пространстве — Афроазия (арабский мир) и Арабский Машрик — арабский Ближний Восток (за исключением Турции, Кипра и Израиля), включает страны Аравийского полуострова, Египет, Ирак, Ливан, Иорданию и Сирию.

Здесь от Кении до Мертвого моря и долины Иордана проходит **Восточно-Африканская зона тектонических разломов, включающая Великую рифтовую долину,** расположенную в глубокой сбросовой впадине Эль-Гор, включающую озеро Кенерет (Галилейское море), реку Иордан, Мертвое море и ее южное продолжение Вади-Эль-Араба. Частью этой тектонической системы являются Красное море, где у мыса Рас Мухаммед, одном из самых красивых мест в подводном мире кораллов и морской фауны, разлом раздваивается и проходит через

мелководный Суэцкий залив (90 м) и глубоководный Аккабский залив (2000 м). На севере рифтовой зоны расположена «земля обетованная» — между Средиземным морем, Сирийской пустыней и пустыней Негев и самым крупным источником пресной воды озером Кенерет. По тектоническому разлому проходят государственные границы Израиля, Палестины, Ливана, Иордании и Саудовской Аравии.

В пределах этой тектонической зоны разломов локализуются два геополитических узла — Ближневосточный и Арабо-Африканский. После распада Османской империи, ухода из региона Британии и образования государства Израиль здесь образовался геополитический узел на стыке мусульман (шиитов и суннитов), евреев (иудаистов) и христиан. После деколонизации и распада биполярного мира активизировался Арабо-Африканский геополитический узел на тройной границе ислама, христианства и африканских культов. Этот, как его называют, «фронтир» характеризуется многочисленными этнонациональными и этноконфессиональными конфликтами в странах северо-восточной Африки (Дарфур в Судане, Огаден в Эфиопии, пираты Сомали). Аналитики называют регион геополитической бомбой замедленного действия[2].

Ближневосточный геополитический узел сформировался на раскаленных этноконфессиональных и этнонациональных рубежах, где расположен главный (важнейший) «двигатель» духовного прогресса человечества и, одновременно, барьерные «горячие фронты» взаимного непонимания и подозрительности (крупнейших мировых военных конфликтов). Здесь, на рубежах Средиземноморья и Афроазии, пересеклись в пространстве и времени крупнейшие энергонасыщенные контактные зоны Земли — природная «суша — море» (МОРЕМАР) и евразийская социокультурная (ЕВРАМАР). Образовался Великий океан многомерного коммуникационного пространства — эксцентрированная система, где открытые миру центры (например, древнегреческие полисы) везде, а периферия — нигде. Огромный фронт открытых к внешнему миру социокультурных рубежей создавал высокое напряжение источников человеческой энергии. Этим объясняется обилие пророков и философов. Отсюда и истоки еврейского мессианства, ставшего светочем современной американской демократии.

Древние греки совершили величайшее открытие души человека («реактор» энергии ума и сердца), а на Ближнем Востоке ее наполнили верой в светлое будущее. В Великом Эгейском океане (ЕвроАфроАзийском) многомерного коммуникационного пространства в зависимости от того, под каким углом облучалась Земля человеческой энергией, образовывались Древний Египет, Древняя Греция, Финикия и великие религии — иудаизм, христианство и ислам. Уникальность Ближ-

[1] *Сатановский Е.* Ожидание большого взрыва // «Известия», 29 июля 2008 г.

невосточного геополитического узла обусловлена зоной тектонических разломов и локализацией здесь духовных полюсов зарождения великих религий — иудаизма, христианства и ислама (Палестина и Синай, Иерусалим, Мекка и Медина). Природные ландшафты Галилеи, насыщенные историческими событиями, расположенные на природных и социокультурных рубежах, сочетающих комфортную природную среду обитания с интенсивным информационным обменом, стали колыбелью пророков. На этих рубежах цивилизаций человечество впервые получило ответ на вечную проблему политического и социально-экономического выбора. Этот ответ красной нитью проходит через Библию и Коран, в которых пророки отдали приоритет не восточным и западным моделям развития, а духовности, чистоте нравственной жизни народа. Этот путь проходит через совесть.

Вирус этнонационализма на рубежах цивилизаций (ЕВРАМАРЕ) является самым опасным и разрушающим. Казалось бы, после распада Советского Союза и завершения ближневосточного противостояния двух сверхдержав у Соединенных Штатов появится исключительная возможность установить мир на Ближнем Востоке. Однако в результате так называемой американской «демократизации» нестабильность в регионе только возросла.

При обращении к средневековой истории региона возникает наивный вопрос. Почему, когда Ближний Восток, за исключением глубинной Аравии, находился под покровом исламской государственности — Османской империи, здесь на длительное время установился относительный мир, а когда мироустройством занялись американские султаны мировой империи добра, международная безопасность в регионе была окончательно взорвана? В Османской империи была выработана поликонфессиональная и полиэтническая терпимости, что способствовало благополучию и мирному сосуществованию ближневосточных народов, межцивилизационному диалогу на основе свободной торговли и международных коммуникаций. Средневековая Османская империя смогла обеспечить относительную стабильность в регионе. Но **вестернизация спровоцировала радикальный этнонационализм**, ставший смертельным для империи, стоивший миллионы жизней, унесенных бессмысленными этнонациональными и этноконфессиональными конфликтами. Двадцатый век торжества западной демократии пронесся над регионом многочисленными проявлениями геноцида. В Турции не осталось почти греков, славян и армян.

Во внешней политике в регионе Соединенные Штаты делают ставку на этнонационализм, способствующий становлению лояльных Западу режимов коррупционной «демократии», не желающих брать ответственность за безопасность в регионе. Использование террористических организаций и криминальных группировок для достижения соб-

ственных геополитических целей является «фирменной» практикой США. Превратился в мираж проект создания Палестинского государства, Америка осуществила агрессию против суверенного Ирака, заплатившего сотнями тысяч невинных жизней за экспорт американской демократии.

Исламская модель мирового порядка. Исламская цивилизация предложила человечеству модель мирового порядка, основанную на трансцендентной воле, подчиняемой человеку. Коллективистская ценность семьи, рода, племени или этнической общности, общественная солидарность и индивидуальное самоограничение здесь ставятся выше прав и интересов отдельной личности. На мусульманском Востоке интуитивное (чувственное) восприятие мира доминирует над рационалистическим подходом, характерным для Запада. Для арабской ментальности, рожденной на открытых всем ветрам евразийских просторах, присуща любовь к сильному вождю, способному удержать народ в многоликом этническом котле. Если на Западе президента избирают на основе демократической процедуры, то **на мусульманском Востоке считают, что правителем может быть избран тот, кто признан и призван народным волеизлиянием.**

С «исламской революции» в Иране началось «шиитское возрождение», давшее новый импульс исламскому фундаментализму. Шииты составляют примерно 10% мусульманского населения Земли, в 20 из 21 арабской страны у власти находятся сунниты. Поэтому «шиитское возрождение» вызывает беспокойство у правящих местных режимов больше, чем палестинский конфликт. Воинствующая антиамериканская и антисионистская пропаганда Тегерана находит благодатную почву в арабском мире. Экспорт иранской революции на арабский Ближний Восток начался во время гражданской войны в Ливане, когда местные шииты обрели второе дыхание[1].

Мировые (западные) СМИ заполонены угрозами радикального исламизма и экстремистских исламских организаций. При этом в тени остается политический терроризм самих Соединенных Штатов, унесших многочисленные жизни местного населения, несравнимый по своим масштабам с жертвами радикального терроризма. Со второй половины двадцатого столетия Белый дом, преследуя свои геостратегические цели, стремится выступать в качестве главного геополитического архитектора в регионе, начиная с создания государства Израиль и организованного американскими спецслужбами военного переворота в Иране в августе 1953 года. Дальнейшая череда хирургического вмешательства спровоцировала мощное военно-политическое движение под флагом радикального ислама, включая шиитскую «Хизбаллу»

[1] *Мирский Г.* Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Мировая экономика и международные отношения, № 9, 2008.

и суннитский ХАМАС. И каждая попытка Запада и Израиля с помощью военных операций подавить это движение приводит к обратному результату. После проигранной арабо-израильской войны 2006 года шиитская военно-политическая организация «Хизбалла» стала одной из доминирующих сил в Ливане. А операция израильской армии в начале 2009 года в секторе Газа привела практически к удвоению членов и боевиков ХАМАС. Эти военно-политические (террористические по-западному) организации типа «Аль-Каиды» выступают как воинственные и вооруженные лидеры глобального исламского движения.

После распада Советского Союза главным врагом Запада вместо коммунизма стала идеология ислама. Однако наступление Запада привело к усилению ислама, а переформатирование региона не состоялось. Полумифическая «Аль-Каида» была создана при поддержке американских спецслужб[1].

Геополитическая трансформация арабо-израильского конфликта. Геополитическая трансформация Ближнего Востока особенно наглядно иллюстрируется арабо-израильским конфликтом. За шесть десятилетий арабо-палестинский конфликт оброс такими многочисленными взаимными обвинениями и обидами, что с каждым годом растет число пессимистов в отношении мирного сосуществования в исторической Палестине евреев и арабов. Не секрет, что в Соединенных Штатах самое мощное еврейское лобби, оказывающее исключительное влияние на президентские выборы и внешнюю политику Америки, в том числе в отношении безопасности Израиля. И Белый дом ценит мировую еврейскую диаспору, выступающую в качестве носителя американских неолиберальных ценностей «открытого общества». Но если Америка не сможет прибрать мир к рукам, каким очередным риском это обернется для еврейской диаспоры и существования государства Израиль?

Этнократическое государство Израиль существует исключительно за счет высокого напряжения военной мощи. Под покровительством Соединенных Штатов Израиль, постоянно находясь в состоянии войны, стал первым постиндустриальным государством на Ближнем Востоке с ракетно-космической промышленностью и ядерным оружием. Но Израиль для мусульман прежде всего представитель и форпост Запада во главе с Соединенными Штатами.

За шесть десятилетий произошла существенная геополитическая трансформация арабо-израильского конфликта и была окончательно забыта первоначальная идея переформатирования исторической Палестины. После Второй мировой войны, когда еще по инерции согласованно действовали участники антигитлеровской коалиции — Совет-

[1] *Султанов Ш.* Основная проблема для Запада — ислам // Вестник аналитики, № 4, 2008.

ский Союз, США и Великобритания, — была принята Резолюция ООН 1947 года, согласно которой историческая Палестина делилась на два государства, каждое из которых состояло из трех больших частей, связанных через экстерриториальные соединительные коридоры. Предусматривалось обеспечить экономическое единство двух государств через таможенный союз, общую валютную систему, равный доступ к источникам воды и энергии. При этом учитывалась необходимость выхода двух государств к морю. В Иерусалиме и Вифлееме из-за наличия важных религиозных мест устанавливалось международное управление. Именно этому плану было отдано предпочтение при голосовании в ООН, однако со временем он был выхолощен. Резолюция ООН не была совершенной, но она учитывала главный восточный принцип установления мира на этнонациональных рубежах — «когда идет торговля, пушки молчат».

«Холодная война» и конфронтация двух сверхдержав привели к противостоянию их и на Ближнем Востоке. В результате многочисленных арабо-израильских войн и конфликтов северный арабский анклав (Галилея) исчез с карты, сектор Газа сократился в несколько раз, но здесь проживает около полутора миллионов арабов-палестинцев. Западный берег Иордана и Иерусалим расчленены еврейскими поселениями. Беер-Шива (семь колодцев), южный форпост Земли обетованной перед пустыней Негев, превратился из пограничного в еврейский город. По сути, палестинцы окружены и блокированы Израилем. На местных картах не всегда выделяется палестинская автономия (Западный берег реки Иордана), кроме сектора Газа. В настоящее время два оставшихся палестинских анклава напоминают американские резерваты для индейцев. В реальной действительности существование любого государства в таких условиях практически невозможно.

После распада Советского Союза Палестина лишилась поддержки советской сверхдержавы. Когда нарушился баланс сил в ближневосточном регионе, в Израиле при попустительстве Америки пришла мудрая мысль «дожать» арабов Палестины путем строительства еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан и расчленения палестинской автономии, превратившейся со временем в лоскутное одеяло или нежизнеспособные арабские гетто. По мнению некоторых аналитиков, цель Израиля — при поддержке США погрузить ближневосточное регулирование сопредельными государствами в регионе в формалин, т.е. создать иллюзию, что покойник жив.

Палестинской администрацией и движением ФАХТ контролируется менее половины территории **Западного берега реки Иордан**. Мусульмане (в основном сунниты) составляют 75% и иудеи израильских поселений — 17%, христиане и другие — 8%. На основе международного соглашения Западный берег разделен на зоны А, В, С. Зона А (17% площади и 55% арабского населения) находится под управлением

палестинских властей. Зона В (24% площади и 41% арабского населения) контролируется Израилем, но имеет палестинскую администрацию. Зона С (59% территории с 4% арабского населения) полностью под контролем и управлением Израиля. Восточный Иерусалим официально аннексирован Израилем. Вблизи Иерусалима на территории Палестинской автономии незаконно созданы многочисленные израильские поселения. Территория Западного берега реки Иордан, заселенная арабами, постоянно сокращается, в том числе за счет создания еврейских поселений.

Площадь сектора Газа сократилась в несколько раз по сравнению с территорией, предназначенной для арабского государства. На площади в 360 кв. км проживает 1,5 млн. человек, в том числе один миллион беженцев. Арабы-мусульмане (главным образом сунниты) составляют 98,7% населения анклава. По плотности населения Газа занимает одно из первых мест в мире. Показатель фертильности превышает 5 детей на одну женщину. Территория сектора Газа контролируется ХАМАСом, среди членов этой организации имеются сторонники создания исламистского мини-государства Хамастан. Израиль контролирует морское побережье и воздушное пространство сектора[1]. В результате блокирования сектора Газа население фактически находится на грани выживания, 60% населения живет за чертой бедности. Это создает благоприятную почву для пополнения военного крыла ХАМАСа моджахедами-смертниками.

Несмотря на то, что сектор Газа граничит с арабским государством Египет, власть в Каире сдержанно относится к палестинской радикальной организации ХАМАС из-за внутренних проблем. Египет является родиной радикального исламского движения (организация «Братья-мусульмане»), и власть боится дестабилизации в стране.

Когда мировые СМИ сообщают об очередном обстреле самодельными ракетами с территории Ливана и сектора Газа боевиками «Хизбаллы» и ХАМАСа еврейских поселений, они не акцентируют внимание на главном. За редким исключением обстреливаются преимущественно территории Галилеи на севере Израиля и город Ашкелон и другие территории на юге, которые согласно резолюции ООН 1997 года являлись частью арабского государства.

За шесть десятилетий местная **демография стала важным фактором геополитики.** В 1947 году евреи составляли меньшинство населения Палестины (30%). В 1970 году в государстве Израиль проживало 3 млн. человек, в том числе 85% евреев и 15% арабов. В настоящее время на землях исторической Палестины проживает 10,8 млн. человек (2008), в том числе примерно по 5,4 млн. евреев и арабов. В 2008 г. в Израиле проживало 7,3 млн. человек, в том числе 5,5 млн. евреев, из

[1] *Яшлавский А.* ХАМАС и геополитические процессы на Ближнем Востоке // МЭиМО, № 5, 2008.

них 1,6 млн. выходцев из СССР, и 1,5 млн. арабов (20,5%). В Палестинской автономии на Западном берегу реки Иордан проживает 2,4 млн. и в секторе Газа 1,5 млн. арабов. За время существования израильского государства в нем родились 3,1 млн. евреев. В Израиле индекс фертильности (2,8) самый высокий среди развитых стран, но значительно уступает арабам-мусульманам — 4,03. Бывший лидер палестинцев Ясер Арафат говорил: «Главное оружие палестинцев — это матка арабских женщин». Приток евреев-иммигрантов иссяк, а арабская матка продолжает свою производительную демографическую работу в противостоянии с евреями.

Другим традиционным фактором геополитики на Ближнем Востоке, наряду с нефтью, борьбой за коммуникации (нефтяные трубопроводы) и демографией, является **дефицит пресной воды**. Единственный природный резервуар пресной воды в Израиле — озеро Кенерет. Однако из-за резкого падения уровня воды до критической отметки в начале 2009 г. водозабор во Всеизраильский водопровод был запрещен. Среди подземных источников пресной воды выделяется прибрежный водоносный горизонт, где из-за критического водозабора может произойти подпитка подземных горизонтов морской водой. Другой по значимости водоносный горизонт (горный) простирается от Изреельской долины на севере до города Беер-Шева на границе с пустыней Негев.

Около Ашкелона, который согласно резолюции ООН 1947 года входил в арабский сектор Газа, Израиль реализовал проект крупнейшей в мире опреснительной установки мощностью 100 млн. кубометров воды в год. Здесь стоимость опресненной воды самая низкая в мире. Разработан проект оросительного канала до Мертвого моря и через пустыню Негев до Эйлата. Фактически создан прецедент для очередного арабо-израильского конфликта. Арабское руководство сектора Газа, испытывающего острый дефицит воды, выступает за строительство канала, гарантирующего водоснабжение. Тем более, что опреснительная установка сооружена на землях, отведенных для создания арабского государства.

Неудавшееся геополитическое переформатирование Ближнего Востока. Американский геополитический проект **«Большой Ближний Восток»** предполагал переустройство региона после распада Советского Союза, включая проект создания Большого Израиля в качестве малой Америки на Ближнем Востоке. Главная его задача предусматривала раскол советского геополитического пространства и отторжение от него Южного Кавказа, входящего в прошлом в советское геополитическое пространство.

Однако модернизация региона по американскому сценарию провалилась, включая «демократизацию» Ближнего Востока путем ставки на этнонационализм и местные коррумпированные «демократиче-

ские» режимы для достижения своих геостратегических целей. Но пока существуют Соединенные Штаты, они согласно доктрине национальной безопасности не уйдут из Евразии. Остается проблема глобальной конкуренции и энергетической безопасности США и необходимости контроля над зоной Персидского залива, где интересы военно-промышленного комплекса совпадают с коммерческими интересами транснациональных нефтяных и других компаний. Этот контроль позволяет оказывать давление на Западную Европу, Китай и Японию, являющиеся экономическими конкурентами Америки. Поэтому геополитические узлы на рубежах евразийских цивилизаций на Балканах, Украине (Крыму), Южном Кавказе (Грузии) и в Афганистане будут оставаться в центре внимания силовой внешней политики США. Америка из-за опасения «утраты лица» не откажется от силового навязывания американских социокультурных стереотипов и самой правильной «демократии» мусульманским и другим народам.

По оптимистическому мнению бывшего госсекретаря США Кондолизы Райс, на этом пути возникли противоречия краткосрочного порядка. Если ограничена способность Соединенных Штатов влиять на события в сильных государствах, то в отношении слабых и плохо управляемых государств она сможет существенным образом способствовать их мирному политическому и экономическому развитию[1].

В современном конфессиональном и экономическом пространствах Ближнего Востока соперничают шиитский Иран и суннитская Саудовская Аравия. Иран претендует на роль региональной сверхдержавы в случае ухода американцев из Ирака. Имеются геополитические планы создания шиитского пояса от Ливана до Ирана. Единственное постиндустриальное ближневосточное государство Израиль находится в состоянии перманентной войны с соседями и борется за свое выживание. До середины 1970-х годов Ливан был процветающим государством («Ближневосточной Швейцарией»), а Бейрут — финансовой и банковской столицей Ближнего Востока. Гражданская война между мусульманскими и христианскими общинами (1975–1990) разрушила местную экономику и унесла жизнь более 150 тыс. человек. Финансово-экономический полюс региона сместился из Бейрута в Дубай. Арабская модель авторитарного капитализма в Объединенных Арабских Эмиратах демонстрирует эффективную социальную политику в отношении коренного населения. Главным ресурсом местного бедуинского общества является не нефть и другие материальные ресурсы, а созидательная человеческая энергия. Она проявляется только при союзе власти и народа, консолидации общества вокруг национального лидера.

[1] *Кондолиза Райс.* Переосмысливая национальные интересы США: политический реализм в новых условиях. Статья в «Foreign Affairs» — www.inosmi.ru/translation/242010.html

Впервые в тысячелетней истории евразийских цивилизаций геополитическим переформатированием региона занялась мировая держава, не имеющая опыта решения этнонациональных и этноконфессиональных конфликтов, не считая истребления индейцев и создания для них резерватов. И с полной очевидностью можно констатировать, что передислокация американских войск в Афганистан ничего не изменит, кроме появления новых очагов хаоса с марионеточными режимами коррумпированной «демократии».

За шесть десятилетий арабо-палестинский конфликт оброс такими многочисленными обвинениями и обидами, что разрубить их можно только одним путем. Сильный первым должен пойти навстречу слабому. И проявить великодушие. Но такая жертвенность отсутствует в природе чрезмерно прагматичной Америки. С попустительства США Израиль стал ядерной державой. Поэтому сегодня бессмысленны американские угрозы Ирану. Проблема возможного обладания Ираном ядерного оружия вряд ли бы возникла, если бы не ядерный статус Израиля.

Государства Палестины не будет в обозримом будущем. Любой палестинский лидер будет объявлен врагом народа, если признает Израиль еврейским государством. Но мусульманский мир никогда не простит исчезновение Палестины с карты Ближнего Востока. Не будет Палестины — не будет Израиля.

Вооруженные силы НАТО, и в первую очередь США, ограничены в человеческих ресурсах для проведения долговременных наземных операций. Исламизированная Западная Европа (ЕС), находящаяся в вассальной зависимости от военной мощи США, не смогла стать объективным арбитром при решении межцивилизационных проблем. В европейской политике так же проявляются традиционный эгоцентризм и мессианство. Россия после серии предательств вернулась на Ближний Восток, но ослабленной и менее влиятельной силой. Но надежда умирает последней. И возможно, еще есть выход, если безопасность в регионе будет поставлена великими державами выше геостратегических интересов третьей стороны.

Санобар ШЕРМАТОВА

МОСКВА И ТАШКЕНТ: ПРИЧИНЫ «ОСОБЫХ» ЗАТРУДНЕНИЙ

Российско-узбекские отношения в последнее время подвергаются серьезным испытаниям. Вопрос о том, останется ли в союзниках Узбекистан после выхода из ЕврАзЭС и отказа участвовать в формировании коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), соглашение о которых подписали пять входящих в ОДКБ государств, до конца не прояснен. Более того, двусторонние отношения могут быть осложнены еще больше после появления на юге Киргизии российской базы КСОР, о чем уже договорились президенты России и Киргизии. Приведет ли расхождение позиций к смене ориентации Узбекистана на Запад?

Москве предстоит трудный выбор

До сих пор России удавалось сохранить баланс отношений со своими союзниками в Центральной Азии. Но теперь, кажется, раскол внутри ОДКБ неизбежен. Анонимный источник из узбекского МИДа резко отреагировал на возможность создания военной базы у границ Узбекистана. Эта страна, как известно, отказалась поставить подпись под соглашением о формировании КСОР после того, как выдвинутые узбекской стороной условия не были приняты во внимание.

Интересы Узбекистана оказались ущемлены и в другой, чрезвычайно важной для нее позиции. Страна с 27-миллионным населением, половина которого занята в аграрном секторе, выступает против сооружения на трансграничных реках Камбаратинской (в Киргизии) и Рогунской (в Таджикистане) ГЭС из-за опасения сокращения стока воды. Перевес в споре может обеспечить российская поддержка. «Москва должна повлиять на Киргизию и Таджикистан в решении водного вопроса», — заявил Ислам Каримов на пресс-конференции по итогам российско-узбекских переговоров в Ташкенте в январе этого года. Под-

держка Дмитрием Медведевым узбекской позиции (российский президент пообещал, что его страна воздержится от участия в гидроэнергетических проектах, не согласованных со всеми странами региона), разрушила установившийся баланс сил. Последствия не преминули сказаться: российско-таджикские отношения пережили отмену официального визита президента Рахмона в Москву, что стало знаком беспрецедентного охлаждения.

Но и Узбекистан недолго оставался в победителях. В феврале этого года в Москве заявили о выделении двухмиллиардного кредита Киргизии, предназначенного для возведения Камбаратинской ГЭС. В ответ Ташкент предложил соседям крепить центральноазиатскую интеграцию без внерегиональных игроков, «преследующих свои цели». Конкретные страны не назывались, хотя было понятно, что речь идет о России.

Узбекская инициатива результатов не принесла. В основе политики Киргизии и Таджикистана, слабых стран, лишенных запасов энергоносителей, лежит как раз идея привлечения в союзники Москвы против «диктата» Узбекистана. В силу этих и ряда других причин региональная интеграция с отрывом от России не имеет шансов. Ташкент, таким образом, оказался в ситуации, когда ему понадобится внешняя помощь для отстаивания своих интересов. России придется выбирать: потерять Узбекистан, но получить в свои руки «ключи» от водных ресурсов региона или изобрести новую формулу взаимодействия, исключающую усиление влияния в регионе западных игроков.

Первый вариант

До недавнего времени все выглядело так, как будто Россия решила, без оглядки на сомневающихся (Узбекистан и Белоруссию, не подписавших документ о создании КСОР), крепить военный союз. А также извлечь пользу от участия в водных проектах, пренебрегая позицией Узбекистана. Хотя на пути дальнейшего сотрудничества с Таджикистаном нагромождены огромные завалы проблем.

Начнем с того, что таджикский парламент запретил акционировать Рогунскую гидроэлектростанцию, таким образом, будущие инвесторы не смогут иметь свою долю в этом предприятии (напомним, Россия участвует в двух гидроэнергетических проектах в Центральной Азии, строительстве таджикской Сангтудинской ГЭС и киргизской Камбаратинской ГЭС, получив блокирующие пакеты акций). Сделано это, конечно, намеренно: таджикская сторона, опираясь на устные договоренности с Москвой, пытается выбить российские инвестиции под расположенные на территории республики российские военные объекты.

Отказ заплатить за Рогун может быть чреват изменением статуса 201-й дивизии и центра космического слежения «Окно» и переводом

их на платную основу пребывания. О настроениях в таджикских верхах свидетельствовали вброшенные в местную прессу сведения о предполагаемом свертывании российского военного присутствия в республике и открытии дверей для сил НАТО. Местные СМИ серьезно обсуждали версию о якобы готовящемся со стороны 201-й дивизии государственном перевороте в Таджикистане. В ответную атаку пошли российские средства массовой информации, обвинившие Эмомали Рахмона в «предательстве» интересов союзника, которому он лично обязан приходом к власти. Вся эта информационная кампания затихла к моменту, когда в Душанбе в конце июля с рабочим визитом прибыл Дмитрий Медведев. В результате двусторонних переговоров президенты дали поручение российскому министру обороны и таджикскому министру иностранных дел подготовить предложения по развитию равноправного военно-технического сотрудничества. Ожидается, что в новом соглашении будут прописаны условия размещения российских военных на платной основе. Москва, таким образом, согласилась пойти на уступки давнему союзнику Таджикистану. Но в то же время, как стало очевидно, разрыва с Узбекистаном не произойдет.

Второй вариант

Для понимания взлетов и падений российско-узбекских отношений важно определить их истинные причины. Принято считать, что Ташкент в 90-х годах пренебрег сотрудничеством с Москвой ради установления близких отношений с Западом. И только угроза международной изоляции после трагических событий в Андижане в мае 2005 года, якобы, заставила Ислама Каримова идти на сближение с Россией. В какой-то мере это действительно так: возвращение в ЕврАзЭС и ОДКБ произошло именно на фоне принятых западными странами санкций в отношении Узбекистана. Однако принципиальный разворот узбекской внешней политики к Москве случился до всех этих событий. В 2004 году в Ташкенте было подписано межгосударственное соглашение, выводившее отношения на новый уровень.

В дипломатических кругах заговорили о «духе Самарканда», имея в виду неформальную встречу президентов Владимира Путина и Ислама Каримова в этом древнем городе, прошедшую под знаком дружбы двух стран. Основой для сближения стало согласие Москвы сотрудничать с узбекскими службами в борьбе против религиозных экстремистских организаций. Исламское движение Узбекистана, предпринимавшее в 1999 и 2000 годах нападения на узбекскую территорию (и заподозренное в том, что сотрудничало с таджикскими властями и российскими пограничниками), было занесено в черный список организаций, запрещенных в России. Запрет распространялся и на подпольную партию

исламского освобождения (Хизб ут Тахрир), имевшую ячейки в центральноазиатских республиках. Впоследствии при содействии России эти организации были запрещены также в Киргизии, Казахстане и Таджикистане.

Фактор исламского радикализма в разные годы сближал Москву и Ташкент и в то же время становился причиной разлада. В 1992 году начавшаяся в Таджикистане гражданская война подстегнула военную интеграцию России с Центральной Азией. В Ташкенте было подписано соглашение о создании ДКБ — договора о коллективной безопасности, сыгравшего решающую роль в победе таджикского Народного фронта (чей кандидат Эмомали Рахмонов занял впоследствии президентский пост) над силами исламской партии Возрождения. Узбекистан вышел в 1999 году из рядов ДКБ и круто развернулся на Запад, когда российское руководство, в силу ряда обстоятельств, отказалось содействовать в зачистке горных таджикских районов от базировавшихся там боевиков Исламского движения Узбекистана.

Москва учла уроки 1990-х годов — сегодня отношения двух стран в сфере безопасности — на высоком уровне. Однако причины считать Узбекистан трудным партнером остаются. Внешняя политика этой страны построена на принципе незыблемости суверенитета. Ташкент предпочитает двустороннее сотрудничество членству в интеграционных организациях с их обязательными процедурами. В ельцинскую пору узбекский лидер тормозил интеграционные проекты в рамках СНГ, если предполагался хотя бы частичный отказ от суверенитета. Так происходит и сейчас.

Вхождение Узбекистана в ЕврАзЭС, проходившее с большим трудом, в конце концов, закончилось отказом от участия в организации. Та же проблема и с КСОР: предлагаемые условия формирования коллективных сил не устраивают Ташкент.

Так что вопрос, как Москва будет строить отношения с Узбекистаном — останется актуальным на ближайшее будущее. Но уже сейчас наметились направления, по которым возможны компромиссы. Отказа от полного участия в возведении гидроэнергетических сооружений в Таджикистане, скорее всего, не произойдет. Россия заинтересована в проектах по переброске электричества из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан. Во время визита в Душанбе Медведев обсуждал с Эмомали Рахмоном, а также с главами двух южноазиатских соседей Таджикистана Хамидом Карзаем и Асифом Али Зардари, вопросы соединения энергетических сетей четырех государств. Проект CASA-1000 — строительство региональной линии электропередачи — оценивается в 680 миллионов долларов и позволит экспортировать излишки электроэнергии в летнее время из Таджикистана и Кыргызстана в Кабул и на северо-запад Пакистана. Этот проект был одобрен Всемирным банком в начале мая текущего года.

В регионах Центральной и Южной Азии создается электроэнергетический рынок, привлекательный для участия России. Следовательно, строительство новых ГЭС, в том числе Рогунской, оказывается вопросом времени. И самой большой проблемой в этой ситуации становится поиск вариантов совмещения интересов России и Таджикистана с узбекской позицией. Искомый вариант может заключаться в компромиссах и разменах, к слову, о них уже заговорили во время саммита в Душанбе.

Замминистра экономического развития и торговли Андрей Клепач заявил журналистам, что проект строительства Рогунской ГЭС договорились скорректировать. Речь, скорее всего, идет о снижении параметров плотины, на чем настаивает Ташкент. Российский чиновник признал, что рассматривается участие Узбекистана в проекте строительства Рогунской ГЭС. Кстати говоря, несколько месяцев назад Ислам Каримов предлагал подобный вариант таджикскому президенту, однако положительного ответа не получил. Тот факт, что теперь эту идею озвучил российский чиновник, означает, что Москва намерена учитывать интересы Узбекистана в очень чувствительных для него вопросах использования водных ресурсов. Ответным компромиссом, вполне вероятно, может стать ослабление неуступчивой позиции Узбекистана в отношении усиления российского военного присутствия у своих границ, что, в свою очередь, сохранит баланс российского влияния в Центральной Азии.

Клаус ВИТТМАНН (Германия)

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С НАТО И ЗАПАДОМ: НЕОБХОДИМ КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД

Три аспекта, помимо текущей энергетической проблемы, делают тему отношений России с Западом весьма актуальной: очевидная готовность Вашингтона и Москвы к «перезагрузке» отношений, предложения президента РФ Медведева о создании в Европе новой системы безопасности и начало процесса развития новой стратегической концепции НАТО, которая также должна содействовать созданию новой базы для сотрудничества с Россией.

Метафора президента США Обамы — кнопка «перезагрузки» — была высмеяна некоторыми комментаторами, но это, конечно, не значит, что для «перезагрузки» следует воспользоваться той же самой «программой». В действительности необходим тщательный анализ состояния отношений и условий для их улучшения. Прежде всего, необходимо признать, что в том, что касается отношений с Российской Федерацией — вопроса первостепенной важности для НАТО, — то здесь у союзников имеются различные подходы: одни, когда вступали в НАТО, главным образом искали защиту от России и хотели бы видеть «сдерживание» Москвы, а другие — стремились к сотрудничеству.

Для отношений НАТО–Россия грузинский кризис в августе 2008 г. стал поворотным пунктом. Непропорциональный ответ России на опрометчивую военную инициативу Грузии с целью подавления сепаратизма в Южной Осетии, разрушение Россией вооруженных сил и инфраструктуры Грузии, расчленение независимого государства и признание национальной независимости (некоторые называют это фактической аннексией) двух ее территориальных образований — для стран-членов НАТО неприемлемо. Однако страны НАТО должны спросить себя, было ли разумно применять такие санкции к Москве, как «замораживание» работы Совета НАТО–Россия, делая, таким образом, то же самое, за что критиковалась Россия, когда во время косовского кризиса 1999 г. она вышла из тогдашнего «Постоянного совместного совета». В свете неспо-

собности ООН и ОБСЕ, а также (по крайней мере, перед началом войны) ЕС решить этот вопрос, возможно, было бы лучше 7 августа 2008 г. созвать саммит НАТО–Россия. Первое правило должно состоять в том, чтобы держать открытыми и использовать каналы для диалога, особенно во времена возникновения разногласий.

Однако отношения НАТО с Россией начали ухудшаться задолго до событий в Грузии. В Стратегической концепции 1999 г. они все еще описывались как «отношения, основанные на общих интересах, взаимности и прозрачности с целью достижения прочного и всеобъемлющего мира в евро-атлантическом регионе, на основе принципов совместной безопасности», с убеждением в том, что «сильное, стабильное и прочное партнерство между НАТО и Россией» необходимо для достижения этой цели. Уже в течение определенного времени в кругах российской элиты отмечается рост враждебности в отношении НАТО. Речь президента РФ Путина в Мюнхене в феврале 2007 г. стала публичным обвинением в отношении НАТО и его ведущей державы. В ней было выражено настоятельное требование России о необходимости серьезного рассмотрения российских претензий и конкретно назывались действия Запада, с которыми Кремль не может согласиться.

Война в Грузии подчеркнула с восклицательным знаком все, что сказал Путин.

Визит президента Обамы в Москву в июле этого года, его акцент на общности интересов и взаимном уважении, очевидная взаимная симпатия между двумя новыми прагматично мыслящими президентами и настрой на подписание нового стратегического соглашения по контролю над вооружениями и нераспространению ядерного оружия предоставляют благоприятную возможность для фундаментального улучшения двусторонних отношений.

Пришло время попытаться начать заново строить отношения между Россией и НАТО. При этом подготовительная дискуссия внутри альянса относительно новой Стратегической концепции должна быть, в частности, сфокусирована на тщательной переоценке политики России и возможностях будущего сотрудничества. В идеале это должно привести к выработке всеобъемлющего и конкретного, хотя и оговоренного некоторыми условиями, концептуально обоснованного предложения со стороны НАТО, а впоследствии — к новому старту отношений с самой большой страной Евразии. После проведения систематической оценки союзниками по НАТО Россия может быть привлечена к дискуссии с использованием стратегических возможностей Совета Россия–НАТО (действительно, когда 7 июля 2009 года в Брюсселе был запущен процесс разработки новой Стратегической концепции, среди прочих участников, представляющих «внешние точки зрения» на НАТО, присутствовал российский эксперт Д.Тренин). Очевидно, вина за ухудшение отношений лежит не только на России.

Хотя часто встречающееся мнение о «новой холодной войне» является значительным преувеличением (к тому же лишенным исторического смысла), Россия все же должна решить для себя, хочет ли она выступать в роли партнера или в роли противника. Мир, и особенно НАТО, знает, чего она не хочет: например, расширения НАТО, создания США и НАТО системы ПРО, независимости Косово и вовлечения Запада в события на Южном Кавказе. Одновременно остается неясным, что именно хочет Россия и в какой степени ее внешняя политика и политика в области безопасности отвечают или руководствуются четкими стратегическими установками.

Новые документы в этой области поднимают вопросы относительно «баланса уязвимости и возможности российской внешней политики», а также «ограничений в плане способности России использовать имеющиеся возможности». Цели России и процесс принятия ею решений требуют углубленного анализа и проведения диалога. В ходе этого диалога не последнюю роль в качестве представителей альянса должны играть такие члены НАТО, как Германия, имеющая тесные взаимоотношения с Россией и понимающая ее. Они, как и НАТО в целом, должны побудить Россию понять, что ей необходима интеграция, а не изоляция и что широкое сотрудничество с Западом, уважающим демократические ценности, является условием будущих успехов России.

Более того, Россия должна трезво и честно оценить сам характер НАТО, перестав рассматривать ее как соперника или врага и преодолев искаженное, националистическое и карикатурное мнение о враждебном блоке, расширяющемся за счет безопасности России. Серьезный анализ ситуации с безопасностью вокруг России показывает, что ей могут угрожать с Юга и Востока, но не с Запада. Россия должна быть в большей степени заинтересована в сотрудничестве с НАТО и ЕС. Кроме имеющихся внутренних проблем (демографических, экономических, инфраструктурных, вопросов здравоохранения), которые до некоторой степени характеризуют эфемерную силу России, основанную на нефтяных и газовых ресурсах, страна подвержена тем же самым угрозам, что и Запад. Поддержка сепаратистских регионов вопреки тем принципам, которым Россия твердо следовала до последнего времени, и ошибочное проведение параллели с политикой НАТО в отношении Косово будут иметь тяжелые последствия для России в Чечне, Дагестане и Ингушетии. Россия должна наладить доверительные отношения со своими соседями и понять, какую обеспокоенность вызывает термин «ближнее зарубежье» и его подтекст и заявления о «защите русских», где бы они ни жили.

В первую очередь Россию необходимо убедить действовать методами не XIX, а XXI века для решения текущих проблем. Она должна перестать мыслить такими категориями, как «сферы влияния», «окружение», «баланс сил» и «изоляция». Огромная Россия должна понять,

что «изолировать» она может только сама себя, прибегая к действиям, которые были предприняты в отношении Грузии, или становясь источником раздражения вместо того, чтобы выходить с конструктивными предложениями. Как представляется, вместо «НАТО-центризма», который Россия критикует в ходе реализации своей западной политики безопасности, у Москвы имеется навязчивая идея в отношении НАТО. Также следует преодолеть оперирование категориями «нулевых вариантов», при которых одна из сторон может получить преимущества, например, в области безопасности, только за счет другой. Однако следует признать, что такой образ мыслей не чужд и западным странам.

Действительно, если есть серьезное желание начать все сначала, НАТО также следует провести самокритичный анализ своих действий. Возможно, во-первых, следует понять, что враждебность российской стороны во многом объясняется политической психологией. Если Путин назвал распад Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой XXI века», то это говорит о наличии «постимперского синдрома». Во-вторых, даже при отсутствии убедительных исторических фактов следует с большим пониманием подойти к российскому восприятию Запада, который воспользовался слабостью России во времена Ельцина. И, в-третьих, когда Запад критикует такие догмы, как «сферы влияния», он должен отдавать себе отчет в том, что эта концепция в какой-то мере присуща также политике западных стран (что является причиной обвинения в «двойных стандартах»). Следует также признать, что жесткая реакция России на окраине ее имперских владений, ее чувство обиды и отсутствие гибкости, ее интересы и насильственные действия в геополитическом смысле частично могут быть объяснены ограниченностью вариантов, которые «сухопутная империя» имеет или может реализовать. Разумеется, Россия должна убедительно развеять подозрения, что она пытается осуществить «откат» и возобновить свое доминирование на бывшей советской территории. Однако упор на сотрудничество и его преимущества по сравнению с конфронтацией может потребовать проявления великодушия со стороны НАТО и лучшего понимания «политической психологии».

Генри Киссинджер, признавая, что Россия рассматривает продвижение НАТО на восток как «агрессивное вторжение», писал: «Мы в большей степени можем повлиять [на Россию], проявляя спокойствие и историческое понимание, чем публично увещевая, порицая и отдаляя ее от себя». В унисон этому заявлению звучит комментарий Строуба Тэлбота относительно грузинского кризиса: «возмущение не относится к политическим средствам».

Примером может служить Договор об обычных вооружениях в Европе, действие которого было приостановлено Россией по причине отказа от ратификации странами НАТО его нового варианта после

исчезновения «блоков», на чем, собственно, и был основан договор. Несмотря на то, что Россия не выполнила определенные конкретные условия, преимущества режима проверки и инспекции, такие, как прозрачность и создание доверия, были настолько велики, что НАТО должна была лучше оценить все «за» и «против» и, конечно, не оставлять Россию без ответа на ее предложения. Также, что касается противоракетной обороны, настрой на сотрудничество с самого начала сократил бы уровень полемики.

Вопрос о расширении НАТО — еще более серьезный и сложный. С одной стороны, любое государство вправе выбирать себе тот или иной союз и никакая другая страна не может накладывать вето на это решение или решение НАТО принимать новых членов в соответствии с Вашингтонским договором. Российские политики должны задуматься над тем, продиктовано ли желание присоединиться к НАТО конкретной озабоченностью состоянием безопасности или просто желанием приобщиться к сфере безопасности, стабильности и взаимозащиты, которую представляет эта организация. Вместе с тем следует признать, что до недавнего времени этот процесс сопровождался мерами поддержки, при которых учитывались и российские интересы. В 1997 году одновременно с направлением приглашения Польше, Венгрии и Чешской Республике был создан Совместный постоянный совет Россия–НАТО и торжественно подписан акт о его учреждении. Следующий этап расширения НАТО, в которую в качестве новых участниц впервые также вошли бывшие советские республики, был «смягчен» повышением статуса Совместного постоянного совета Россия–НАТО, который в новом формате стал Советом Россия–НАТО при официально равных правах его участников.

Это был сбалансированный подход, а не какое-то сверхвнимательное отношение к российским проблемам и озабоченностям. Такого подхода недоставало в случаях с Украиной и Грузией, двумя европейскими странами, независимость, безопасность и территориальная целостность которых, безусловно, должны пользоваться поддержкой НАТО. Но обе эти страны еще далеко не отвечают критериям членства в НАТО, если еще действуют те критерии, которые были изложены в «Исследовании о расширении НАТО» 1995 года. Проблема «Открытой двери» все еще носит деликатный характер в отношениях с Москвой, и, несмотря на весь суверенитет по этим вопросам, на чем альянс, безусловно, должен настаивать, на этот раз (вспомним хотя бы Бухарестский саммит) не было никакой необходимости провоцировать Россию по принципиальным вопросам и рисковать опять же расколом НАТО. Из этих событий должны быть извлечены уроки, а расширение НАТО не должно осуществляться в бескомпромиссной конфронтации с Россией. Должен быть выработан «срединный» путь между принципом «никакого вето» и полной сдачей позиций перед лицом российского негодования.

Сотрудничество в Совете НАТО–Россия по-прежнему будет сталкиваться с большими трудностями, поскольку «включение» России сопровождается ее исключением из любых совместных решений по вопросам, касающимся только НАТО. Но, возможно, список «общих вопросов» может быть расширен. Очевидно, что Россия и государства — члены НАТО имеют общие интересы по большинству мировых проблем и угроз, которые возникли или укрепились в последние годы, таких, в частности, как распространение ядерного оружия, терроризм, последствия для безопасности в результате изменения климата и организованная преступность. Актуальным предметом может стать пиратство: арест украинского грузового судна с российскими танками, оружием и боеприпасами на борту в сентябре 2008 года и захват пиратского судна Россией в апреле 2009-го могут способствовать сближению российских и западных интересов.

Кроме того, потенциал Совета НАТО–Россия еще далеко не исчерпан, ведь программа включает такие проблемы как терроризм, ядерное распространение, миротворческие операции, ПРО, управление воздушным пространством, чрезвычайные ситуации гражданского характера, реформы в области обороны и логистика. Этот список может быть продолжен, и в нем должны быть расставлены приоритеты. Искреннее обсуждение новых документов России по международной безопасности также может стать пунктом повестки дня.

Можно подумать и о других полезных шагах. Например, конструктивным шагом со стороны НАТО могли бы стать проявление определенного интереса, уважения и движение к диалогу с возглавляемой Россией Организацией договора о коллективной безопасности (ОДКБ), посредством которой Москва, как представляется, пытается в какой-то степени подражать НАТО (в плане бюрократии, аббревиатуры и документооборота, причем нельзя сказать, что это у нее получается всегда неудачно). При этом показательно, что в штаб-квартире НАТО больше нет аппарата Специального советника генерального секретаря по делам стран Центральной и Восточной Европы, где в свое время велась самая конструктивная работа по сближению двух сторон и где вырабатывались «альтернативные оценки» для генерального секретаря НАТО.

Наконец, в своей Берлинской речи в прошлом году президент Медведев внес предложение о разработке общеевропейского договора по безопасности, высказав критические замечания в отношении существующей европейской архитектуры безопасности. Конечно, эта речь, так же как высказывания министра иностранных дел Лаврова на недавней встрече на высшем уровне ОБСЕ на Корфу, могут быть подвергнуты критике со стороны НАТО. В них содержится критика в адрес НАТО и ЕС (включая упомянутый выше так называемый «НАТО-центризм»), так же как в них просматриваются попытки вбить

клин между США и Европой. Идея всеобъемлющей панъевропейской организации с юридически обязывающими полномочиями контроля над НАТО также очень сильно напоминает постулаты, с которыми бывший СССР носился много десятилетий назад.

Кроме того, даже спустя год после этой президентской речи подробного изложения российских идей в этом отношении все еще нет, что провоцирует спекуляции относительно намерений Москвы: вето против расширения союзов, недопущение «вмешательства» ОБСЕ, подтверждение существующих сфер влияния на бывшей советской территории. Интерес Запада состоит в сохранении доказавших свою дееспособность институтов обеспечения безопасности и всеобъемлющего характера ОБСЕ, а также в более эффективном использовании Парижской хартии 1990 года и Московской декларации 1991 года. Развитие сотрудничества между «взаимосвязанными институтами» и с Россией необходимо, но нужно ли для этого новое соглашение или достаточно более тщательного следования принципам, которые были многократно совместно согласованы? Этот вопрос остается спорным. Один из наблюдателей встречи на Корфу заявил: «В конце концов, в последние годы Россия вновь и вновь грубо нарушала принципы, которые теперь требует включить в договор по безопасности». Не в последнюю очередь это происходило путем вмешательства во внутренние дела других стран. Это совсем не тот вид «вмешательства», который практикует ОБСЕ: в то время как ОБСЕ навязывает определенные принципы, российское вмешательство всегда направлено на поддержку дружественных России сил.

Но, несмотря на все это, с позиций НАТО нет никакого вреда в том, чтобы сделать идеи президента Медведева предметом широкого диалога с Россией, и в том, чтобы добиваться конкретизации позиции российской стороны. ОБСЕ остается самым подходящим форумом для этого, несмотря на российское недовольство ее действиями в последние годы: Москва, по-видимому, стремится задвинуть на задний план «человеческое измерение» в пользу военно-политических аспектов. Этот диалог мог бы быть использован для оживления Парижской хартии. Нельзя также забывать, что Хельсинкский Заключительный акт, который имел столько положительных последствий для европейской истории, стал результатом советских предложений. «Процесс Корфу» мог бы вдохнуть в ОБСЕ новую жизнь, придать ей новое значение, хотя роль НАТО и ЕС при этом не должны быть обесценены.

Эта статья посвящена отношениям НАТО с Россией, но еще более важную роль играет ЕС. Например, рамки НАТО слишком узки для того, чтобы иметь дело с «промежуточными» странами. ЕС должен выработать единую политику в отношении России, Россия и ЕС должны вместе работать над своим сближением. «Восточное партнерство» ЕС должно быть распространено на Россию, а взаимозависимость в

области энергетики должна привести к конструктивной взаимозависимости во благо обеих сторон. Новые возможности можно отметить в «растущей озабоченности ЕС в отношении ее более широко понимаемого восточного окружения и в его критическом осмыслении американской политики в отношении Евразии и России», что, будем надеяться, приведет к разработке «хорошо скоординированной трансатлантической политики в отношении стран, прилегающих к восточным границам ЕС и, в более широком смысле, в отношении России и постсоветского пространства».

Возвращаясь к событиям в Грузии: они были предсказуемы, не было провала разведки, был недостаток внимания, а развитие конфликта продемонстрировало не только российские конфронтационные и самоуверенные намерения, но также и слабость международной системы. Предложение НАТО о сотрудничестве, оставаясь на твердых принципах, должно быть нацелено на то, чтобы избежать подобных конфронтаций в будущем.

Отношения НАТО–Россия все еще, по-видимому, сохраняют значительный потенциал. НАТО нуждается в последовательной политике России и в этих целях должна координировать свои действия с Европейским Союзом. Более жесткая позиция России не должна привести к ослаблению единства НАТО, но прогресс, достигнутый в плане обеспечения взаимной безопасности, не должен быть принесен в жертву новой конфронтации. Новая Стратегическая концепция НАТО должна свидетельствовать о стремлении НАТО к укреплению доверия на континенте, включая Россию, и предусматривать использование Совета НАТО–Россия в целях разрешения взаимных озабоченностей и для осуществления подлинных серьезных усилий для определения и выработки новой всеобщей и совместной безопасности.

Шамиль СУЛТАНОВ

ПЯТЬ СЦЕНАРИЕВ ДИНАМИКИ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ СИТУАЦИИ[1]

Сценарий 3. «Крупномасштабная региональная война»

Этот сценарий основан на базовом предположении, что на определенном этапе начавшегося широкомасштабного переговорного процесса Иран, Сирия, ХАМАС, «Хизбалла» могут отказаться принять новые американские «правила игры», занять при этом предельно жесткую позицию, особенно в случае успешного испытания Тегераном собственного ядерного оружия, значительного роста цен на энергоресурсы, резкого обострения внутренней ситуации в Ираке. В Вашингтоне, в условиях возрастания влияния произраильского лобби, произойдет форс-мажорная смена ближневосточной стратегии. Администрация Обамы может расколоться, вновь возобладает точка зрения, что именно «северный альянс» остается основной долгосрочной стратегической угрозой на Большом Ближнем Востоке для Соединенных Штатов и Запада в целом.

В случае неблагоприятно развивающегося для Запада глобального экономического кризиса может начаться форсированная военно-политическая консолидация основных союзников США в мире на антииранской основе под негласным лозунгом «необходимости маленькой победоносной войны», в которой, впервые после 1945 года, может быть использовано ядерное оружие.

Фактически эта война будет означать кардинальную смену парадигмы выхода из мирового экономического кризиса.

Главная задача данного сценария будет заключаться в нанесении военного поражения «северному альянсу» и в кардинальном изменении режима в Тегеране. Формальным поводом начала реализации данного варианта может стать декларация Тегерана о создании иранского ядерного оружия.

[1] Окончание. Начало см.: «Вестник аналитики», № 2, 2009.

Поскольку практическая подготовка реализации данного сценария займет не меньше полутора-двух лет, то фактически он может начаться не ранее середины 2010 — середины 2011 года. Большинство западных специалистов исходят из того, что Исламская Республика Иран практически получит доступ к ядерному оружию именно в период 2010–2012 годов.

Появление ядерного оружия у Ирана будет означать вступление региональной ситуации на Ближнем Востоке в принципиально новую политическую фазу. Поэтому в рамках данного сценария вновь основным политическим и пропагандистским лейтмотивом станет недопущение любой ценой вхождения ИРИ в число ядерных держав. Или, по крайней мере, нанесение максимального урона иранской экономике, что серьезно затормозило бы развитие ядерной программы Исламской Республики Иран.

Сценарий предусматривает проведение комплекса мероприятий военно-силового характера, силовых подрывных операций, операций «психологической войны» и т.д. Должно произойти резкое и крупномасштабное наращивание силового присутствия США и их ключевых союзников (Франция, Великобритания) в Ираке, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, а также в зоне Персидского залива в целом, до 500–550 тысяч военнослужащих для проведения крупномасштабных военных сухопутных операций на территории ИРИ.

Одновременно форсированная реализация проекта создания так называемого независимого палестинского государства будет сопровождаться беспрецедентным давлением на руководство ХАМАС, включая операции по его политической дискредитации, а также попытки силами израильских спецслужб точечно ликвидировать наиболее влиятельных лидеров Движения.

Наряду с крупномасштабной военной операцией против Ирана, ключевой целью в рамках данного сценария должна стать и Сирия. С одной стороны, будет предпринята попытка политически надавить и «вывести» Сирию из «антизападного альянса» взамен на обещания десятков миллиардов европейских и арабских инвестиций в сирийскую экономику. Кроме того, Дамаску будет предложен проект договора по поэтапному возвращению Голанских высот с последующей демилитаризацией этой территории под международным контролем.

В случае отказа Дамаска перейти в фарватер западной политики будет разыграна карта нового обострения ситуации в Ливане, с попыткой втягивания туда сирийской армии, совершения покушений на некоторых сирийских руководителей с целью разжечь антипалестинские и антиалавитские настроения в армии, в сирийской элите и в офицерском корпусе. Резко усилится западное военно-политическое давление на страну.

Однако на сегодняшний день существуют несколько серьезных препятствий для реализации данного сценария. Достаточно упомянуть только четыре таких фактора.

Во-первых, и это главное, Соединенные Штаты и его основные западные союзники просто не обладают на настоящий момент достаточным военным потенциалом для такой успешной операции. Только для начала полномасштабной региональной войны необходимо не менее полумиллиона сухопутных сил, тем более против такого серьезного противника, как Иран с его партнерами по альянсу. Как только эта война против Ирана начнется, она практически сразу же приобретет общерегиональный характер: под ракетными ударами и массовыми атаками диверсантов и партизан «северного альянса» окажутся Израиль, Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Иордания, американские войска и базы во всем регионе. Внутриполитическая ситуация в Саудовской Аравии, Кувейте, Израиле, Ливане, Египте резко обострится. Будет заблокирован Ормузский пролив. Этот региональный конфликт резко обострит глобальный кризис. Кроме того, сама война очень быстро превратится в неуправляемую: закончить ее будет очень сложно. По мере эскалации США могут прибегнуть к использованию ядерного оружия, что, безусловно, приведет к острому глобальному кризису.

Во-вторых, требуется необычайно высокий уровень координации интересов и согласования действий в военно-оперативной сфере между основными потенциальными участниками — США, Израилем, Францией, Великобританией для начала большой войны на Большом Ближнем Востоке, которая вполне может стать по своим долгосрочным последствиям катастрофической для всего мира.

Однако на фоне глобального экономического кризиса и углубляющихся противоречий между американской и европейской элитами по поводу выхода из этого кризиса общественное мнение и элиты в США, Франции, Великобритании крайне отрицательно относятся к любой возможности большой войны с Исламской Республикой Иран, которая имеет наиболее боеспособную армию в регионе.

В-третьих, Запад никогда не осмелится на полномасштабную войну в регионе, если не будет однозначной и решительной поддержки со стороны своих союзников, прежде всего Саудовской Аравии, Египта, Кувейта, ОАЭ, Катара, Омана, Турции. Соответственно, чтобы добиться такой поддержки, Израиль должен будет в короткий срок пойти на значительные уступки своим арабским соседям, в первую очередь по созданию независимого палестинского государства, по проблеме палестинских беженцев, по статусу Иерусалима, а также по решению проблемы Голанских высот. Крайне маловероятно, что израильский истеблишмент и международная еврейская финансовая элита способны будут пойти на это именно в среднесрочной перспективе, то есть в течение 3–5 лет.

В-четвертых, даже для начала реализации этого сценария Соединенным Штатам потребуется политически нейтрализовать Россию и Китай. Однако вряд ли российское и китайское руководство согласится с американскими аргументами.

Одна из приоритетных задач российской дипломатии в течение последних десятилетий заключалась в том, чтобы, во-первых, не допустить возникновения острого военного кризиса на Ближнем Востоке в зоне арабо-израильской конфронтации и, во-вторых, чтобы Советский Союз, а затем и Россия не были вовлечены в глобальный военный конфликт.

Ситуация за последние 7–10 лет существенно изменилась. Арабо-израильская конфронтация стала компонентом общего регионального системного кризиса. Ядром конфликта стало жесткое противостояние в районе Персидского залива — между США и Ираном, Ираном и Израилем, силовая конкуренция в Ираке, ядерная программа Тегерана и т.д.

Однако две основные задачи для Москвы остаются по-прежнему приоритетными на Большом Ближнем Востоке: не оказаться втянутой в прямое военное противостояние, чреватое переходом в глобальную ядерную конфронтацию и одновременно не допустить доминирования Вашингтона в этом регионе.

Сценарий 4. Стратегический переговорный процесс в контексте среднесрочной управляемой напряженности

По сути, данный вариант означает продолжение *сценария 1* за период после 2010 года, то есть в среднесрочной перспективе, вплоть до 2015 года. Исходные предположения этого сценария следующие:

— с конца 2009 — начала 2010 г. мировая экономика постепенно начнет преодолевать кризис;

— американский истеблишмент не расколется, в том числе и по поводу согласованной ближневосточной стратегии администрации Обамы;

— сложившийся баланс военно-политических сил в регионе не будет серьезно трансформирован, хотя оба альянса по-прежнему будут делать попытки изменить его в свою пользу;

— социально-экономическое положение Сирии и ИРИ серьезно дестабилизируется.

Ключевой момент в том, что Запад вынужден будет согласиться с тем, что у него нет практических возможностей предотвратить реализацию ядерной программы Ирана. Это означает, что в случае появления ядерного оружия у Ирана Вашингтон не решится на полномасштабную войну с ним.

Под давлением различного рода внешнеполитических и внутриполитических факторов с конца 2009 — начала 2010 г. переговоры

между двумя альянсами постепенно будут переходить в официальный формат. Вашингтон будет стремиться с самого начала максимально втянуть в переговорный процесс своих ключевых региональных союзников, прежде всего Саудовскую Аравию и Египет. США постараются, во всяком случае, на первом этапе, ограничить эти переговоры, главным образом, своими собственными стратегическими приоритетами: долгосрочная стабилизация иракской ситуации, формирование региональной системы безопасности и т.д.

Вашингтон будет предлагать обсуждение палестинской ситуации, Ливана, проблемы Голанских высот на следующем переговорном этапе, уже после стабилизации иракской ситуации.

Американский подход будет заключаться в формировании механизма постоянного сотрудничества с Ираном и Сирией по иракской проблеме с двумя основными целями. Во-первых, создать необходимые предпосылки для постепенного вывода оккупационного корпуса. И, во-вторых, предложить и договориться с Ираном и Сирией о некоей совместной схеме обеспечения контроля над ситуацией в Ираке, при особом учете американских приоритетов и интересов. Американцы будут настаивать на том, чтобы постепенный и согласованный вывод оккупационных сил из Ирака сопровождался сохранением политической стабилизации в стране и коллективными гарантиями такой стабилизации.

В то же время главная дипломатическая задача «северного альянса» будет заключаться в том, чтобы попытаться сразу навязать переговоры по всему пакету региональных проблем. Американцы на каком-то этапе могут согласиться на это, если антизападный альянс пойдет также на обсуждение вопроса ядерного оружия в Иране, при этом добиваясь включения в повестку дня вопроса об израильском ядерном потенциале. Однако Вашингтон вряд ли решится одновременно включить в переговорный процесс вопрос о ядерном потенциале Израиля. В результате в этой ситуации в роли «стратегического цыпленка» окажется именно Запад.

Палестинская проблема, как наиболее сложная, постепенно будет вновь выходить в рамках этого сценария на первый план и, прежде всего, вопросы статуса Иерусалима и палестинских беженцев.

В условиях сохранения баланса сил эти переговоры между двумя альянсами будут проходить достаточно сложно, вязко и долго. И, возможно, вплоть до 2015 года никакие собственно стратегические переговорные результаты достигнуты не будут.

Сами переговоры будут периодически сопровождаться или прерываться недружественными политическими, экономическими акциями, силовыми, подрывными операциями. Недоверие и подозрение двух противостоящих альянсов будет не только сохраняться, но и периодически усиливаться, вплоть до периодических военно-политических обострений ситуации.

В рамках данного сценария США будут преследовать две стратегические цели:

— сформировать новую, согласованную структуру баланса сил на Большом Ближнем Востоке, зафиксировать такой баланс в пакете международно признанных юридических документов, в рамках договоренностей прямо или косвенно получить в системе внутрирегиональных противоречий роль независимого арбитра;

— максимально ограничить влияние Китая и, особенно, России, прежде всего в Ираке, Саудовской Аравии и Иране, поддержать тенденции по всемерному вытеснению этих стран из зоны Большого Ближнего Востока.

Формирование собственного, альтернативного американскому, конфиденциального переговорного процесса дает возможность эффективно противодействовать усилиям США по достижению этих целей.

При соответствующей стратегии управления таким переговорным процессом Россия может добиться того, чтобы и Тегеран, и Каир, и Дамаск, и Эр-Рияд настаивали на включении Москвы в число участников официальных переговоров между двумя альянсами на Большом Ближнем Востоке.

Сценарий 5. «Переговорный процесс в условиях постепенной трансформации баланса сил в пользу «северного альянса»

Основными предпосылками реализации данного сценария являются следующие:

— достаточно медленный и неустойчивый выход западной экономики из глобального кризиса;

— обострение противоречий внутри американского истеблишмента по поводу невозможности предотвратить появление иранского ядерного оружия при одновременном ослаблении влияния на Вашингтон произраильского лобби;

— сохранение существенных противоречий и напряженных отношений между США и основными странами ЕС;

— укрепление глобальных политико-экономических позиций России и Китая;

— рост недоверия к администрации Обамы со стороны ключевых региональных союзников США в регионе.

В этих условиях возможны резкая активизация сил сопротивления в Ираке, усиление противоречий в нынешнем правительстве в Багдаде, существенное увеличение потерь в американском оккупационном корпусе, серьезная дестабилизация внутрииракского положения и, возможно, повторение так называемого вьетнамского синдрома.

Когда президент Никсон столкнулся с масштабным вьетнамским наступлением, он начал массированную переброску американских

сухопутных сил, чтобы попытаться военными средствами переломить ситуацию в свою пользу. Однако добиться решающей победы ему не удалось, и через несколько месяцев фактически начался окончательный вывод американского оккупационного корпуса из Вьетнама, превратившийся, в конце концов, в повальное американское бегство.

В случае установления в 2010–2012 годах антиамериканского режима в Багдаде, формирования коалиционного шиитско-суннитского правительства, хотя бы относительной стабилизации внутриполитической ситуации в Ираке, не только произойдет дальнейшее укрепление «северного альянса», но и может измениться кардинально ситуация во всем регионе.

Прежде всего, это будет означать, что ИРИ вновь, через сорок лет, вернула стране статус региональной сверхдержавы. Контроль Тегерана над иракскими нефтяными ресурсами приведет к тому, что многие европейские страны станут срочно налаживать отношения с Ираном.

Серьезно возрастет напряженность в истеблишменте, силовых институтах, в обществе в целом в таких странах, как Саудовская Аравия, Египет, Иордания. Резко обострятся противоречия внутри израильского истеблишмента. Еще более изменится внутриполитический баланс сил в Ливане в пользу «Хизбаллы». Резко усилится кризис внутри институтов, контролируемых ФАТХ. Фактически ХАМАС к этому периоду останется единственной реальной политической силой, представляющей интересы всего палестинского народа.

По мере вывода американских вооруженных сил из Ирака усилится влияние Анкары. Вашингтон активизирует свои усилия по содействию превращения Турции в регионального противовеса Ирану. Кроме того, режимы арабских нефтеэкспортирующих стран в условиях ослабления влияния США и под давлением Запада должны будут начать поддерживать амбиции Турции как ключевой суннитской страны в зоне ББВ.

С другой стороны, сама Анкара может воспользоваться такой возможностью, чтобы не только усилить свое влияние в Ираке (в определенной степени это будет даже приветствоваться Тегераном), но и форсировать свой прием в ЕС.

Эльдар КАСАЕВ

ТОПКОЕ БОЛОТО ИРАКСКОЙ КОРРУПЦИИ

Ирак официально стал вторым наиболее коррумпированным государством в мире, сообщается в докладе за 2008 год международной неправительственной организации по борьбе с коррупцией Transparency International (TI).

Где собака зарыта?

Всего исследование охватывает 180 государств мира, уровень коррупции оценивался по десятибалльной шкале, при этом 10 баллов — самый низкий уровень. Ирак с индексом 1,6 поделил 178-е место в рейтинге с Мьянмой, опередив лишь замыкающую список наименее «прозрачных» Сомалийскую Республику. Для сравнения: в 2003 году Ирак занимал 113-е место в рейтинге.

По подсчетам иракского антикоррупционного государственного «Комитета беспристрастности», с момента начала «экспорта демократии» и до сего дня страна не досчиталась из-за коррупции и финансовых махинаций более 250 млрд. долларов.

Как же могло произойти, что это взятое под «опеку» США демократическое государство вязнет в топком болоте коррупции и бюрократии? Каковы причины того, что пришедшие со сменой режима чиновники не в состоянии обеспечить порядок и нормальное функционирование государства?

Прежде всего, следует отметить следующее. Несмотря на формальное наличие в Ираке самостоятельных правительства и парламента, их власть, тем не менее, не является полноценной. Достаточно сказать, что некоторыми территориями Ирака до сих пор управляют отдельные политические партии и организации, племенные кланы и местные вооруженные «авторитеты».

По словам руководителя «Комитета беспристрастности» судьи Муссы Фараджа, «рассадником вопиющей коррупции» стал секретариат иракского правительства, к которому перешли полномочия упраздненного Комитета по экономическим вопросам. Теперь этим органом ратифицируются все контракты, среди которых — миллиардные по стоимости закупки самолетов, строительство крупных больниц. При этом контролирующие органы, в том числе комитет, не имеют доступа к документации и не контролируют ход сделок.

Однако так было не всегда.

Вчера и сегодня иракской власти

Саддам Хусейн требовал тотального подчинения высшего чиновничьего аппарата законам государства, не позволял должностным лицам ненадлежащим образом выполнять возложенные на них функции, применял крайне суровые санкции к казнокрадам. По словам одного из бывших функционеров партии «Баас», заработные платы чиновников были настолько низкими, что им не хватало денег даже на «хлеб и воду», а работать приходилось «день и ночь».

Материальное положение сегодняшних должностных лиц Ирака заметно улучшилось. Однако связано это отнюдь не с возросшей оплатой труда чиновника, а со стремительно растущим уровнем коррупции, проникшей во все сферы жизни общества и государства. Ей, как отмечают специалисты TI в ежегодном докладе «О положении с коррупцией в мире-2008», подверглись государственные органы, политические партии, армия, национальные компании Ирака.

Не так давно возглавлявший комитет по борьбе с коррупцией судья Радхи Хамзат аль-Радхи обвинил действующее иракское правительство и, в частности, его главу Нури аль-Малики в краже из государственной казны 18 млрд. долларов. По словам судьи, комитет выявил крупные хищения бюджетных средств, предназначавшихся на социальные нужды, и собрал доказательства по 3000 «хищнических» эпизодов, в которых фигурировали члены правительства и их родственники.

Становится понятным, почему еще до опубликования «разгромного» для иракских властей доклада неправительственной, но весьма влиятельной организации TI, пожалуй, самый ярый антикоррупционист Ирака судья аль-Радхи был уволен со своего поста и публично осужден. Однако, как отмечают два бывших американских должностных лица, не только иракские власти, но и администрация Белого дома косвенно причастна к этому. Один из них, Артур Бреннер, работал в 2007 году в посольстве США в Багдаде и возглавлял там отдел по борьбе с коррупцией. По его словам, Госдеп, отказываясь обращать внимание на коррупцию, тем самым поощрял ее. Другой бывший

чиновник Джеймс Маттил, руководивший в Багдаде канцелярией в антикоррупционной организации, утверждает, что внешнеполитическое ведомство США всячески помогало иракским лидерам свергнуть аль-Радхи.

Махинации с «черным золотом»

Складывается вполне обоснованное впечатление, что Джордж Буш со товарищи пришли в Ирак в большей степени за тем, чтобы «нагреть руки» своих беспристрастных чиновников. Так, эксперты критикуют администрацию Буша за то, что договоры о восстановлении Ирака, заключенные между американскими и иракскими компаниями, отразились на уровне коррупции.

Во-первых, работающие на территории Ирака американские нефтяные компании близки республиканской партии США. Во-вторых, крупные нефтяные компании, обладающие солидным капиталом, поглощают более мелкие, но не менее значимые для экономики Ирака. Кроме того, большинство нефтяных компаний США превышали допустимый уровень затрат, присваивая сверхприбыль, которая относилась к договорам «cost–plus», в соответствии с которыми компаниям должны быть возмещены все издержки и дополнительная процентная стоимость, гарантированная в качестве прибыли.

Отнюдь не все прозрачно и в вопросах распределения контрактов, направленных якобы на скорейшую экономическую реконструкцию современного Ирака. Как отмечает работавший с Госдепом США до войны иракец аль-Хафаджи, фирмы, получавшие контракты, заключали до 6 субподрядов с другими фирмами, позволяя каждому уровню получать свою долю. Во многих случаях ни одна из фирм даже и не начинала свою работу по контракту. Например, частная американская компания CusterBattles, получившая за 13 месяцев контракты по охране общей стоимостью в 100 млн. долларов, заключила субподряд на работу, а затем представила поддельные документы с «раздутыми» затратами.

Картина в этой сфере будет еще более безрадостная, если добавить, что, по оценкам судьи Фараджа, на сегодняшний день Ирак уже потерял 90 млрд. долларов от контрабанды нефти и нефтепродуктов. Кроме того, ежегодно впустую сжигается около 600 млн. кубометров газа, а из 1041 нефтяной скважины эксплуатируется лишь 441. Экспортные мощности, оцениваемые в 4,2 млн. баррелей в сутки, не используются и наполовину.

За истекшую «пятилетку» в Ираке не построено ни одного нефтеперерабатывающего завода, несмотря на выгодные предложения иностранных компаний. Напомним, что еще до американо-британской оккупации страна, испытывавшая нехватку электричества, не произ-

водила ни одного дополнительного мегаватта, хотя на эти цели с 2003 года потрачено более 17 млрд. долларов.

Единственным результатом псевдосозидательной деятельности иракских чиновников в энергетической сфере стало лишь незаконное обогащение многих из них за счет совершения сделок с зарубежными иностранными компаниями. Вместо того чтобы разработать необходимую стратегическую политику с целью получения наибольшей выгоды иракским народом, чиновники федерального правительства и правительств производящих районов и провинций делят доходы от ресурсов, являющихся, согласно конституции, собственностью всего иракского народа, лишь между «своими людьми». Подобный феномен в арабском мире получил весьма благозвучное название — «мухасасса» («пропорциональное распределение»). По данным американского Управления по подотчетности правительства, главного контрольно-ревизионного органа Конгресса США, из ежедневно добываемых в Ираке двух млн. баррелей нефти «неучтенными» остаются от 100 до 300 тыс. баррелей, что в денежном исчислении составляет от 5 до 15 млн. долларов.

Батальон «бумажных солдат»

Помимо государственных структур, национальных и зарубежных компаний, распределения нефтедолларов, тотальная коррупция охватила иракские вооруженные силы.

По сообщениям специалистов, в современной иракской армии зачастую служат «солдаты-фантомы», которых на самом деле никогда не существовало. По последним данным, в МВД Ирака нашлось 50 тыс. таких «мертвых душ», получавших жалованье, пайки и обмундирование на сумму около 5 млрд. долларов в год. Кроме того, числятся утерянными 19 тыс. единиц различного оружия. Однако на выплату заработной платы реальным служащим и закупку необходимого вооружения в бюджете страны средств недостает. Почему?

По словам командующего одним из иракских подразделений, в государственных силовых структурах есть весьма влиятельные личности, которые всячески оснащают боевиков, преследуя в первую очередь корыстные цели. Воровство в силовых структурах Ирака достигло небывалых масштабов, став бичом иракских вооруженных сил.

Примечательно, что на берегах Потомака всерьез опасаются последствий коррупции в военных эшелонах Ирака. И эти тревоги имеют вполне реальные основания.

Несбывшиеся надежды

Организованная Программой развития ООН (ПРООН) весной этого года в Ираке международная конференция по борьбе с коррупцией

(впервые после свержения прежнего режима), как оказалось, не дала ожидаемого результата.

Напомним, что в данном мероприятии приняли участие как высокопоставленные иракские чиновники, так и представители государств-партнеров. Собравшиеся обсудили вопросы, связанные с государственным управлением, и пути борьбы с коррупцией в контексте международного Соглашения по Ираку, о начале реализации которого было объявлено еще в 2006 году. Документ предусматривает, что к 2011 году Ирак станет единым, федеративным и демократическим государством, живущим в мире со своими соседями и самим собой, уверенно идущим по пути экономической самодостаточности и процветания.

Участвовавший в работе конференции директор Управления ООН по наркотикам и преступности Антонио Мария Коста заявил, что запас терпимости общественности к коррупции в Ираке практически исчерпан.

К этому остается только добавить, что это негативное явление подрывает доверие к власти, способствует отмыванию денег, подпитывает организованную преступность и приводит к обнищанию беднейших слоев населения Ирака, получившего в подарок с легкой руки заокеанских неоконсерваторов спасительный на словах, но губительный по сути проект с громким названием «демократия».

Елена ОСТРОВСКАЯ

СОСТОИТСЯ ЛИ РОССИЙСКИЙ БЕНЕФИС ДАЛАЙ-ЛАМЫ XIV?

Обсуждение вопроса о возможности и формате визита Далай-ламы XIV в РФ периодически актуализируется на протяжении последних четырех лет. Западные СМИ и международные правозащитные организации инициативно вовлекают российское руководство в дискуссию о настоятельной необходимости удовлетворить стремление буддистов Бурятии, Калмыкии и Тувы к встрече со своим духовным наставником. На передний план при этом выводится тема соблюдения прав верующих, а дипломатическое измерение проблемы игнорируется. Между тем в принятии решения по указанному вопросу Кремль не может абстрагироваться от контекста российско-китайских отношений и от того факта, что Далай-лама XIV является духовным лидером тибетской диаспоры и противостоит Пекину, не приемля нынешнего статуса Тибетского Автономного Района (ТАР) КНР.

В этой связи необходимо также учитывать, что в 2008 г. религиозно-политические гастроли Далай-ламы XIV по странам Запада и Востока активно использовались международной публичностью для подогрева антикитайских настроений и попыток давления на КНР. Визиты «доброй воли» лидера тибетской диаспоры, как правило, осуществлялись накануне запланированных встреч между представителями КНР и государств Европы или Азии по значимым экономическим и геостратегическим проблемам. Демонстративным примером подобных акций служат путешествия Далай-ламы по странам ЕС в ноябре 2008 г., в результате чего КНР отказалась от декабрьской встречи с ЕС и отчетливо артикулировала угрозу введения эмбарго на товары французского производства. Эта встреча, вроде бы категорически отодвинутая Пекином на неопределенный срок, тем не менее состоялась в 2009 г. Продолжились и западные поездки духовного лидера тибетской диаспоры, как, впрочем, и рассылка нот протеста со стороны МИД КНР.

Анализ событий 2008–2009 гг., спровоцированных международными визитами Далай-ламы XIV, наводит на мысль, что религиозно-политические вояжи Его Святейшества есть элемент весьма рискованной игры, которую ведут на глобальном поле заинтересованные игроки, отнюдь не желающие обозначать свои реальные цели. Втягивание российского руководства в обсуждение вопроса о визите Далай-ламы в буддийские регионы РФ навязывает нашей стране участие в этой игре. И здесь впору задаться вопросом, а в каком статусе Россия готова вступить в нее — гроссмейстера, планирующего шахматную партию, или карточного болвана, ходы которого заранее определены подлинными участниками?

«Пригласи Далай-ламу» — игра по правилам и без

Казалось бы, эта игра — не более чем тест на приверженность демократическим ценностям, а ее правила предельно просты и однозначны. Участницей игры может стать любая страна, претендующая на статус демократического государства и готовая подтвердить это, несмотря на возможность обострения отношений с Китаем. Ей необходимо всего лишь направить официальное приглашение Его Святейшеству, обеспечить визу и инициировать международные публичные дебаты в СМИ о формате и программе грядущего визита, соблюдении прав человека и этноменьшинств в КНР. Стратегия игровой партии также хорошо известна: широкий медиа-анонс визита как «неполитического» мероприятия, в ответ — дипломатический протест КНР, вопреки чему приглашающая сторона оказывает радушный прием лауреату Нобелевской премии мира, устраивая ему выступления в университетах и на пресс-конференциях, встречи с независимыми гражданскими организациями (НГО) — местными правозащитниками и группами поддержки Тибета, верующими-буддистами (если таковые имеются).

Однако опыт 2008 г. показал, что игра «пригласи Далай-ламу» — это вовсе не тест на демократичность, а способ сугубо прагматического конструирования политических событий. Каждая игровая партия оказывается в итоге нацеленной на размягчение позиции КНР в решении текущих проблем в ситуациях экономического и политического взаимодействия со странами Запада. Но было бы наивно сводить цель игры лишь к достижению ситуативно значимого результата. Цель игры реализуется не в отдельных партиях, а в неуклонном продвижении геостратегических и экономических интересов ее гроссмейстеров — США и ключевых государств ЕС — на территориях автономных районов КНР. Конечный итог видится в превращении не только ТАР, но и двух других автономных районов КНР — Синьцзян-Уйгурского и Внутренней Монголии — в демилитаризованные зоны с открытыми границами и перманентным присутствием миротворческого контингента НАТО.

Казалось бы, что за дело России до этой игры, затеянной геополитическими экстремалами? На нашей территории не дислоцированы анклавы тибетских беженцев, российское политическое руководство не претендует на участие в дискуссии по «тибетской проблеме», а стратегическое партнерство с КНР позволяет вести диалог с дальневосточным соседом вне игры и вне очереди. Между тем участие в игре не во всех случаях бывает добровольным, особенно когда речь идет об этническом сепаратизме регионов и огромном геополитическом выигрыше Запада от разжигания локальных этнорелигиозных конфликтов. Вовлечение России в игру оказалось предрешенным — буддисты Бурятии, Калмыкии и Тувы жаждут встречи с Его Святейшеством, да и довлеет стремление соответствовать международному стандарту демократической страны.

Отметим, что России, в отличие от всех прочих участников, предлагается играть по особым правилам. Польша, Чехия, Дания, Нидерланды и другие младшие партнеры гроссмейстеров чествуют Далай-ламу как лауреата Нобелевской премии мира, ратующего за права человека. А России надлежит принимать Далай-ламу XIV в статусе «главы» и «духовного пастыря» всех российских буддистов, причем непременно с санкции высшего руководства страны. При этом не берутся в расчет два важнейших обстоятельства. Во-первых, в историческом прошлом титул «Далай-лама» принадлежал только главе тибетского теократического государства, в состав которого никогда не входили ни Бурятия, ни Калмыкия, ни Тува. Во-вторых, к бурятам, калмыкам и тувинцам буддизм пришел из Тибета через Монголию. В течение всей истории буддизма этнические общины верующих в различных странах оставались организационно самостоятельными, поскольку религиозная доктрина буддизма не предполагает единой иерархической структуры, подобной вселенскому понтификату.

Давая согласие на приглашение Далай-ламы XIV в качестве духовного пастыря российских буддистов, МИД РФ способствует возведению лидера тибетской диаспоры в статус буддийского понтифика. А именно к такому экстравагантному шагу подталкивают МИД РФ лоббисты российского участия в игре «Пригласи Далай-ламу».

Медиа-провокация в январе 2009 года

Нынешнее невольное вступление России в игру «Пригласи Далай-ламу» можно датировать 28 января 2009 г. Именно в этот день на «Правительственном часе» в Совете Федерации Федерального Собрания РФ прозвучал адресованный министру иностранных дел С.Лаврову упрек в том, что МИД якобы «препятствует пяти миллионам граждан Российской Федерации, исповедующим буддизм, во встрече со своим духовным наставником, лауреатом Нобелевской премии мира

Его Святейшеством Далай-ламой XIV». В своем ответе глава российского внешнеполитического ведомства разъяснил, что «визит международного религиозного деятеля, гражданина другого государства, в Россию не может быть внутренним делом Российской Федерации». Как подчеркнул С.Лавров, при обсуждении данной проблемы МИД РФ с необходимостью должен учитывать характер отношений между администрацией КНР и лидером тибетской диаспоры, что не исключает, тем не менее, возможности рассмотрения вопроса о «пастырском» формате визита.

Слова С.Лаврова получили немедленный отклик в глобальном медиа-пространстве. Многие отечественные и зарубежные СМИ сообщили, что на уровне МИД РФ вопрос о приезде Далай-ламы XIV в Россию решен позитивно, и акцентировали «пастырский» характер предстоящего визита. Дипломатический аспект ответа С.Лаврова СМИ попросту проигнорировали.

Эта вброшенная в гражданскую публичность искаженная информация и подстегнула дискуссию о необходимости «продавливания» неотложного визита Далай-ламы в Россию.

Вместе с тем вопреки тезису, воспроизводимому западными, международными и отечественными СМИ, обсуждение вопроса о «пастырском» визите Далай-ламы XIV в РФ никоим образом не служит гарантией прав верующих-буддистов и их гражданских свобод. Более того, подталкивание российского руководства к спешному принятию позитивного решения по данному вопросу не позволяет адекватно учесть динамику внутри- и внешнеполитических контекстов.

Внешнеполитический контекст принятия решения о визите Далай-ламы XIV

Осмысление вопроса о визите Далай-ламы XIV в РФ с необходимостью предполагает ретроспективный анализ релевантных проблеме событий 2008 — первого полугодия 2009 г. в свете итогов июньского саммита ШОС и неформального клуба БРИК (Бразилия—Индия—Китай—Россия). На екатеринбургском форуме впервые наполнился конкретным документированным содержанием инициированный РФ процесс строительства евразийского геополитического треугольника Россия—Индия—Китай, дополненного в лице Бразилии трансатлантическим компонентом. Эта конструкция способна в не столь отдаленной перспективе составить противовес глобальному доминированию США. Ее сохранение и укрепление отвечает экономическим и политическим интересам России и одновременно служит фактором сглаживания острых углов и снижения напряженности в отношениях между Пекином и Дели. Не последним пунктом этой напряженности являются многолетние трения по вопросу о спорных территориях по «линии

фактического контроля» (так называемой линии Макмагона), где исторически проживают тибетцы и расположены анклавы тибетских беженцев. В 2008 — первом полугодии 2009 г. этот вопрос актуализировался с новой силой, причем именно в связи с протестными акциями тибетских анклавов в Южной Азии — на территориях Индии, Непала, Ладака и Бутана.

Страны Запада, преимущественно США и ФРГ, заблаговременно обеспечили себе инструмент геополитических манипуляций в этом регионе — в течение ряда десятилетий они инвестировали средства и практические усилия в создание транснациональной коммуникативной сети (ТКС) тибетского буддизма. Ими искусственно взращивались такие ключевые ее компоненты, как политически конфликтная тибетская диаспора во главе с Далай-ламой XIV; эмигрантская политическая структура — Центральная Тибетская Администрация (ЦТА), лояльная своим западным спонсорам; разнообразные тибетские и международные правозащитные НГО, ратующие за политическое самоопределение Тибета; общины буддистов-конвертитов в различных национальных государствах.

Первая апробация радикальной политической активности ТКС тибетского буддизма состоялась весной 2008 г., когда протестные волнения в ТАР были успешно синхронизированы с эпизодами провокаций, направленных против проведения Олимпиады в Пекине. После закрытия олимпийских состязаний эта активность продолжала набирать обороты: в ноябре 2008 г., несмотря на дипломатические протесты МИД КНР в адрес Дели, в индийском городе Дхармсале был устроен экстренный референдум «всего тибетского народа», призванный выработать стратегию борьбы за национальное самоопределение. В западных СМИ провокации транснациональной сети преподносились в качестве вполне легитимной и политкорректной национальной борьбы тибетцев за свои гражданские права и демократические свободы, хотя на деле целью этих провокаций выступало разжигание этнорелигиозного конфликта в ТАР и странах Южной Азии, где расположены анклавы тибетских беженцев или издавна проживают этнические тибетцы. А международным гарантом этой вывернутой наизнанку «легитимности» и выступал Далай-лама XIV в своих гастролях Нобелевского лауреата по странам Евросоюза (Польше, Франции, Дании, Нидерландам и др.) и США. Состоявшееся в апреле — июне 2009 г. международное турне Его Святейшества анонсировалось как «неполитическое», что, однако, никак не помешало лидеру тибетской диаспоры встретиться с первыми лицами Дании и Нидерландов, участвовать в пресс-конференциях по вопросам о независимости Тибета, организовывать там коллоквиумы с беглыми китайскими диссидентами.

Вдумчивая позиция по вопросу российского участия в игре «Пригласи Далай-ламу» предполагает учет и анализ тех перспективных

программ, которые уже приняты на 2010–2012 гг. западными гроссмейстерами — спонсорами ТКС тибетского буддизма. Так, например, 10 июня 2009 г. палатой представителей Конгресса США была одобрена резолюция под названием 'Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 2010 and 2011', нацеленная на «обеспечение дальнейшего продвижения тибетско-китайского диалога и укрепление дипломатического присутствия США в проблеме Тибета». Согласно принятому документу, в течение 2010–2011 гг. посольству США в КНР надлежит сформировать тибетский отдел, который будет следить за развитием ситуации в политической, экономической и социальной сферах ТАР и других тибетских регионах КНР, пока не откроется консульство США в столице ТАР Лхасе. Резолюция утвердила также государственное финансирование программ поддержки тибетцев: расходы на предоставление грантов американским неправительственным организациям, занимающимся вопросами сокращения бедности, сохранения культуры, а также защиты окружающей среды на Тибетском плато; образовательные программы для тибетских студентов и аспирантов; обеспечение работы штата офиса специального координатора по тибетским вопросам в Госдепартаменте США. Эта резолюция демонстрирует подлинную позицию США в игре «Пригласи Далай-ламу»: ни майские протесты со стороны Пекина против ее принятия, ни риторика нового американского президента Барака Обамы о необходимости развития позитивного взаимодействия США и Китая никоим образом не препятствуют гроссмейстеру продолжать игру в избранном направлении и не сбивают установленный прицел.

В равной степени немаловажно учитывать тот факт, что каждому визиту Далай-ламы XIV в Европу неизменно сопутствовала эскалация антикитайских настроений, осуществлявшаяся западными и международными СМИ. При этом всякий раз задействовался один и тот же стандартный пакет обвинительной риторики в адрес КНР: «тоталитарный режим», попрание прав человека и демократических свобод граждан в ТАР и СУАР, культурный, религиозный и этнический геноцид национальных меньшинств. Этот же медиа-пакет, несомненно, будет использован и во время «пастырского» визита Его Святейшества в Россию.

Внутриполитический контекст приглашения Далай-ламы XIV

Финансируемая Западом идеологическая активность эмиссаров тибетской диаспоры в Калмыкии, Бурятии и Туве имела своим результатом в 2008 г. консолидацию этнических буддийских НГО этих регионов с политически конфликтными выступлениями в анклавах тибетских беженцев и волнениями в ТАР. Это способствует росту антикитайских настроений в таких НГО и заставляет предположить, что хорошо спланированные широковещательные акции международных

организаций по борьбе за политическое самоопределение Тибета могут получить незамедлительный отклик на территории РФ как в формате протестных митингов и пикетов у посольства КНР и китайских консульств в российских мегаполисах, так и в стихийных акциях против китайских гастарбайтеров, деятелей торговли и сферы услуг.

В гражданском обществе РФ уже продолжительное время действуют правозащитные НГО, идейно связанные с международными группами борцов за независимость Тибета (например, «Центр тибетской культуры и информации» в Москве и «общество Друзей Тибета» в Санкт-Петербурге). Они участвуют в транслировании материалов мониторинга по нарушению прав этноменьшинств в ТАР и СУАР, анонсируют и комментируют международные визиты деятелей тибетской диаспоры, формируя в среде российских буддистов выгодное Далай-ламе и его западным партнерам общественное мнение.

Среди многообразия буддийских организаций РФ существует целый ряд таких, которые не питают пиетета Далай-ламе XIV и не солидаризируются с глобальной политической активностью тибетской диаспоры (например, буддийские организации тайского, японского, непальского направлений). Со стороны таких буддийских НГО вполне закономерно ожидать выражений несогласия с «пастырским» форматом визита Далай-ламы XIV в Россию и навязыванием российским гражданам этого тибетского изгнанника в качестве «понтифика» всех буддистов.

В Калмыкии, Бурятии и Туве существуют группы традиционного буддийского духовенства, неприемлющие засилья тибетских эмигрантов в религиозной жизни этих регионов и Далай-ламу в качестве религиозного главы калмыцких, бурятских, тувинских буддистов. По этой причине предполагаемый «пастырский» формат визита Далай-ламы XIV в РФ способен породить острый религиозный конфликт в этих регионах.

Необходимо указать также на предпринимавшиеся некоторыми православными правозащитными НГО попытки вброса в публичный дискурс идеи об установлении прямого диалога между руководством РПЦ и Далай-ламой XIV как главой российских буддистов. Такая рамка диалога означала бы ничем не оправданное фактическое признание религиозной юрисдикции Далай-ламы над Бурятией, Калмыкией и Тувой и, несомненно, вызвала бы протест со стороны определенной части буддийского духовенства и верующих.

Выводы

Приходится констатировать, что в январе 2009 г. Россия фактически оказалась вовлеченной в навязанную Западом игру «Пригласи Далай-ламу». Участие в ней без преимущественного учета собственных интересов чревато для нашей страны неоправданными рисками:

этнорелигиозными конфликтами как в буддийских регионах РФ (Бурятии, Калмыкии и Туве), так и в мегаполисах, осложнениями в отношениях между РФ и КНР, ослаблением конструктивного взаимодействия России с ее партнерами по ШОС и БРИК, что может негативно сказаться на втором (после екатеринбургского) саммите, намеченном на 2010 г. Во избежание этих рисков российским властям придется найти адекватный ответ на вопрос, а в каком качестве может быть приглашен Далай-лама XIV в нашу страну?

«Пастырский» формат визита не соответствует историко-культурным реалиям прошлого и настоящего: Далай-лама по своему статусу никогда не являлся религиозным главой бурятских, калмыцких и тувинских буддистов, и их этнические территории ни на одном историческом этапе не состояли в религиозной юрисдикции Далай-ламы. Как лидер тибетской диаспоры и участник транснациональной коммуникативной сети тибетского буддизма Далай-лама XIV может рассматриваться в качестве духовного пастыря только тех буддийских НГО России, которые задействованы в этой сети.

Не может быть приглашен Далай-лама XIV в Россию и как лауреат Нобелевской премии мира — борец за демократические свободы тибетского народа, поскольку фактически это означало бы солидаризацию России с западными оппонентами КНР и тем самым подрывало бы договоренности, зафиксированные в официальных документах екатеринбургского саммита ШОС, в «Положении о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования ШОС на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе» и «Программе сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» на 2010–2012 гг.

Тем не менее, международный имидж РФ как демократического государства не исключает возможности приезда Далай-ламы XIV в нашу страну, но не по официальному приглашению, санкционированному президентом России, а в качестве обычного участника какого-либо мероприятия, планируемого общественными организациями в рамках межрелигиозного многостороннего диалога. И, разумеется, только в том случае, если это будет отвечать интересам России.

В таких чувствительных вопросах, как приезд Далай-ламы XIV, обострение ситуации в ТАР и СУАР, Кремль ориентирован на продолжение линии конструктивного взаимодействия с китайским руководством. Возможности политической связки Москва—Пекин могут быть эффективно задействованы как в интересах России, так и Китая при усилении давления на них со стороны Европы и США. Кроме того, скоординированные действия РФ и КНР обозначили бы перед Западом новую геополитическую реальность, с которой ему придется считаться.

ФОНД Ф.ЭБЕРТА
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РУССКИМ ДОМОМ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ,
СООРГАНИЗАТОРЫ — ЖУРНАЛЫ «МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА
И ОБЩЕСТВО» (ГЕРМАНИЯ) И «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» (РОССИЯ)

БЕРЛИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

«НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ МИРОПОРЯДОК: ИНИЦИАТИВЫ И СТРАТЕГИИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ» (15–16 июня 2009 г.)

Сокращенная стенограмма

15 июня проведена ставшая уже традиционной ежегодная трехсторонняя конференция ФРГ—РФ—США. ***Тема: «Новый европейский миропорядок: инициативы и стратегии их реализации».***

Открыл конференцию государственный министр Министерства иностранных дел ФРГ Гернот Эрлер.

16 июня в Русском доме науки и культуры состоялась встреча (открытый семинар) российских и германских участников с представителями германской общественности. ***Тема: «Европа и Россия во времена перелома системы межгосударственных отношений: требования к будущей общеевропейской архитектуре безопасности и ее перспективы».***

В работе форума приняли участие представители официальных органов власти, парламентов, научных организаций и аналитических центров Германии, России и США.

Первая сессия

Новые угрозы, изменение понятия безопасности и требования к европейской архитектуре власти после 1990-х годов

Гернот Эрлер. Вилли Брандт, бывший Федеральный канцлер, в своей речи при вручении ему Нобелевской премии мира сказал, что понимает политику мира как настоящую реальную политику. Для меня это является исходной точкой для перспективы создания стабильного европейского миропорядка до сегодняшнего дня. В то время мир был забетонирован в антагонизм систем, конфронтацию блоков. И такие политики, как Вилли Брандт, которые выступали за мир, указывали путь в будущее. Благодаря этому «холодная война» стала историей. Началась, как говорится в Парижской хартии 1990 года,

новая эра демократии, мира и свободы. Цель, которая была поставлена в конце «холодной войны», к которой стремились страны, — это общеевропейский миропорядок от Ванкувера до Владивостока. Но путь к ней оказался намного сложнее, многие надежды не осуществились. И сегодня мы находимся в другой ситуации. Мир столкнулся с целым спектром феноменов, и каждый из них требует особого ответа. Это глобализация и финансовый кризис, вступление на мировую арену новых держав, асимметричные опасности, международный терроризм. Это риски безопасности далеко за пределами наших границ, например, Афганистан или Пакистан. Это такие явления, как пиратство, и, конечно же, опасности, связанные с распространением ОМП. Кроме того, наблюдается некоторое возвращение к старому мышлению, к риторике времен «холодной войны». Война в Грузии летом прошлого года показала, что Европа далека от такой политики безопасности, которая связывала бы Европу, Америку и Россию. В последние годы были упущены многие шансы, и именно поэтому сейчас нужно сказать свое веское слово политикам. То, что нам сейчас нужно, — это четкий взгляд на реальность в Европе и мире, нам нужна политика обновления, импульсы для новых кооперативных структур в сфере безопасности.

Ресурсами для такой политики обновления, с нашей точки зрения, являются доверие и общая безопасность. Если рассмотреть весь спектр проблем, связанных с безопасностью Европы, то в них большую роль играет недостаток доверия. Это особенно заметно в наших отношениях с Россией. Это касается расширения НАТО и ЕС, ПРО, контроля над вооружениями в Европе, энергоснабжения, решения замороженных конфликтов, ситуации на Кавказе. Чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо участие России. Россия должна участвовать в пространстве стабильности, и этому альтернативы нет. Скептическое отношение к России со стороны некоторых членов ЕС и США тоже следует учитывать. Это какие-то еще незажившие раны советского периода, которые напоминают о себе, когда Россия использует энергоснабжение в качестве политического инструмента. Или признает независимость Абхазии и Южной Осетии.

Но и Россия, конечно же, имеет право на то, чтобы ее обеспокоенность и ее проблемы тоже воспринимались всерьез.

Потерянное доверие в Европе нужно восстановить, чтобы на этой основе решать возникающие проблемы, и приостановить негативную динамику, которая в последние годы развилась в отношениях ЕС и России. И как раз в международной политике безопасности, с нашей точки зрения, это возможно. Сейчас мы находимся в выгодной ситуации. Вступление на пост президента США Барака Обамы дает возможность по-новому сформулировать отношения между США, Европой и РФ. Этот уникальный исторический шанс нам необходимо использо-

вать вместе для того, чтобы восстановить доверие ради нашего общего будущего и общей безопасности.

Министр иностранных дел ФРГ Штанмайер, выступая в Москве в Академии наук 10 июня, назвал четыре поля, в которых необходимо достигнуть прогресса. В первую очередь это контроль над вооружениями и разоружение. Переговоры между США и Россией по СНВ очень важны. Нам нужно также стремиться к нулевому решению, и в этом отношении тактические ядерные вооружения в Европе также должны быть включены в процесс разоружения. Нужно адаптировать к новым условиям контроль над обычными вооружениями.

Мы также должны обратить внимание на территориальные конфликты — Нагорный Карабах, Приднестровье, Грузия. Сюда же относится и политика России на Кавказе.

Очень важной темой является надежное энергоснабжение. Она не должна разделять Европу. Важны предложения Медведева о глобальном управлении в энергетике, и они могут стать конструктивной основой для принятия Энергетической хартии.

Четвертое поле — партнерство и сотрудничество в Европе, что зафиксировано в европейской политике добрососедства. В ней должны участвовать все государства от Ванкувера до Владивостока, может быть, не на равной основе. Но, тем не менее, на основе таких принципов, как соблюдение территориальной целостности, верховенство права, отказ от насилия, а также единая и равная безопасность с участием всех свободных союзов и стран.

К сожалению, в прошлом году мы на себе почувствовали, что механизмы безопасности в Европе не являются совершенными. Как улучшить эту ситуацию? Речь не идет о полностью новой системе. У нас есть структуры, которые оправдали себя. Речь идет о том, как по-новому рассматривать в контексте изменившегося миропорядка такие уже имеющиеся институты, как ООН, НАТО, ОБСЕ, и уже сформулированные принципы.

Политический проект, который ставит себе целью безопасность от Ванкувера до Владивостока, не нов. Мы видим эти идеи в Парижской хартии 1990 года и в последующих предложениях США. Президент Медведев высказал идеи, которые во многом совпадают с этими идеями. Это дает надежду и новый шанс. Наша позиция с самого начала была такой: мы конструктивно реагируем на эти предложения, — конечно же, в рамках широкого евроатлантического процесса. Наиболее подходящим форумом для обсуждения предложений Медведева мы считаем ОБСЕ. Необходимо также участие НАТО, ООН, России и ЕС. Определенная база для решения проблем безопасности уже давно существует в Европе. Мы предлагаем дискуссию по ключевым вопросам евробезопасности, которая до сих пор проводилась в различных кругах, провести в структурированном диалоге. Это должна быть не

пустая дискуссия, а определение конкретных сфер деятельности, где пересекаются наши интересы с интересами России и где есть потенциал для дальнейших совместных шагов по укреплению доверия и безопасности.

Взаимодействие между такими организациями, как ОБСЕ, ООН, НАТО, ЕС, может быть лучшей платформой для такой дискуссии. Думаю, что политические и военные возможности ОБСЕ также могут быть адаптированы на основе Венского документа 1999 года о мерах доверия и безопасности. Можно рассмотреть и новые предложения по предотвращению конфликтов при сотрудничестве различных институтов, которые занимаются предупреждением конфликтов.

Особенно важно по-новому подойти к отношениям между Россией и НАТО. Речь идет о трезвой оценке наших интересов. Здесь интересы совпадают во многих сферах: Афганистан, разоружение, борьба с пиратством, с терроризмом. В других сложных сферах (например, Грузия) мы представим нашу четкую позицию. Это не значит, что НАТО не следует вести диалог с Россией, что Россия должна быть изолирована, как это было отчасти после конфликта Россия—Грузия. Совет Россия—НАТО должен использоваться в полной мере для кооперативных решений и обсуждения возникающих проблем. Именно поэтому очень важным является возобновление работы Совета Россия—НАТО. Это может также послужить цели разработки новой стратегической концепции НАТО.

В целом есть неплохие возможности для укрепления и расширения сотрудничества.

Создание и сохранение мира — нелегкая задача, она требует повседневной работы не только на высшем политическом, но и на практическом уровне. Мы можем сформировать надежное будущее в Европе, если все мы, европейцы, вместе с нашими американскими партнерами и нашими восточными соседями, с Россией будем вести откровенный диалог по всем вопросам. Я очень рад, что сегодняшний семинар посвящен именно этой задаче. Думаю, что он организован очень своевременно.

(Затем г-н Эрлер ответил на многочисленные вопросы участников.)

Адам Ротфельд, *бывший министр иностранных дел Польши, бывший директор СИПРИ*. Обсуждается вопрос, насколько мы сейчас должны менять структуру, процедуры, нормы, принципы международных организаций. Но вначале мы должны понять, в чем суть реальных проблем. Очень часто система безопасности идентифицируется с соответствующими организациями и институтами. Организация многими рассматривается как панацея для обеспечения безопасности. Но сами по себе институты и организации являются статическими, а международное право — динамичный процесс. На самом деле мы должны думать над тем, насколько организации, созданные после окончания

«холодной войны», отвечают требованиям XXI века. Например, ООН создана почти 65 лет тому назад, НАТО — 60 лет, ОБСЕ — 35 лет.

Начиная с 1991 года, мы видели более 70 военных конфликтов. Почти все из них, за редким исключением, были конфликтами не между государствами, а внутри них, но имели, тем не менее, международные последствия. И это часто игнорируется.

Так, создание СБСЕ (ОБСЕ) было успехом международной дипломатии — впервые в истории процесс был полностью ориентирован на улучшение обстановки внутри государств. Эта организация после завершения «холодной войны» активно решала задачи по противостоянию новым вызовам. Десять лет спустя встал вопрос, насколько ОБСЕ сегодня может разрешать актуальные задачи. Представители России критиковали ОБСЕ как организацию, которая не отвечает тем задачам, для решения которых была создана. Но я думаю, мы должны рассматривать ОБСЕ как организацию с положительным потенциалом. Тем не менее, она в ряде моментов должна быть реорганизована.

Еще один пример. Во время «холодной войны» ключевым в российской стратегии было положение, «как укреплять статус-кво» в области территориальной политики. А в данный момент Россия, скорее всего, заинтересована в том, чтобы изменить этот статус-кво. Это, с одной стороны, понятно. Но, с другой, следует учитывать, что такие изменения должны иметь место главным образом на территории собственной страны (это касается не только России), большинство проблем в наши дни находится внутри той или иной страны. Очень часто упускается из виду, что старая внешняя политика использовалась как функция внутренней политики. А сегодня внешняя политика разрабатывается и ведется как инструмент для оказания влияния на внутреннюю обстановку.

Г-н Эрлер сегодня говорил об основных интересах, которые мы все разделяем.

Есть очень важный вопрос о нераспространении ядерного оружия, где интересы Запада и России совпадают. Мы не должны допустить провала очередной конференции по нераспространению, как это было в 2005 году.

Другой общий элемент, который играет фундаментальную роль для европейской и глобальной структуры безопасности, — общий интерес эффективно бороться с международным терроризмом.

Есть много элементов, где мы разделяем мнение и должны выступать совместно. В частности, чтобы улучшить обстановку в Афганистане. Но основное внимание необходимо сфокусировать на Пакистане, потому что Пакистан в области безопасности является более серьезным вызовом, чем даже Афганистан.

Министр Эрлер отметил также ряд элементов, которые вызвали споры между Западом и Россией, среди них отношения России и

НАТО. Это спорный вопрос, но его нужно разграничить между действительной и публичной политикой. НАТО рассматривается в России как противник номер один. Но я знаю, что большинство российских политиков понимает, что НАТО искренне хочет сотрудничать с Россией.

(Далее А.Ротфельд сослался на письмо Б.Ельцина, направленное в 1993 г. трем западным лидерам. Там говорилось, что Россия не рассматривает НАТО как враждебный блок, но опасается изоляции страны. «Мы были бы готовы вместе с НАТО предложить официальные гарантии безопасности восточноевропейским государствам, обеспечивая территориальную целостность, безопасность и мир в регионе», — говорилось в письме. Этот документ, считает Ротфельд, отражает в большей мере реальный образ мышления российского руководства, которое сильно отличается от языка пропаганды.)

Если есть необходимость в новой архитектуре, то, конечно же, следует учитывать взаимосвязи, как составную часть этой новой архитектуры, в том числе на региональном уровне. В настоящее время эта задача различных институтов мира, ООН, НАТО, ЕС, ОБСЕ. Здесь упоминалась также ОДКБ. Все эти институты должны быть вовлечены как составляющие элементы в новую архитектуру безопасности.

Необходимо также подумать о фундаментальных принципах и темах, которые зафиксированы в Заключительном Хельсинкском акте — права человека и др. Все эти принципы необходимо также рассматривать, размышляя о новой архитектуре безопасности.

И я считаю, что главная проблема XXI века не в отношениях между государствами, а своего рода противостояние или же напряженность между отдельными национальностями государств, с одной стороны, и обществом — с другой. Должна быть разработана новая концепция на этот счет.

И последнее, что мне хотелось бы сказать. Если у нас есть такие принципы, как территориальная целостность, нерушимость границ, то их нужно учитывать, как и принцип самоопределения наций. Если этот принцип рассматривается как принцип международного сосуществования и возможность для определенных этнических групп установить новое государство, которое находится в оппозиции к каким-то другим принципам, то как можно преодолеть это противоречие? С одной стороны — право на самоопределение, с другой — территориальная целостность. И это, с моей точки зрения, действительно является очень серьезной проблемой.

Анатолий Коробейников, *член Совета Федерации*. Поиски подхода к укреплению безопасности будут малоуспешными до тех пор, пока мы будем заужать сферу безопасности до военно-политических решений.

Национальная и международная безопасность — это больше чем защита от непосредственной военной угрозы или от террористов. Безопасность — это больше чем защита, это — развитие. И поэтому я хотел бы остановиться на некоторых фундаментальных вызовах.

Начну с такого вызова, который все больше актуализирует социальную напряженность на планете: безуспешность приведения к единому знаменателю богатства и благосостояния. Как искоренить на планете бедность, которая продолжает оставаться системной угрозой для мироустройства? Чтобы богатство и нищету привести хотя бы в относительное равновесие, мировому сообществу предстоит сменить диктат приоритета ложных ценностей на мировосприятие реальной, а не декларированной социальной справедливости. И найти рабочие механизмы реализации принципов более справедливого мироустройства не с помощью военной силы. В условиях единого глобального мира все больше прорастает идея совместного формулирования и распределения мирового дохода.

Второй вызов — виртуальный финансовый капитал. Причина сегодняшнего глобального финансово-экономического кризиса — идеология потребления. Ныне господствующее мировоззрение алчного потребителя — это мировоззрение социального нездоровья. Оно вносит хвалу кризису, якобы он необходим для будущего финансово-экономического бума. И тем самым те, кто просмотрел нарастание кризиса, снимают моральную ответственность за него. Один показательный пример. Еще шесть лет назад мировой спекулятивный виртуальный финансовый капитал достиг 420 трлн. долларов, а мировой ВВП составлял тогда 210 трлн. долларов. Этот разрыв и стал бомбой замедленного действия, которая взорвалась сегодня. Трансграничный поток виртуальных финансов вносит огромную нестабильность в мировое хозяйство. Приходится делать вывод: управлять так, чтобы избежать или смягчить кризис, современные мировые институты не способны, значит, их надо не просто модернизировать, а менять коренным образом.

Особым вызовом становится слабеющее здоровье европейцев, особенно детей и молодежи. Укоренившийся образ жизни и отдельного гражданина, и народов является фактором не очень здорового образа жизни. Физическое, психическое и нравственное здоровье, как основная категория цивилизации, нигде не стала в полном объеме ни объектом, ни целью государственных интересов, ни солью национальных культур. Укреплять только ремонтную базу людей — больницы, аптеки, поликлиники — тупиковый путь. Надо стремиться к единственно спасительной перспективе — не допускать болезни до детей на основе всемирного внедрения здорового образа жизни.

Межрелигиозная и межнациональная нетерпимость — вызов, который повседневно на бытовом уровне формирует образ если не врага, то недруга. Отдавать поле борьбы с таким недругом только политикам

или силовым структурам — бесперспективная крайность. Другая нередко наблюдаемая крайность — работа по межнациональному согласию ограничивается теоретическими рассуждениями в официальных залах и академических аудиториях. К 2050 году, при сохранении нынешней тенденции, значительная часть населения европейских стран станет мусульманской. К этой ситуации надо готовиться. Как? Стремиться к тому, чтобы европеизированные мусульмане стали мостом взаимопонимания между Европой и всем мусульманским миром. Современную европейскую историю должно двигать культурное многообразие, а не универсализация человеческих ценностей.

В связи с этим я перехожу к вызову, о котором официальная Европа предпочитает не говорить вслух: всесторонняя экспансия США на европейском континенте. США стали диктовать Европе и другим континентам свои ценности. Нельзя допустить того, чтобы европейский регион стал туристской провинцией США. Европе по-прежнему есть что сказать не только США, но и всему человечеству. Но для этого Большая Европа, институционально все больше интегрируясь, должна, наконец, ощутить себя с США на равных, если хотите — авторитетной мировой державой.

Вызов, с которым надо бы давно покончить, — запрещение легальной торговли оружием и вооружением. Почему торговля наркотиками — беда, а торговля оружием — благо? Только в миротворческих операциях после Второй мировой войны убито 19 миллионов человек. Надо приравнять официальную военную торговлю к международным преступлениям. Это пока невозможно. Но если такую цель не держать в головах лидеров современного мира, то покончить с нелегальной торговлей оружием, с вооруженным насилием никогда не удастся. Политикам и парламентариям пора начинать разговор о сверхвооруженности планеты, которая порождает синдром перманентной войны и сумасшедшее желание наносить превентивные удары.

Общемировым вызовом является рост региональных конфликтов, итогом которых нередко становится необоснованное дробление государств. Конфликты, связанные с изменением суверенитета и целостности государств, будут до тех пор неизбежными, пока мы не изменим международные нормы в вопросах права народов на самоопределение. Эти нормы поощряют сохранение государственного единства и волю народов к совместному проживанию, обладанию достаточными для их жизнедеятельности ресурсами. Сегодня в ООН зафиксировано 45 микрогосударств, население которых составляет от 10 тысяч человек до 1 миллиона. Способствуя порождению государств-карликов, правящие элиты стран «золотого миллиарда» держат в голове, думаю, такую цель: как легче управлять такими странами. Отсюда Косово и другие. Принцип права наций на самоопределение закреплен в Уставе ООН. Но если меняется международная жизнь, то вместе с ней должны

меняться уставы и декларации. Не может быть незыблемых международных документов, если они со временем изживают себя, если не укрепляют, а дестабилизируют международный порядок. Для начала можно было бы предложить ООН провести всемирную конференцию по теме: «Реальна ли правоспособность наций к самоопределению в условиях глобальной международной политики и практики?»

Вильгельм Ханкель, *профессор Института Гете, Франкфурт.* Я буду говорить о кризисе. Кризис меняет почти все. И там, где изменения еще не имели место, они появятся потом. Роль государства меняется, как показывает Конституция Европейского Союза, и состояние экономического, финансового, валютного союза тоже оказывается под влиянием экономического кризиса. Кризис всегда является результатом ошибок, которые не были замечены вовремя. И во время кризиса эти ошибки становятся очевидными. Хочу сказать о предыстории кризиса.

(Далее проф. Ханкель подробно рассказал о предыстории кризиса, его причинах, движущих факторах, последствиях, в том числе для Европы).

Сергей Кортунов, *зав. кафедрой мировой политики ГУ-ВШЭ.* После выступления господина Эрлера нашу конференцию можно было бы закрыть, поскольку он обозначил в своем выступлении то, что на дипломатическом языке называется linkage (увязка). Он совершенно четко и откровенно, и спасибо ему за эту откровенность, увязал перспективу переговоров о новой архитектуре европейской безопасности, связанной с инициативой президента России, с признанием Россией независимости Южной Осетии и Абхазии. И, судя по всему, большинство присутствующих здесь экспертов и политиков с ним согласились. На данном этапе это означает тупик в обсуждении инициативы нашего президента. Поскольку эта ситуация, очевидно, необратима: в России никто не может себе представить, что наше государство возьмет обратно признание независимости Абхазии и Южной Осетии. Думаю, что наши дипломаты уже написали телеграмму в Москву о том, что на Корфу Сергея Лаврова не ждет успех в обсуждении новой архитектуры европейской безопасности.

Тем не менее, я намерен твердо следовать теме сессии, которая называется так: «Новые угрозы, изменение понятия безопасности и требования к европейской архитектуре власти после 1990-х годов».

Положение дел в области европейской безопасности за последние 20 лет ухудшилось. Европейская безопасность сейчас превратилась в своего рода лоскутное одеяло. К тому же на глобальном уровне мы видим падение управляемости процессами мировой политики и мировой экономики, что показал кризис. Мы видим полную деградацию режима контроля над вооружениями, упадок режима нераспростране-

ния, возникновение новых вызовов и угроз в виде транснационального терроризма, конфликтов нового поколения и т.д.

Мне кажется, что анализ этой ситуации и лежит в основе инициативы Дмитрия Медведева о новой архитектуре европейской безопасности. С моей точки зрения, эта инициатива абсолютно правильная, хотя в ней, собственно, нет ничего нового, речь идет о подтверждении соблюдения ранее принятых обязательств, в том числе касающихся элементарных норм международного права. К сожалению, эта инициатива не была конкретизирована с самого начала и поэтому была воспринята нашими партнерами, как очередная попытка упразднить НАТО. Только спустя полгода Дмитрий Медведев разъяснил, что Россия не ставит вопрос о роспуске уже имеющихся организаций в области европейской безопасности. Важность и ценность этой инициативы состоит и в том, что она впервые за последние 20 лет формирует позитивную, а не негативную повестку дня для Европы. Будет большой удачей, если удастся запустить эти переговоры.

Конечно, перспектива заключения договора достаточно туманна, и, как мы сегодня убедились, в том числе послушав г-на Эрлера, в настоящее время условий для заключения договора нет. Но в перспективе они могут появиться. Поэтому, с моей точки зрения, здесь важен сам процесс. Нельзя терять эту стратегическую перспективу. Скорее всего, договора в ближайшее время не будет, но переговоры могут привести к заключению важных секторальных соглашений в области безопасности, что будет большой удачей для всей Европы. Даже если переговоры будут идти 10, 15 или 20 лет, ничего страшного я в этом не вижу.

С моей точки зрения, развитие событий может пойти по трем вариантам.

Первый вариант — переговоры не начинаются или блокируются разного рода политическими «увязками», и все остается, как есть. Это наихудший сценарий. Он ведет к дальнейшей деградации системы европейской безопасности, к дальнейшему упадку режима контроля над вооружениями и т.д.

Второй вариант — переговоры начинаются и выводят партнеров на секторальные соглашения. Это наилучший вариант. При этом может быть заключена политическая декларация на манер Хельсинкской, что тоже хорошо, поскольку это будет некое «зонтичное соглашение», в рамках которого переговоры могут продолжаться и дальше.

Третий вариант — переговоры идут, однако реальная система европейской безопасности выстраивается вокруг НАТО с участием России. НАТО постепенно трансформируется из закрытого военного блока в миротворческую организацию коллективной безопасности, партнерство с Россией выстраивается через механизм Совета Россия–НАТО и полную реализацию того потенциала, который заложен в Римской декларации.

Мне кажется, что оптимальный и достаточно реалистичный ход событий — это сочетание двух последних вариантов.

Для этого нужно, чтобы Россия пересмотрела свое отношение к НАТО. А Европа, естественно, должна отказаться от «натоцентризма» и совершить интеллектуальное усилие для пересмотра своего отношения к России. При этом мы, конечно, не должны забывать, что важнейшим актором в европейской безопасности являются США, и если с ними удастся договориться, то новая архитектура состоится. Но если из этой архитектуры будет исключена Россия, ничего хорошего не выйдет, потому что все прекрасно понимают, что без Грузии и даже без Украины создать такую архитектуру можно, а без России нельзя.

Нильс Аннен, *член бундестага, фракция СДПГ*. Я не думаю, что за ближайшие месяцы или годы мы сможем создать какую-то общую конструкцию безопасности. Есть очень сложные проблемы, и мы не ждем, что вскоре Россия пересмотрит решения о признании Абхазии и Южной Осетии. Я думаю, что в обозримом будущем нужно договариваться о совместном договоре. Наряду со многими проблемами, есть фундаментальные вопросы безопасности, которые нас объединяют. Тут совпадают наши интересы. Назову только Афганистан. И я надеюсь, что не только инициатива президента Медведева будет принята, но и что мы будем искать способы ведения переговоров.

Я не совсем понимаю скептицизм российских партнеров относительно работоспособности ОБСЕ. ОБСЕ — тот форум, который может принять инициативы Медведева и расширить диалог. Но мы должны начинать практическую кооперацию для того, чтобы восстановить доверие.

Последние события показали обнадеживающие примеры. Мы только что заключили соглашения о транзите, которые обеспечивают доставку военных грузов на север Афганистана, и здесь мы плотно сотрудничаем с центральноазиатскими государствами. Мы должны говорить друг с другом относительно борьбы с наркотрафиком, потому что мы, немцы, тоже отвечаем за безопасность на севере Афганистана. Это касается и Ирана, и некоторых регионов России. Это обширное поле для сотрудничества, где мы могли бы более активно вести диалог и практическую работу. Когда интересы совпадают, можно быстрее восстановить доверие путем практического сотрудничества вместо того, чтобы постоянно выступать с какими-то чисто политическими лозунгами.

Эрих Райтер, *президент Международного института либеральной политики, Вена*. Мы сегодня оперируем слишком обширным понятием «безопасность». Все является предметом политики безопасности. Я считаю, что его надо несколько ограничить. Все эти политологические размышления ничего нам не дают. Ведь политика безопасности состоит в том, чтобы распознавать проблемы и риски, посмотреть,

какие есть мотивации, и обозначить интересы. И потом сократить причины конфликтов.

Чтобы выяснить причины конфликтов и сократить их число, надо принимать во внимание, что зачастую причиной конфликта является то, что население части территории страны не хочет относиться к этой стране. Эти причины конфликтов не следует замораживать или от них отвернуться. Тут надо действовать индивидуальным образом. Есть территориальные проблемы, которые возможно решить без сепарации, но есть и такие, где это не получается, где восстановление прежнего состояния просто невозможно. Здесь нет норм, нельзя считать, что территориальная целостность неприкосновенна. Принцип «эта земля наша, и только мы решаем, что там должно происходить» — устаревший принцип мышления. В демократическом обществе в долгосрочной перспективе такое невозможно. Поэтому нужно распознавать такие территориальные проблемы на ранней стадии и своевременно, до того, как они станут решаться насилием, принимать меры, в т.ч. не отрицая сепарации, там, где она необходима. Нельзя осуждать каждый факт раздробления государства или выступать против него.

Вторая сессия

Политический вклад ЕС, США и России в формирование нового европейского миропорядка

Карстен Фойгт, *МИД ФРГ, координатор германо-американского сотрудничества.* Отношения между Евросоюзом и США являются центральными для европейского мира. Россия не является членом Евросоюза, географически Россия — евразийская страна. Но политически и культурно Россия — страна европейская. И мы должны приблизить всех восточных соседей, включая Россию, как можно ближе к ЕС и к НАТО. Конечно, среди членов ЕС и НАТО существуют разногласия относительно политики с Россией, и по этому вопросу трудно представить европейский или германский консенсус.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг., после вторжения СССР в Афганистан, когда развернулся кризис между Востоком и Западом, Германия согласилась строить трубопровод, объединяющий Запад с Россией через Польшу, несмотря на возражения США. Сегодня критике подвергается трубопровод «Северный поток», который польские политики часто сравнивают с пактом Молотова—Риббентропа. Но сотрудничество с Россией в энергетике (как и в других областях) является важным элементом нашей концепции безопасности.

Основная стратегическая задача состоит в том, чтобы определить, где мы должны противостоять российским концепциям и где должны работать с Россией как с партнером, вырабатывать совместные реше-

ния. Когда речь идет о ядерном нераспространении, о разоружении, где нам нужна поддержка России, мы должны учитывать интересы России, даже если они и не совпадают с нашими. Я против того, чтобы Россия правила в вопросах европейской политики, но и против того, чтобы мы определяли чисто нашу сферу влияния. После Второй мировой войны мы учитывали интересы соседних стран и, тем самым, улучшили стратегическую обстановку. Это дало нам большой выигрыш в области безопасности. Это очень важная концепция, и я надеюсь, что Россия разделяет эту точку зрения.

Объемы торговли ФРГ с Китаем и восточноевропейскими странами значительно больше, чем с Россией, которая занимает в нашем экспорте 9–10-е место. А ФРГ для России — самая главная страна по импорту. Т.е. можно сказать, что Россия больше зависит от нас, чем мы от нее. Но это не наше мнение. Мы говорим о взаимосвязи, а в США — только о зависимости. Говорят о том, насколько мы зависим от энергоимпорта из России, но никогда не говорят о том, насколько Россия зависит от германских технологий в области модернизации промышленности.

Наш важнейший партнер за пределами Евросоюза — США. А самый важный восточный партнер — это как раз Россия. Несмотря на то, что мы больше торгуем с Китаем, по геостратегическим и историческим причинам Россия является нашим важнейшим восточным партнером. Честно говоря, для американцев самый важный партнер — Китай, иногда он даже важнее для Америки, чем НАТО. Для нас Россия является большим приоритетом, чем для США.

Опросы показывают, что восприятие России немцами психологически сильно отличается от ее восприятия восточноевропейцами, которые до сих пор боятся России. Так, среди германской элиты преобладает мнение, что Россия ставит на первый план национальные интересы, когда речь идет о борьбе с терроризмом. Большинство думает, что Россия не играет конструктивной роли в Совете Безопасности. Только 29% опрошенных выступают за членство России в НАТО. Но, с другой стороны, 89% выступают за тесное российско-европейское сотрудничество и даже хотели бы включить Россию в европейскую региональную политику, несмотря на все ее недостатки. Месяц назад Институт Форбса опубликовал интересную исследовательскую работу. 90% респондентов говорили о социальной несправедливости в России, 87% негативно относились к политике российской власти, многие говорили о том, что российская политика отличается непоследовательностью. Но эти же опрошенные характеризуют россиян как щедрый, гостеприимный, эмоциональный и любящий мир народ. Только 5% думают, что Россия не играет для нас роли. 61% считают, что Россия является для нас важнейшим партнером, 76% говорят, что трубопровод «Северный поток» обеспечит большую безопасность энергопоставок, 80% полагают, что трубопровод может доставлять газ в другие европейские страны. То есть

многие американцы считают, что опасно иметь такую зависимость от российских энергопоставок, но сами немцы убеждены, что это важный элемент в экономических связях между нашими странами.

Германское правительство исходит из того, что необходимо сотрудничать с Россией, чтобы решать международные проблемы и развивать доверие. Германия заинтересована в развитии стабильной демократии в России, и развитие здесь авторитаризма беспокоит нас так же, как и американцев. Но немцы не поражены этим авторитарным развитием. Немцы, испытавшие на себе «веймарский синдром», ожидали, что такой синдром будет иметь место и в России. После Первой мировой войны среди немцев преобладала убежденность, что европейские соседи заинтересованы в ослаблении Германии. Они хотели восстановить так называемые германские ценности, укрепить Германию, и это привело к развитию авторитаризма. Такая же психология наблюдается в некоторых случаях в России. Россия рассматривает расширение НАТО как ущемление своих интересов и как угрозу. Партнеры НАТО, конечно, имеют другое мнение. Расширение НАТО и ЕС является, конечно, положительным вкладом для развития Европы, но только в том случае, если будут работать совместные с Россией структуры. Вот эта концепция создания совместных структур была ослаблена в последние годы. И мы всегда говорили в нашем диалоге с Россией, что хотим развивать конструктивную политику, особенно в том, что касается наших меньших соседей. И, конечно, внимательно следим за процессами ущемления наших меньших соседей со стороны России и исходим из того, что партнерские отношения между нашими двумя странами должны строиться не только на взаимном уважении, но и на уважении интересов малых государств.

И мы очень надеемся, что будем тесно сотрудничать с новой администрацией США над улучшением наших отношений с Россией. Содержание этого сотрудничества: борьба с ядерной угрозой, Иран и Афганистан, система ПРО в Центральной Европе. Проблемы энергетики и энергобезопасности, экономическое использование ресурсов Арктики. Мы, немцы, особенно заинтересованы в том, чтобы восстановить систему контроля над вооружениями, и в создании корпоративной системы безопасности, как она была рассмотрена и развита ОБСЕ. В этом контексте предложения Медведева дают новые возможности.

Но вопросы безопасности — это не единственные вопросы, которые нас волнуют, мы должны взаимодействовать в области изменения климата и экологии.

Есть скептицизм в отношении демократии в России, но я думаю, что новые возможности в создании партнерства его перевешивают. Желание демократии — это общечеловеческая ценность, все к этому стремятся. Но демократия — это еще и общекультурная ценность, поэтому для ее установления требуется время. И мы должны шаг за шагом развивать культуру демократии.

Владимир Воронков, *глава департамента МИД России.* Считаю выступление г-на Фойгта очень правильным, потому что оно во многом построено на психологическом восприятии России. Если наши западные партнеры не будут понимать восприятие Москвой происходящих внешнеполитических процессов с учетом этого фактора, то идея Медведева будет реализовываться с большими сложностями. Последние годы Россия чувствует себя субъектом, а не объектом внешней политики. Она окончательно состоялась как государство несколько лет назад, когда мы стали понимать, что такое Россия в системе международных координат и какой должна быть внешняя политика России. И в этом принципиальное отличие от 1990-х годов. Тогда Россия была не столько слаба, сколько искала свое место как новое государство, в условиях господствовавшего основного тренда на евроатлантическом пространстве. Тогда большинство стран, освободившихся от коммунизма, стремились как можно скорее присоединиться к НАТО, а затем — к ЕС. И надо сказать, что именно эгоизм Запада, когда России стали предлагать встать в общую очередь на получение членства в этих организациях, вместо того чтобы принять во внимание уникальность России как страны, сыгравшей главную роль в разрушении коммунизма, и привел в конечном счете к смене вектора в российской внешней политике.

Сейчас реальность иная. Россия осознала свои возможности и окружающую действительность как самостоятельный и самодостаточный международный актор. Некоторые западные аналитики пробрасывают мысль, что нынешний глобальный кризис заставит Россию вернуться к политике 1990-х. Это ошибочное суждение. Каковы бы ни были цены и спрос на нефть и газ, Россия уже прочно вмонтирована в глобальную экономику и в состоянии обеспечить внутреннюю устойчивость. Г-н Фойгт высказал абсолютно правильную мысль: есть сотрудничество США с Китаем, и цена этого сотрудничества, если его выразить в торгово-экономическом обороте 2008 года, составила 412 млрд. долларов. Наше сотрудничество с ЕС в 2008 году достигло 392 млрд. долларов. Эти сопоставимые экономические реалии говорят о том, что Россия экономически очень тесно связана с Евросоюзом. Причем Россия действительно больше зависит от Евросоюза, чем Евросоюз от России. Но почему-то в пропаганде, во всем, что сопутствует торговле, все пугают зависимостью от России.

Я думаю, что мы в состоянии обеспечить внутреннюю устойчивость на обозримую перспективу. Да, есть проблемы, наша экономика мало диверсифицирована, но мы это видим и пытаемся решать, причем в контактах с нашими западными коллегами, исключительно на равноправных и взаимовыгодных условиях. Есть факторы, которые усложняют сотрудничество, — та же коррупция. Но борьба с ней — один из приоритетов нынешнего президента. Так что проблемы есть, но процесс идет и будет идти.

Имеет место стереотип, что Россия пытается заполучить право вето на расширение НАТО. Да не стремимся мы к такому праву, мы реалисты. Мы говорим о том, что расширение НАТО ущемляет наше оборонное право. Инфраструктура НАТО продвигается к границам России. Любой ответственный политик в любой стране, планируя оборонную политику и доктрину, должен этот фактор принимать во внимание. Хотя в опубликованной неделю назад Стратегии безопасности РФ о прямой военной угрозе со стороны НАТО не упоминается. Но планировать такие вещи надо, потому что мир наш нестабильный, могут быть разного рода катастрофы. Ясно, что Россия в предсказуемом будущем сохранит свой статус самостоятельного внешнеполитического фактора. Поэтому для России, а также для тех государств, которые не будут членами НАТО и Евросоюза, нужна надежная, основанная на твердых юридических нормах, равная и неделимая безопасность.

В чем суть предложений Медведева? Договориться или передоговориться об обязательствах, посмотреть, что уже принято. Выдумать что-то новое мы уже не сможем. В Европейской хартии содержится практически весь необходимый набор инструментов, просто документ мертвый. Так, в Платформе по совместной безопасности 1999 года перечислены параметры отношений между международными организациями при лидирующей роли ОБСЕ. Эти наработки могут быть использованы для того, чтобы создать новую, отвечающую запросам сегодняшнего дня структуру безопасности.

Реализация инициативы Медведева позволит и нам, и Западу не отвлекать дополнительные ресурсы на дорогостоящие упражнения, взятые из арсенала «холодной войны», и создать благодаря этому необходимую атмосферу доверия и взаимопонимания.

Почему российская сторона исходит из необходимости сосредоточиться на сфере твердой безопасности, имея в виду возможный договор о евробезопасности? Со стороны наших партнеров говорится о всеобъемлющем подходе. Мы не против такого подхода. Если Европа будет снабжаться российским газом без всяких чрезвычайных ситуаций, это тоже будет вклад в создание этой новой архитектуры. Так же, как права человека. Российская сторона никогда не ставила под сомнение свои обязательства в области прав человека. Это тоже какой-то стереотип, который родился из-за того, что какие-то элементы нашей демократии казались нашим партнерам недостаточными. Мы эти проблемы обсуждаем в Совете Европы. И мы могли бы реализовывать идею о всеобъемлющей безопасности в гуманитарном контексте на площадке Совета Европы, которая в последнее время незаслуженно забыта. США и Канада, являясь наблюдателями в этой организации, могут быть частью этой дискуссии.

Но почему все-таки «твердая безопасность»? На евроатлантическом пространстве в реальности существуют два уровня обязательств в этой сфере. Для стран НАТО — это юридические обязательства в области

неделимости и безопасности, а для остальных членов ОБСЕ — эти обязательства политические. И они порой вступают в противоречия.

И в чем, хочу еще подчеркнуть, еще ценность идеи Медведева? На евроатлантическом пространстве утрачен навык серьезного ведения дискуссии по глобальным проблемам безопасности. Последний документ такого уровня, который удалось согласовать, была Римская декларация, определяющая основы взаимодействия Совета Россия—НАТО (2002 г.), а в нашем быстро меняющемся мире фундаментальный переговорный процесс не должен прекращаться. Да, есть ОБСЕ, многие сегодня говорили, что это площадка, которая для этого и должна служить. Я проработал в этой организации 7 лет, и могу сказать, что эта организация в угоду политической целесообразности была очень сильно деформирована по сравнению с 1990-ми годами. Не секрет, что ЕС какое-то время очень активно использовал эту организацию как подготовительный класс для стран-кандидатов. По мере того как эти страны получали билет в Евросоюз, интерес Брюсселя к ОБСЕ ослабевал. Довольно быстро стало ясно, что таким образом решаются утилитарные задачи. Но это подрывало престиж ОБСЕ как универсальной организации в области безопасности.

Президент России очень четко говорит: «Мы не предлагаем упразднить НАТО или создать альтернативу ОБСЕ... Необходимы общие правила игры для всех политических институтов. Полагаем при этом, что несущей конструкцией политического единства в Евроатлантике могло бы стать эффективное взаимодействие между Россией, Евросоюзом и США». Это философия, это идея, которую можно осуществить лишь общими усилиями стран Евроатлантики.

Кен Гуде, *Центр за американский прогресс, Вашингтон.* Мне хотелось бы в своем выступлении отметить те изменения, которые произошли в США.

США находятся сейчас на переломном этапе. После «холодной войны» в мире было много кризисов, и США сегодня имеют плохой авторитет. Но новое правительство не преследует цель только исправлять то, что было, оно стремится создавать базу новой внешней политики США. И все наши партнеры — ЕС, европейские страны — должны использовать эту возможность и брать на себя ответственность за мир. Еще слишком рано ожидать каких-то коренных изменений, например, в афганском конфликте или внутри НАТО. Но очень важно, чтобы мы нашли средства и пути для того, чтобы разделить ответственность и всем вместе внести свой вклад в мир и справедливость на нашей планете. Может быть создана такая структура безопасности, которая охватывает 2–3 уровня, где другие страны тоже будут играть важную роль и брать на себя также и какие-то военные обязательства. Но для всех членов НАТО безопасность гарантируется в равной степени, поэтому я думаю, каждой стране нужно прилагать усилия для того, чтобы разделить это бремя.

О предложении г-на Медведева. Мне кажется, что он искренне хочет сотрудничать в процессе расширения безопасности в Европе. Но важно разработать детальные предложения. И эта программа из 10 пунктов, представленная российским МИДом, и их детальное разъяснение будет важным вкладом в этот процесс. Переговоры действительно нужны. Но у США нет энтузиазма пересматривать общие принципы безопасности Евроатлантического региона. Не думаю, что от них следует отказываться. Как и нельзя отделить нашу безопасность от наших ценностей.

Что же в настоящее время происходит в США? Правительство Буша сделало много ошибок и приняло такие политические решения, которые не совпадали с американскими ценностями. Обама хочет многое исправить. Это Ирак, где он пытается как можно скорее сократить те страдания, которые там причинялись. Это закрытие тюрьмы в Гуантанамо. Это проблемы, связанные с изменениями климата и сокращением вредных выбросов.

Обама действительно внес большие изменения в восприятие Америки. Но американская политика сравнима скорее с огромным океаном, чем с гоночным автомобилем. Нужно время для того, чтобы осуществить изменения. США в корне изменятся, даже если пока эти изменения не сильно видны. Политика Обамы принесет свои плоды через некоторое время, если в США не отвергнут его подход. Мне хотелось бы пригласить наших партнеров и союзников использовать эту возможность в новой американской политике. Воспримите обещания президента серьезно и воспользуйтесь теми возможностями, которые предоставляются сегодня, для того чтобы создать новую систему безопасности.

Хотелось бы затронуть еще одну деликатную тему — отношение к ПРО. Министр обороны Гейтс обсуждал эту тему, будет ли какой-то результат у этих переговоров — не знаю. Пока дискуссия не привела к каким-то видимым результатам, но ведь это уже очень важный поворотный пункт по сравнению с позицией прошлого правительства в отношении ПРО. И мне кажется, нужно как можно более детально обсудить эту тему, независимо от позиции прошлого правительства.

Алексей Денисов, *заместитель директора ИСОА*. Анализ ситуации, которая складывается в сфере безопасности, говорит о системном характер угроз, перед которыми оказалось сегодня и глобальное сообщество, и Большая Европа, и отдельные ее страны, включая Россию. Как и о том, что в наши дни, почти через 20 лет после завершения «холодной войны», уровень безопасности заметно понизился.

Тому есть объективные причины. Среди них появление и рост новых угроз, угрозы со стороны т.н. слабых государств и со стороны экстремистских организаций, способных овладеть ядерным или другим оружием массового поражения. Изменились весовые коэффициен-

ты традиционных военных угроз. Расширился спектр угроз, далеко выходя за привычные рамки военной сферы. Сегодня, оценивая состояние безопасности, нельзя обойти сферу экономики, энергобезопасность, экологию и др.

Но есть и субъективные причины. В снижение уровня общеевропейской безопасности внесли свой негативный вклад отдельные особенности тех взаимоотношений, которые складывались между Россией, ЕС и США. Уровень безопасности в Европе сегодня мог бы быть значительно выше, если бы все три указанные центра влияния в большей степени учитывали интересы других стран, проявляли бы большую гибкость в поисках компромиссов.

К сожалению, эйфория первых лет после завершения периода «холодной войны» очень скоро сошла на нет, и некоторые наши западные партнеры действовали в духе триумфализма. Запад взял курс на установление своего влияния на всем постсоветском пространстве, не оглядываясь на Россию, в тот момент ослабленную масштабными и плохо подготовленными перестроечными процессами. И каков же результат?

Сегодня практически все российские эксперты сходятся в том, что архитектуре мировой безопасности необходима серьезная модернизация. И большинство убеждены в том, что основной геополитический вектор развития России должен быть направлен в сторону Запада. Расхождения лежат лишь в путях и способах реализации такой политики. Но спор обостряется еще и тем, что ни США, ни Западная Европа, если судить по большому счету, не внесли в этот процесс почти ничего позитивного и в общем-то не очень заинтересованы в возрождении России, в ее полномасштабной и полноправной интеграции в общеевропейские процессы. Все, что от нас требуется, — обеспечить на приемлемых условиях бесперебойную поставку для Европы энергоресурсов и прекратить предъявлять какие-либо права на влияние на постсоветском пространстве. События последнего года — кавказский кризис и, особенно, глобальный финансово-экономический кризис — привели к усилению того процесса, который наши дипломаты назвали кристаллизацией евроатлантической политики и который своим следствием имеет еще большую разбалансировку системы общеевропейской безопасности, усиливающееся неравенство национальных безопасностей. В этом причина усиления риторики и тенденций «холодной войны».

Поэтому, коль скоро на нашем форуме идет речь о новом европейском миропорядке, жизненно важной частью которого должна стать модернизация или даже реформирование системы безопасности для Большой Европы, то всем нам нужно, в первую очередь, постараться устранить факторы, влияющие на дальнейшую разбалансировку безопасности, или, по крайней мере, максимально ослабить их влияние.

В этой связи я хотел обратить ваше внимание, что недавно президентом России утвержден общенациональный документ «Стратегия

национальной безопасности РФ до 2020 года». Этот документ в общих чертах определяет тот вклад, который может и рассчитывает внести Россия в обеспечение общеевропейской безопасности. В нем же отмечается и ряд угроз, связанных с политикой наших европейских и американских партнеров, негативно влияющих на безопасность России. В частности, отмечается, что опора в евроатлантическом регионе только на НАТО является ошибочной и, вкупе с несовершенством международно-правовой базы, усиливает несостоятельность глобальной и региональной архитектуры международных отношений, создает угрозу международной безопасности. Это, в частности, повышает вероятность рецидивов односторонних силовых подходов к решению сложных межгосударственных проблем. Россию также беспокоит реализация Соединенными Штатами концепции глобального молниеносного удара с использованием стратегических носителей с неядерным оснащением, причем эта угроза возрастает с сокращением ядерных СНВ.

К сожалению, влияние этих факторов на национальную безопасность рассматривается нашими странами с разных полюсов. США и Европа видят в нем надежную опору обеспечения безопасности, но только собственной. И эта односторонность серьезно беспокоит российское общество, т.к. она способствует возрождению и росту рецидивов «холодной войны», провоцирует новую гонку вооружений, в которую Россия никак не хотела бы ввязываться.

В целом Российская Федерация выступает за всемерное укрепление механизмов взаимодействия с Евросоюзом, включая последовательное формирование общих пространств в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, образования, науки и культуры. Долгосрочным национальным интересам России отвечает формирование в Евроатлантике открытой системы коллективной безопасности на четкой договорно-правовой системе. И для начала можно было бы создать некую рабочую группу, которая занялась бы на официальном уровне определением системы угроз, оценкой их приоритетности и выработкой соответствующих рекомендаций.

Петер Рудольф, *Институт безопасности и международной политики, Берлин.* Несколько слов по вкладу США, Германии и России в евробезопасность. Не думаю, что США сделают очень большой шаг в этом отношении, особенно учитывая их прагматичный подход и опору на имеющиеся европейские институты. А Европа, конечно же, играет второстепенную роль. О совместном вкладе России и ЕС можно говорить с учетом того, что это принесет пользу в каких-то определенных регионах. Один из вызовов, с точки зрения американцев — это вызов России, которая является одним из основных источников энергоснабжения и,в целом, важным элементом всего международного сотрудничества.

Основная проблема отношений Америки и России — это политика по отношению к тем странам, которые находятся на периферии России

(или же на периферии Европы). Нужно уважать интересы российской безопасности, но также нужны и либеральная политическая культура, и соблюдение политических интересов периферийных стран. Таким образом, нужны определенные правила взаимодействия для этого региона.

Несколько замечаний по поводу российско-американской политики в отношении безопасности в Европе. В конце правления Буша, можно сказать, у США не было никакой четко сформулированной политики по отношению к России, потому что Россия для США была неважна. Выбирались только какие-то отдельные сферы — нераспространение, Ирак и т.д., но четкого определения приоритетов не было, считалось, что Россия образует противовес США и хочет ограничить влияние США. Но если проанализировать дискуссии последних 2–3 лет, то в американской политике по отношению к России можно выделить три направления, которые мне хотелось бы связать с новым правительством Обамы.

Во-первых, есть представители нового сдерживания, которые связывают российскую внешнюю политику с внутренней: Россия становится более авторитарной внутри, поэтому более агрессивно и наступательно действует вовне. Американская политика, которая, по их мнению, должна основываться на большем расширении НАТО, администрацией Обамы, скорее всего, не будет проводиться.

Другие говорят, что Россия — крупная держава, всегда преследующая свои интересы, стремящаяся расширять сферы влияния. Поэтому речь должна идти о регулировании отношений двух великих держав. Но так считает меньшинство, потому что в США вопрос ценностей играет важную роль.

И есть третье направление, представители которого делают ставку на сотрудничество с Россией, на взаимодействие во всех сферах. Поворот к конфронтационной, более жесткой линии отвергается. Но отказаться в открытую от расширения НАТО трудно. Тем не менее, у представителей этого направления имеется понимание интересов России, и в первую очередь ответственность Евросоюза за отношения с Украиной, с Грузией. И Обама очень хорошо представляет этот путь по отношению к России.

Обама — первый президент, который воспринимает международную политику как ту сферу, где военная сила играет меньшую роль. Это президент, который не видит геополитической перспективы Европы. В нынешней администрации не говорится очень многое из того, что говорилось 20 лет тому назад, например, в администрации Клинтона или Буша. Я согласен, что новое руководство США имеет совершенно другую позицию, мы слышали об использовании институтов, например, Совета Россия — НАТО. И мы действительно наблюдаем поворот в восприятии Америки самой себя. Смогут ли эти новые принципы полностью изменить стиль американской политики — вопрос другой.

Что касается европейской безопасности, то здесь очень трудно определить, куда пойдет практическая политика России. Пока что речь идет о заявлениях, о декларациях насчет Европы и России. Иран будет испытательной площадкой в этом отношении, действительно показательным примером того, как будет проходить сотрудничество России и США и по сокращению ядерных вооружений, и по нераспространению.

Что касается предстоящей конференции по рассмотрению ДНЯО. Если будет заключен новый договор по СНВ и работа конференции будет успешной, думаю, произойдут изменения и в отношениях России и США.

Второй момент — это то, что США не может сотрудничать с Россией и одновременно расширять НАТО. Это невозможно объединить в одной политике, значит, нужен более широкий подход, который будет разрабатываться в рамках сотрудничества, нужна более широкая кооперация между отдельными странами, между отдельными сферами политики. Мы много слышали сегодня от господина Эрлера, что Обама — новый шанс для формулировки новой внешней политики США, для новых взаимоотношений США с Россией, с Европой. Я думаю, что здесь возникает новое мышление. Вижу, что и российская сторона тоже подает в этом отношении большие надежды. И надеюсь, что сообща мы сможем ответить на вызовы и решить возникающие проблемы.

Третья, заключительная сессия

Области и формы сотрудничества и совместной работы, возможности их реализации

Ульрих Бранденбург, *постоянный представитель Германии в НАТО.* Мы все в настоящий момент страдаем, прежде всего, от экономического и финансового кризиса, зачем нам тогда дискуссия о евробезопасности? Речь, в первую очередь, идет о России. И мне хотелось бы высказать некоторые замечания как человека со стороны Запада. Это фантомные боли потерянной империи, наши российские друзья сами себя ограничивают и изолируют. Речь идет о постсоветских соседях, о негативном восприятии НАТО и т.д. На Западе многие именно так воспринимают позицию России. Поэтому доверие к ней несколько утеряно. Мы связаны друг с другом экономически, это показал кризис, политически мы тоже связаны, хотя и меньше. В Европе отношение к России несколько иное, чем в других регионах мира. Здесь приходится думать о военной безопасности, которая играет очень важную роль. Это касается позиций российского руководства и стран Восточной Европы, наших союзников. Видимо, это последствия той конфронтации, которая длилась в течение нескольких десятилетий.

Г-н Воронков утверждал, что Парижская хартия, Платформа для безопасности Европы — это мертвые документы. Я раздумывал над этим: есть ли здесь действительно проблема со структурой или, может быть, это проблема недоверия. Если бы у нас были другие структуры, возможно, у нас была бы и другая ситуация с кризисами, которые разразились в последние месяцы. Поддерживая Заключительный акт Хельсинки, принципы самоопределения, территориальную целостность, ненарушения границ и возможность свободного выбора альянса, я не думаю, что кто-то хочет вернуться в ту ситуацию, которая была до этих соглашений, в тот порядок, в котором были какие-то сферы влияния.

В последнее время число конфликтов между Россией и Западом, где сталкивались их интересы, увеличилось. Это ДОВСЕ, независимость Косово, желание Грузии и Украины вступить в НАТО. И, в конце концов, кризис в Грузии — одно из звеньев цепочки, приведшей нас к этим событиям и к предложениям российского президента.

И поэтому нужно учитывать существующие реалии. Для меня было удивительным, что до и после конфликта в Грузии были вынуты из шкафа стереотипы «холодной войны». И несозыв Совета Россия—НАТО мы рассматривали как подарок России. Это была абсолютно абсурдная гонка отказов с одной и с другой стороны.

В НАТО есть также группа, и не очень маленькая, которая противостоит этой тенденции. Эта группа поддерживает выбор американцами Барака Обамы. Мы видим, насколько климат в Европе зависит от отношений США и России, в положительном и отрицательном смысле. Несколько недель назад были возобновлены переговоры по СНВ. Удастся ли нам сократить стратегическое ядерное оружие? Нужен также адаптированный договор об обычных вооружениях. Долгое время НАТО отказывался от переговоров по этому договору, а в 2007 году последовал отказ России от этого договора. Греция и теперешний председатель ОБСЕ созывают всех в Корфу 27–28 июня, там же впервые после конфликта в Грузии пройдет встреча Совета Россия—НАТО на уровне министров иностранных дел. Есть шанс начать процесс, который будет основываться на прагматичном подходе.

О восстановлении отношений ЕС—Россия. Мне хочется сказать об СПС, о сотрудничестве в сфере энергетики, энергоэффективности, защите климата, преодолении экономического кризиса, более тесной кооперации в сфере политики безопасности и оборонной политики, там, где есть общие интересы у ЕС и России. Небольшой, но важный шаг — участие России в операции ЕС в Чаде. Нам необходимо также восстановить взаимоотношения России и НАТО, нужно опять вступать в диалог.

Назову несколько сфер сотрудничества, в которых мы должны его восстановить. Это участие в морских операциях в Средиземноморском

регионе, борьба с пиратством, сфера разоружения, сотрудничество в сфере логистики при снабжении операций в Афганистане, менеджмент кризисов, нераспространение ядерного оружия в связи с терроризмом, совместная борьба с распространением наркотиков, ПРО и обсуждение американских планов ПРО в Европе, сотрудничество в Черноморском регионе.

Какую роль играет НАТО? Сама эта организация не может многого сделать, здесь каждый отдельный член должен вносить свой вклад, но НАТО — важный инструмент достижения консенсуса, и России не нужно делать ставку только на двусторонние отношения, без учета роли НАТО. Речь идет о практических шагах в рамках процесса, в котором участвуют все. Мы зависим друг от друга не только экономически, но также в плане безопасности. И у нас должен быть широкий спектр сотрудничества.

Мне хотелось бы закончить на том, что у нас будет новый договор, но сначала нужно спасти те договора, которые у нас уже есть, тот же договор ДОВСЕ.

Вагиф Гусейнов, *директор Института стратегических оценок и анализа.* Наша сессия посвящена сотрудничеству и совместной работе по его реализации. Сегодня было высказано достаточно и позитивных, и отрицательных взглядов на не всегда получающееся сотрудничество в ряде серьезных проблем, которые стоят перед всеми нами. Но, тем не менее, области сотрудничества и совместной работы имеются. Хотел бы на них остановиться.

Я согласен с тем, что логика и обстоятельства требуют от ведущих мировых держав активнее приступить к выработке единой стратегии противодействия глобальным угрозам. Определенные сигналы поступают и из Соединенных Штатов. И сегодня Кен Гуде достаточно убедительно рассказывал о важной моральной и политической составляющей деятельности администрации президента Обамы, призванной разрешить некоторые проблемы, которые стоят перед всем человечеством. Мне представляется, что политологическое сообщество и политики во всем мире относятся к этому достаточно серьезно. Но заявленные речи требуют очень серьезной практической работы в реализации поставленных задач. Думается, что все мы будем с большим вниманием и надеждой смотреть за реализацией тех установок, которые содержатся в принципиальных разделах внешнеполитической программы президента Обамы.

Несмотря на многие противоречия, которые и сегодня здесь отмечали, между Соединенными Штатами и Россией имеется много важных областей, где наши страны могли бы действовать совместно — и действовать успешно. Самый главный посыл, на мой взгляд, что у наших стран сегодня нет ярко выраженных антагонистических настроений и противоречий, которые могли бы вывести обе наши страны на новый

виток «холодной войны». Есть целый спектр проблем, есть разные подходы и толкования. По некоторым из них наши мнения частично совпадают. Это укрепление режима нераспространения, борьба с терроризмом, с наркотрафиком, поддержание стратегической стабильности и ряд других вопросов, которые имеют принципиальное значение не только для России, США и Европы, но и для всего человечества. У нас есть определенные расхождения и разные точки зрения по отношению, к примеру, к мировому рынку нефти и газа или к расширению НАТО, к международной торговле оружием, к попыткам предыдущей администрации США оторвать Украину или ряд других стран постсоветского пространства от России. Есть прекрасные возможности для активного сотрудничества в энергетической сфере, которое имеет огромные перспективы. Я хотел бы сказать, что у нас больше взаимных интересов, при наличии, конечно, политической воли лидеров наших стран, нежели разногласий и противодействия. В Москве и Вашингтоне, я думаю, хорошо понимают, что рост разногласий может привести к серьезным неконтролируемым процессам и к катастрофическим последствиям в целом для человечества, если и страны Европы, и Россия, и Соединенные Штаты не придут к консенсусу в решении этих вызовов и угроз.

Несмотря на наличие определенных разногласий, есть убежденность, что никто не хочет нового системного конфронтационного периода, имеется желание максимально сохранить партнерские отношения и качественно улучшить сотрудничество и совместные действия.

Если говорить о взаимной работе Российской Федерации и Евросоюза, то, наверное, самым главным остается вопрос энергетики. Не буду приводить данные, которые всем хорошо известны, о потреблении нефти, газа и т.д. Мне представляется, что обсуждение данных вопросов на саммите Россия—ЕС в Хабаровске может послужить хорошим продвижением российско-европейского энергетического сотрудничества. Целый ряд европейских лидеров признали неэффективность нынешней Энергетической хартии, но вместе с тем и не приняли пока ряд предложений России по поводу ее улучшения. Но я думаю, что этот процесс может в ближайшее время интенсифицироваться.

Россия могла бы внести более серьезный вклад в локализацию или даже искоренение крупных региональных конфликтов, которые затрагивают, в том числе, и европейские страны. Я имею в виду Косово, Ближний Восток, проблему Ирана, ряд проблем на Южном Кавказе, Молдову и т.д. Мне представляется, что игнорирование возможностей России или ее формальное привлечение к решению данных проблем не послужит общей стабильности в глобальном плане.

Чрезвычайно важно, о чем не всегда подробно и остро говорят и политики, и политологические сообщества, что у России и Евросоюза имеется огромный ресурс в развитии таких важнейших вопросов, как

коммуникации, защита окружающей среды, борьба с незаконной миграцией, преступностью, наркоторговлей. Эти вопросы стоят сегодня перед всеми европейскими странами с особой остротой, как и вопросы предотвращения экспорта терроризма из стран Ближнего Востока и из других регионов.

И, рассуждая о вопросах российско-европейского экономического взаимодействия, мне представляется, что мы становимся свидетелями некоторых активных шагов по разрешению мирового финансового кризиса. Это было видно и по результатам саммитов «двадцатки», «восьмерки», это было видно и по активности президента Медведева в его контактах и встречах с лидерами европейских стран. Этим вопросам он тоже придавал огромное значение, и мне представляется, что они заслуживают внимания.

Возможности и потенциал для сотрудничества имеются огромные. Хочу завершить свое выступление словами Гегеля: «Когда объединяются слабые, они становятся сильными, а когда объединяются сильные, они становятся непобедимыми». Давайте этой мажорной ноты и будем придерживаться в наших будущих контактах.

Эрих Райтер, *президент Международного института либеральной политики, Вена.* Прошло 20 лет после окончания конфронтации между Западом и Востоком, и вновь выдвигается инициатива о европейском миропорядке. Правомерно ли это? Я считаю, что это не вопрос, который стоит в повестке дня. Нужно задаться вопросом, как обращаться с установившимся миропорядком, как выглядит этот миропорядок и что важно для будущего. Размышляя над новым европейским миропорядком, мы можем лишь определять новый баланс власти, а также другие привилегии, другие ситуации, другую роль отдельных стран. Это касается также сфер влияния. Можно оправдать тех, кто выступает за то, что стабильному миропорядку необходимы эти сферы влияния, нужно четкое определение, кто, какое влияние и где оказывает. Но реально ли это в то время, когда мы имеем Евросоюз и другие организации? Все это не так просто. Я понимаю, что малые страны мешают «концерту» больших держав, потому что ими трудно управлять. Вспомним дискуссии с русскими о том, нужно ли Грузии вступать в НАТО. Но Грузия сама может решить этот вопрос. Хотя для больших стран намного легче все решать самим и не давать малым странам выступать в концерте больших держав. Многие рассматривают эти страны как опасность, когда их слишком много. Раньше благодаря блокам такой ситуации не было. А теперь у нас 200 стран, и все стало непредсказуемым, непросчитываемым, каждая страна выступает за свои интересы. У нас в Европе есть Евросоюз, есть гарантии со стороны НАТО, которая стабилизирует этот регион.

Мне кажется, что можно рассматривать предложения президента Медведева как приглашение к беседе, желание поговорить о конфлик-

тах в т.н. промежуточной Европе, поговорить о том, как можно разрешить существующие проблемы и как проводить политику безопасности. Это действительно очень сложно. Сначала нужно выработать общее восприятие рисков, определить общие интересы, базы этих интересов, и лишь после этого можно устанавливать общие цели. Европейский Союз этого сделать не может, хотя у нас очень современная стратегия. Но она у нас только на бумаге, не наполнена жизнью. И Евросоюз пока не в состоянии проводить политику безопасности. Но ее можно включать в более крупную систему безопасности, которая действительно способна разрешать отдельные конфликты, оценивать риски, сопоставлять различные точки зрения и выяснять, что же является причиной того или иного конфликта, а потом пытаться сократить потенциал этого конфликта и найти компромисс между интересами. Но компромисс можно найти лишь тогда, когда эти интересы не очень отличаются друг от друга. А если они слишком отличаются и стороны не признают друг друга, например, кто-то признает Абхазию, а Косово нет, то в ближайшее время какой-то компромисс в этой сфере, конечно, найти невозможно.

Хотелось бы еще раз обратиться к понятию «ценности». Если мы говорим о каких-то идеальных ценностях, то здесь за самоопределением стоит ценность свободы, и компромиссы в этой сфере возможны лишь там, где мы занимаемся конкретным рассмотрением проблем и где есть желание совместно действовать в этой сфере. Если, например, мы рассматриваем конфликт в Нагорном Карабахе, то можно было бы работать в сфере проблем, связанных с миграцией, с оказанием, в частности, гуманитарной помощи. Что-то подобное есть в принципах гуманитарной интервенции, и здесь можно определить сферу сотрудничества. Но Западной Европе очень трудно что-то решить. С одной стороны, мы за то, чтобы состоялась гуманитарная интервенция, с другой — не чувствуем, что нам это разрешено. Да мы часто и не хотим участвовать в опасных ситуациях, вмешиваться в них, поскольку для наших обществ от этого нет какой-то пользы. То есть многие страны готовы к гуманитарной интервенции, но нам не хватает разрешения на такие действия. И здесь в сотрудничестве с Россией я вижу очень хороший шанс, который мы можем развивать дальше.

Павел Золотарев, *заместитель директора Института США и Канады РАН*. В докладе А.Коробейникова на первой сессии прозвучали задачи, которые относятся к числу стратегических и долгосрочных. Они как раз и должны определять сферы сотрудничества. Но те тактические задачи, о которых мы говорили в течение дня, как раз и мешают решению стратегических задач. Более того, те подходы в решении текущих задач, которые здесь обозначились, тупиковые. В частности, прозвучала мысль, что мы должны сосредоточиться на тех сферах безопасности, где у России и европейских стран интересы совпадают.

А там, где интересы не совпадают, мы остаемся в стороне и думаем, что все будет нормально? Г-н Фойгт говорил, что расширение НАТО имеет смысл только в том случае, если оно сопровождается расширением сотрудничества с Россией. Это то, что мы видели в 1990-е годы. Все расширение сотрудничества с Россией было направлено на то, чтобы смягчить процесс расширения НАТО. И рассчитывать на то, что расширение — фактически не зоны безопасности, а зоны действия статьи 5 Вашингтонского договора, т.е. зоны, где государства договариваются о коллективной обороне, причем Россия в эту зону не входит, — будет идти и дальше, и при этом будут нормальные перспективы сотрудничества с Россией, — думаю, это нереально.

Что касается институтов безопасности. Страны ЕС и НАТО все эти годы не желали видеть ОДКБ в региональной системе безопасности, и это продолжается.

По поводу энергобезопасности. Нам говорят, что мы должны договариваться с Украиной. Но при этом делается все, что поощряет антироссийские настроения на Украине.

В отношении региональных конфликтов — аналогичная ситуация. Усилия России по предотвращению конфликта в Южной Осетии были заблокированы и на уровне ООН, и на уровне ОБСЕ. Это, к сожалению, конкретная политика, скорее, в области информационного противоборства, чтобы создать определенный климат. И если уж Россию вынудили признать Абхазию и Южную Осетию (именно вынудили, другого пути у нее не было), то сейчас нужно искать возможность, исходя из реальности, либо понимая, что в ближайшие годы эти конфликты невозможно решить, просто о них не говорить.

Что касается ДОВСЕ. Нельзя забывать, что ДОВСЕ накладывает ограничения прежде всего на Россию. И возвращаться к этому договору — это в определенной мере возвращаться во вчерашний день.

В целом получается парадоксальная ситуация. Предложения Медведева по Договору о европейской безопасности позволяют перешагнуть через тот список проблем, который сегодня обозначился, и если возвращаться к ним, то с новых позиций, которые позволят эти проблемы решить. Но сегодня прозвучал подход такой: мы все эти разногласные вопросы забываем, но в то же время договор делаем тогда, когда мы решим эти разногласные вопросы.

На мой взгляд, экономические связи между государствами стали такими, что гораздо важнее сохранение устойчивости этих связей, и поэтому применение военной силы отодвигается на уровень локальных конфликтов. Широкомасштабная война маловероятна потому, что она невыгодна с точки зрения экономических интересов. Но при этом на первый план выходит, получается, информационное противоборство. Эти вопросы мы не обсуждаем, но в реальности с ними сталкиваемся. Южная Осетия и Абхазия — как раз пример того, как эти

вопросы решаются в реальной жизни, как идет это противоборство и каковы его результаты.

Следующий момент — изменение роли ядерного оружия. Наиболее сильные страны стремятся решать в локальных конфликтах задачи оперативно, с применением всего арсенала средств и там, где они считают нужным. Тем самым увеличивается мотивация к обладанию ядерным оружием как средства обеспечения своей безопасности. Все это — на фоне того, что идет объективный процесс распространения ракетных и ядерных технологий. Нам сегодня говорят: договаривайтесь об элементах ПРО с американцами. А что, европейцам это совершенно до лампочки? Ведь система стратегической ПРО и цель полного уничтожения ядерного оружия, которая была обозначена американской стороной, — несовместимые вещи. Поэтому европейцам нельзя оставаться такими отстраненными, в том числе и от вопросов размещения американской стратегической ПРО в Европе.

Что касается договора СНВ, я уверен, что он действительно появится, и увязка с ПРО пока решается просто: Россия не желает опускаться ниже 1500 боезарядов именно потому, что не решена проблема ПРО. Этот договор нужен не столько с позиций российско-американских отношений, сколько для того, чтобы двигаться дальше по пути сокращения ядерных вооружений, прежде всего стратегических, и в последующем подключать другие страны.

И я думаю, что все-таки успех на этом направлении будет. Наступил такой этап, в том числе и в российско-американских отношениях, что это скажется и на всей остальной политике, когда возможен такой поворот. Впервые за все прошедшие годы среди американских политиков сформировалось даже какое-то пророссийское политическое лобби. Все это внушает оптимизм.

Петер Шульце, *профессор Геттингенского университета.* Мне хотелось бы высказать свою точку зрения по обсуждаемым сегодня проблемам. После развала Советского Союза, примерно до 2007 года, общее состояние безопасности в Европе в основном определялось как состояние безопасности ЕС и НАТО. Россия не играла существенной роли в этой дискуссии и все больше отодвигалась на задний план. Можно даже говорить о какой-то маргинализации России в вопросе безопасности. НАТО ловко использовал некоторые институты, например, ОБСЕ. Но, в конечном итоге, самую важную роль играл альянс. Тем самым НАТО обеспечил основу своего существования, потому что альянсу нужна была новая миссия, новое понимание стабильности, демократии, рыночных отношений, которые были привнесены на Восток. Так это описывалось в терминах политической корректности. Но это сопровождалось вытеснением России, хотя открыто об этом никто не говорил.

С 2007 года создались другие условия. Было выступление Путина, Лавров назвал это «сигналом тревоги» по отношению к НАТО. Второе

изменение — то, что случилось с Грузией. Совет Россия–НАТО был не в состоянии предотвратить этот конфликт.

Теперь у нас иная ситуация. И стоит задуматься над тем, что расширение на Восток как ЕС, так и НАТО в настоящее время нам не поможет. Дальше оттеснять Россию, чтобы она потеряла Украину и Беларусь, — значит, загонять ее в угол. Надеюсь, этого не будет. Если посмотреть на 1990-е годы, СНГ имел мало авторитета, мало финансовых средств, мало ресурсов. В первые три-четыре года после краха Советского Союза в России были различные позиции, как относиться к СНГ. В первый раз, когда Россия повернулась к пространству, которое мы называем «промежуточной Европой», и попыталась в Ялтинской декларации 2003 года говорить об общем экономическом пространстве, в 2004 году и позже произошел крах на Украине. Дестабилизация Украины не в интересах российской политики, но Россия выступает здесь в роли актора. И, как мы слышали, существуют какие-то декларации 2003 года со стороны Европы. Т.е. вокруг нас действительно возникнет такой венок дружественных нам государств. Но для России это означает, что эти государства будут связаны с ЕС. Хотим мы или нет, в эту промежуточную Европу вносятся конфликты.

Проблема в том, как мы можем в таком потенциале конфликтов определить миропорядок, показать, что мы действительно имеем интерес и должны нести ответственность за то, чтобы такие государства, как, скажем, Украина, не были дестабилизированы. Нам нужно конкретно работать по этому вопросу. И предложения г-на Медведева нужно воспринимать всерьез. Я получил от г-на Воронкова записку с изложением 10 пунктов. В ней речь идет о совершенно конкретных вопросах и представлениях с российской стороны. Думаю, мы должны работать и дальше в рамках этого каталога. И, в конце концов, должны прийти к договору о коллективной безопасности, который будет предусматривать интеграцию России в западные структуры и способствовать созданию качественно совершенно иной ситуации.

Вагиф Гусейнов в кратком заключительном слове подвел итоги конференции и поблагодарил ее участников. На этом конференция завершила свою работу.

ВСТРЕЧА (ОТКРЫТЫЙ СЕМИНАР) РОССИЙСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГЕРМАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

(Русский дом науки и культуры, 16 июня)

Тема: Европа и Россия во времена перелома системы межгосударственных отношений: требования к будущей общеевропейской архитектуре безопасности и ее перспективы

С приветственным словом к участникам обратился *советник-посланник Посольства РФ в ФРГ* **Александр Петров**. Он, в частности, отметил наличие серьезных изъянов в существующих моделях безопасности в Евроатлантике.

Для обеспечения всеобщей стабильности недостаточно одних политических обязательств. Нужны обязательства юридические, механизмы универсального их применения на пространстве от Ванкувера до Владивостока. Выдвинув инициативу о заключении Договора о европейской безопасности, Россия предложила позитивную объединительную повестку дня. Суть инициативы президента Медведева — создать такую модель отношений государств и международных организаций в регионе, которая исключила бы применение силы, обеспечила общие подходы к урегулированию конфликтов, существенно понизила военные потенциалы, а также вывела нас на качественно новый уровень взаимодействия и реагирования на реальные угрозы, с которыми сталкиваются европейские государства. Россия рассматривает это в качестве стратегической цели. Вместо военно-политического соперничества мы предлагаем решать проблемы безопасности в Евроатлантике гораздо более эффективными и экономичными политико-дипломатическими средствами. При этом несущей конструкцией политического единства в регионе могло бы стать эффективное взаимодействие в тре-угольнике Россия—Евросоюз—США.

Убежден, что сегодняшняя встреча внесет вклад в осмысление вопросов общего будущего в единой Европе. Трудности на этом пути неизбежны, но я бы предпочел ориентироваться не на скептиков, а на оптимистов, тех, кто готов засучить рукава и работать во имя достиже-

ния высокой цели. Российский поэт Евгений Евтушенко сказал: «Безграничный оптимизм отличается недостатком знания. Безграничный пессимизм отличается недостатком фантазии». Тем, кто размышляет о судьбах России и Европы, и тем, кто строит эти отношения, я желал бы побольше фантазии.

Первая сессия

Новая расстановка угроз, изменение понятия безопасности и требования к регулирующим и управляющим институтам защиты и изоляции конфликтов

С докладами выступили заведующий кафедрой мировой политики ГУ-ВШЭ ***Сергей Кортунов****, директор Института стратегических оценок и анализа* ***Вагиф Гусейнов****, член Исполнительного совета Института по исследованию проблем мира (Франкфурт)* ***Ханс-Йохим Шпангер****.*

Сергей Кортунов. Хотел бы сразу обратить внимание на то, как сформулирована тема нашего семинара: «Европа и Россия в процессе изменения международных государственных систем». У меня вызывает возражение противопоставление России и Европы. Для российского общества абсолютно очевидно, что Россия является частью Европы. Конечно, в геополитическом плане Россия — евразийская страна, и она обречена взаимодействовать и с Индией, и с Китаем, и с мусульманским миром. Но в культурном отношении, да и в политическом она, безусловно, европейская страна.

Кроме того, хочу обратить ваше внимание на то, что российское руководство полгода назад сформулировало Стратегию развития России на период до 2020 года. Эта стратегия была подтверждена Стратегией национальной безопасности, которую президент РФ утвердил 12 мая с.г. Главный пафос этой Стратегии состоит в том, что Россия должна преодолеть сырьевую ориентацию экономики и перейти на инновационный тип развития. Если такая стратегия действительно является просчитанной и обоснованной, то совершенно очевидны наши приоритеты во внешней политике. Если мы переходим на инновационный тип развития, то в своей внешней политике должны ориентироваться в первую очередь на те страны, которые давно и успешно идут по этому пути. А это в первую очередь страны евроатлантического пространства, США и Европа. Главный замысел «Стратегии-2020» состоит в том, чтобы Россия стала частью технологического и инновационного пространства Большой Европы.

Поэтому более грамотно было бы назвать наш семинар так: «Большая Европа в процессе изменения...» и т.д., имея в виду, что Большая

Европа — это в первую очередь треугольник Евросоюз — США — Россия. Ошибка в названии этого семинара говорит о том, что мы по-прежнему считаем, что в Европе существуют разделительные линии. Эту логику нужно преодолеть, и этот психологический момент преодоления логики и мышления «холодной войны» является важной составной частью инициативы Дмитрия Медведева о создании некоей архитектуры европейской безопасности. Но полномасштабных переговоров по ней пока еще нет, и задача состоит в том, чтобы эти переговоры начать.

Должен сказать как профессиональный переговорщик, что наличие переговоров всегда гораздо лучше, чем их отсутствие. Один из итогов последних 10–15 лет состоит в том, что переговорный процесс по вопросам безопасности был, по существу, разрушен и остановлен. Не по нашей вине. Администрация Буша просто бежала от переговоров на официальном уровне, как от чумы. И это нанесло большой ущерб не только европейской, но и международной безопасности в целом.

Поэтому инициатива Медведева хороша тем, что предлагает возобновить переговоры по ключевым вопросам евроатлантической безопасности. Если переговоры начнутся, то это уже будет большая удача. Даже если договор о новой архитектуре не будет заключен в ближайшие годы, я не вижу в этом ничего ужасного. Самое главное, что будет создана некая площадка, где будут обсуждаться реальные вопросы европейской безопасности. Возможно, удастся заключить некую политическую «зонтичную» декларацию на манер Хельсинкской, это тоже хорошо. Или же переговоры приведут к заключению целого ряда секторальных соглашений по конкретным проблемам европейской безопасности, это тоже будет большая удача. Самое главное — начать переговоры, причем именно в том формате, в котором предложил Дмитрий Медведев, т.е. с участием всех заинтересованных сторон.

Честно говоря, сказав это, я должен добавить немножко дегтя в бочку меда. Все-таки эта инициатива имеет пока некоторые недостатки и неясности. И это вполне закономерно, поскольку обсуждение вопроса только начинается. В предложениях Медведева пока не прописан механизм реализации его инициативы. Но это тоже понятно. Этот механизм должен быть выработан в ходе переговоров, если и когда они начнутся. Неясен переговорный формат. Понятно желание наших партнеров использовать для обсуждения инициативы Медведева формат ОБСЕ. Но формат ОБСЕ — сам по себе очень сложный переговорный формат. Если в этот формат добавить других акторов, а именно НАТО, ОДКБ, то быстрый выход на конкретные договоренности будет невозможен.

Следующий момент. Шансов на заключение полномасштабного, юридически обязывающего договора о новой архитектуре европейской безопасности сейчас не так много. Даже если такой договор будет заключен, возникнут огромные проблемы с его ратификацией, и на это

может уйти не один год. Тем более, если в переговорах будут участвовать все организации.

В чем состоит логика предложений Медведева? Первое. Мы все прекрасно понимаем, что уровень безопасности в Европе за последние 20 лет резко упал. Если мы сравним ситуацию начала 1990-х годов и ситуацию сегодняшнего дня, то увидим, что по всем параметрам европейская безопасность расшаталась. Это касается и размывания режима контроля над вооружением, и деградации ОБСЕ, которая, к сожалению, превратилась в антироссийскую организацию. Это касается и нераспространения ядерного оружия. Это касается и роста количества несостоявшихся государств. Это касается и общего падения управляемости мировой политики и мировой экономики, что и подтвердил мировой кризис. Анализ этой ситуации и привел Медведева к пониманию того, что нужно что-то менять. Либо создавать новую архитектуру европейской безопасности, либо совершенствовать то, что у нас есть, и спасать те механизмы, которые с таким трудом были выработаны в годы «холодной войны».

Второй аргумент состоит в том, что предложение Медведева отражало реальность и реальную неудовлетворенность России своим местом и ролью в формирующемся мировом порядке, в том числе и в Европе. Поскольку политический и экономический вес России за последние 10 лет в Европе серьезно возрос, то Россия исходит из того, что ее потенциал для решения ключевых вопросов европейской безопасности не соответствует той роли и месту, которое она сегодня занимает. Это вполне логичная и обоснованная попытка со стороны России восстановить справедливость.

Вагиф Гусейнов. Я бы хотел сосредоточиться на тех нетрадиционных видах угроз, которые сегодня вроде бы находятся в центре внимания мировой прессы и политиков разного уровне, но вместе с тем в отношении их нет общего консенсусного, выработанного механизма или инструментария, который бы более активно влиял на ситуацию.

Начну с того, что европейский континент в течение четырех послевоенных десятилетий весьма энергично и умело оберегал себя от многих неприятностей, тем более — военных угроз. Но после развала Советского Союза, с начала 1990-х годов, эти угрозы стали весьма явственными и зримыми. Многие европейские страны участвуют в различных гуманитарных, полувоенных акциях и т.д. Надо признать, что изменился и сам характер этих угроз. Раньше они носили более активный военный характер, а в настоящее время надо говорить о том, что уменьшение их военной составляющей привело к увеличению гражданских, невоенных аспектов безопасности. Появились действительно реальные угрозы, скажем, экологические. Я в последние два десятилетия с большим вниманием и уважением относился к ряду движений, которые, в том числе и в Германии, занимались вопросами и

экологии, и гражданского общества, да и само правительство ФРГ уделяло этим вопросам огромное внимание. Речь также идет и о социальной, культурной и т.д. безопасности. Они вводятся в оборот не просто как теоретический постулат. Сегодня действительно все эти виды безопасности не только обсуждаются более активно, но являются неоспоримыми элементами нашей жизни. Поэтому я бы скорее согласился с теми учеными, политиками и журналистами, которые считают, что существующие механизмы, могущие противостоять этим угрозам, в т.ч. институты безопасности европейских стран, безнадежно устарели и фактически не отражают ту реальную составляющую нашей повседневной жизни и ту реальную опасность, которая может привести к катастрофе. А самое главное — эти угрозы сегодня в той или иной степени влияют на ход мировых событий.

Некоторые считают, что европейские страны не полностью осознают тот интерес, который формировался бы под воздействием некоей угрозы или комплекса угроз для Европы. Раньше все было понятно. Был Советский Союз, были определенные штампы, выстраивались определенные политические и информационные стратегии, которые объясняли многие проблемы. Сегодня мы видим, что реакция на международный терроризм, на возможный ядерный терроризм, на те или иные событийные явления носит фрагментарный характер, а общего понимания, общей выработанной стратегии в рамках европейского или мирового сообщества, к сожалению, нет.

Если говорить сегодня об основных вызовах времени, думаю, что европейские политики, политики США и других стран, участвуя в решении вопросов по ряду угроз, не добились качественного улучшения в противодействии им, а даже, наоборот, стали катализатором усиления этих опасностей. Скажем, появление террористических сетевых групп, к примеру, «Аль-Каиды» и ей подобных. Как мы видим в последние годы, общие усилия и США, и европейских стран в проведении масштабных операций, которые вылились в многолетнюю войну на Ближнем и Среднем Востоке, не смогли не только остановить или предотвратить появления этой угрозы в Европе, но даже поспособствовали еще большей эскалации этого весьма опасного явления. Надо прямо сказать, что сегодня мировое сообщество пока еще не смогло выработать наиболее действенный механизм по отражению этих атак. Или экологические катастрофы. Противодействие им носит временный, вызывной характер.

Мне представляется, что выработка новой корпоративной модели для всей Европы, основанной на концепции кооперативной безопасности, о которой много говорят, не получается потому, что не выработаны общие критерии подхода к этому вопросу. А самое главное — существует достаточно большой разброс мнений по противостоянию угрозам. Я уже говорил о Большом Ближнем Востоке. В самом начале каза-

лось, что ответ на те угрозы, которые оттуда исходили, может быть найден. Россия, в том числе, была довольна спокойна. Но прошло 8–10 лет, и мы видим, что ни один механизм решения этой проблемы не выработан.

Поэтому такой аспект, как борьба с международным терроризмом, по-прежнему остается актуальным и, более того, вызывает очень серьезные опасения, потому что в зародышевом состоянии эти ячейки существовали в Европе еще в 1960-х — 1970-х гг., но сегодня степень угроз совершенно изменилась. Это и высокая вооруженность террористов, новейшие достижения науки и техники в области вооружений, новейшее оружие, которым владеет не только «Аль-Каида», но и ряд других международных сетевых структур. Это все говорит о том, что сегодня реальна угроза применения био, химических, ядерных средств со стороны террористических групп, и эта угроза становится все более актуальной. Пока мировое сообщество не может похвастаться тем, что смогло решить этот вопрос.

Было ли неожиданностью появление религиозного фанатизма в ряде регионов мира? Время от времени этот вопрос возникал и в средние века, но в конце XX — начале XXI века политические элиты Европы, России, других постсоветских стран оказались не готовы для отражения, а самое главное — для искоренения этих явлений. Мы были свидетелями отдельных удачных акций по подавлению, пресечению подобных проявлений, но говорить о фундаментальном блокировании, замораживании этой проблемы не приходится.

Почему еще я на этой теме заостряю внимание? Сегодня в мире существует около ста крупных террористических организаций и центров, которые, как считают многие ведущие эксперты по выработке стратегии, созданию механизмов своих действий, представляют серьезную угрозу государственным институтам. И в этом честные политики открыто признаются, понимая всю серьезную ответственность и возможные последствия в этой сфере. Скажем, пример Косово, примеры Таджикистана, Пакистана, частично можно назвать и те явления, которые имели место в Чечне. Ведь мы стали свидетелями не просто каких-то террористических актов и отдельных операций, эти разрозненные выступления вылились в крупные, масштабные вооруженные конфликты. То, что мы сегодня наблюдаем в Афганистане, в Пакистане, при всем могуществе экономики и военной силы США, при всем могуществе НАТО и др., никак не получается искоренить.

Думаю, мы должны иметь в виду следующее. Последние 40–50 лет в политический лексикон вошли проблемы, связанные с возможным распространением оружия массового поражения. Эта проблема остается важной и для России, и для европейских стран. Те меры, которые предпринимаются, приносят определенные результаты, но говорить о том, что проблема решена и больше не существует, мы не можем.

Еще один вопрос. Мы часто считаем, что для России и для европейских стран не очень страшны определенные конфликты, в частности те, которые происходят в Афганистане, Пакистане, Корее, в Африке, так как это далеко и не может иметь на нас существенного влияния. Это, на мой взгляд, слишком благодушная позиция. Эти конфликты имеют прямое отношение к нам, и мы видим, как часто эти конфликты эхом откликаются на европейском континенте.

Ханс-Йоахим Шпангер. С.Кортунов в своем выступлении сказал, что центральная цель российской политики — внутриполитическая, модернизация страны и диверсификация экономики. И сделал важный вывод, что из этой внутриполитической цели неизбежно вытекает и внешнеполитическая ориентация на партнерство с центрами инновации, т.е. с ведущими центрами трансатлантического и трансъевропейского пространства. Но проблема в том, что эта связь просто не функционирует. Германская политика, как и российская, тоже говорит о «партнерстве в модернизации», — и, тем не менее, в последнее время вновь заговорили о «холодной войне». Это обстоятельство требует объяснения. Как западная, так и российская политика, призывая сконцентрироваться на общих интересах, о которых только что говорил г-н Гусейнов, расставляют разные акценты. Но и здесь нужно заметить, что на практике политическая риторика — как в конкретном формировании единого восприятия этих общих интересов, так и в расстановке приоритетов — также не работает. Не работает из-за очевидных различий. Эти различия в последние 8–10 лет проявляются в интересных парадоксах: с одной стороны, растут и разветвляются экономические связи между Россией и западными центрами инновации, с другой стороны, параллельно, хоть и со сдвигом во времени, ухудшаются политические отношения. Конечно, экономическое взаимное переплетение является важной предпосылкой для политического сближения. Тем не менее, сегодня мы наблюдаем откат к «холодной войне», новую и различную расстановку акцентов и приоритетов.

Я бы сгруппировал эти различия в три области, а именно: жесткая безопасность, проблема ценностей и демократии, преодоление стереотипов исторического мышления.

Итак, жесткая безопасность. С.Кортунов утверждал: «В основе плана Медведева лежит представление, что безопасность в Европе в последние десятилетия существенно ухудшилась». Это в высшей степени спорное утверждение. Я хорошо помню, как по обе стороны немецко-немецкой границы стояли вооруженные до зубов военные силы НАТО и Варшавского договора. Не могу сказать, что я тогда чувствовал себя в достаточной безопасности. Я также не могу утверждать, что чувствовал себя в большей безопасности в 90-е годы во время гражданской войны в Югославии, во время вооруженного Нагорно-Карабахского конфликта и первых военных столкновений в Абхазии и

Южной Осетии, как и во время известных волнений в Приднестровье, или когда Дудаев и Грачев развернули войну в Чечне.

Второй пункт: ценности и демократия. Нет сомнения в том, что попытка воспринимать общие вызовы и интересы окажется, по крайней мере, легче в том случае, если политический строй и основополагающие политические ориентации политических классов как на Западе, так и в России будут формироваться более гармонично, чем сегодня. Я бы не стал утверждать, что в ряду внешнеполитических целей и инструментов вопрос демократии является центральным, но, коль скоро речь идет о Западе, то совершенно ясно, что обоснование политики в отношении России всегда должно быть узаконено демократически. Обоснование такого сотрудничества должно быть легитимизировано на основе внутриполитической полемики, вплоть до того, насколько глубокой может быть сотрудничество с тем или иным авторитарным государством. В этом отношении данный вопрос вносит коррективы в отношения сотрудничающих сторон, даже в том случае, если вопросу демократии в этой кооперации не придается, причем официально, центральное значение. Этот вопрос играет и другую существенную роль.

Сергей Кортунов обозначил ОБСЕ как недостаточный механизм для реализации предложений Медведева, сказав, что ОБСЕ превратилась в антироссийскую организацию. Это, без сомнения, неверно. Деятельность ОБСЕ при реализации того, что было сформулировано в Парижской хартии 1990 года, сосредоточивается на восточной части европейского континента. ОБСЕ с тех пор не изменилась. Изменилась Россия. И в этом причина того, что Россия коренным образом изменила свое отношение к ОБСЕ. Ведь поначалу отношение России к ОБСЕ было иным: Россия считала ОБСЕ организацией, которая может выступить как общеевропейская организация, заменив НАТО.

И позвольте мне коротко осветить вопрос истории. То, как в России, Центральной и Восточной Европе, в Германии воспринимается история, также демонстрирует различия в подходах. Сегодня в России происходят удивительные вещи. Создана комиссия при президенте, призванная предотвращать искажения истории Второй мировой войны. Затем в Госдуме был инициирован закон, касающийся соседних стран, Балтии и Украины, о применении тюремного наказания за высказывания, действия и т.п., искажающие историю. Но история не может определяться декретом. Подновление восприятия истории может лишь тогда функционировать, если это происходит в условиях открытого доступа к архивам, при открытом научном и публичном обсуждении. У меня создается впечатление, что эти атаки направлены как раз на противоположное: на создание чего-то вроде «государственной истории», а потом, в зависимости от обстоятельств, и на использование ее в качестве политического инструмента. В этом кроются серьезные проблемы.

Позвольте сделать еще два коротких замечания. План Медведева имеет одну центральную цель, которая гласит, и это полностью легитимно, что государства Европы должны создать общую равноправную систему безопасности. Но понимание того, каким образом эта система безопасности может быть создана в Европе, проявляется по-разному. И в конечном итоге мы оказываемся перед неразрешимым конфликтом. Для России такая равноправная общая система безопасности возможна только тогда, когда Россия получит равноценное право голоса, а именно право вето в вопросах европейской безопасности, тогда как для западного сообщества, а именно для НАТО, в котором за счет восточноевропейских членов, во всяком случае существенной их части, отношения с Россией обострены, такое возможно не с Россией, а лишь в кооперации с Россией. Другими словами, для абсолютного большинства европейских государств решением является то, что С. Кортунов назвал «натоцентристской» системой безопасности в Европе, для России же решение проблемы — в полном равноправии, единении с НАТО. Для абсолютного большинства европейских государств цель и смысл их основанной на международном праве суверенности — свобода обладать правом выбора союза. Согласно их пониманию, это и есть фундаментальная гарантия безопасности. А для России решение проблемы — ограничение этой свободы и, как результат, определение интересов и сфер влияния.

Чем сильнее становится Россия, тем более творческой полемики она требует от Запада. Креативно полемизировать необходимо, но если обратиться к конкретному поведению российской стороны, то я назову блокирующую политику России в рамках ОБСЕ, одностороннее признание Южной Осетии и Абхазии как объектов международного права (а это нарушает международное право, и при этом гораздо существенней, чем в случае с Косово), приостановление участия в ДОВСЕ.

Таким образом, с европейской точки зрения России не хватает способности стать в европейской конъюнктуре безопасности ответственным государством в разрешении этих конфликтных ситуаций. С точки зрения России по отношению к Западу, Россия уже не хочет быть «пассажиром», а хочет быть «водителем», не готова больше делать односторонние уступки, а за согласие сотрудничать требует от Запада допустить ее к совместной работе над общими проблемами безопасности. План Медведева — это тот напряженный оперативный вызов перед нами, который требует синхронизации далеко поставленной цели по нахождению общего формата системы безопасности, удовлетворяющего также и Россию, и для решения тех проблем, в которых российская политика должна продемонстрировать способность к сотрудничеству. И это не только интерпретация западной стороны.

Вторая сессия

Политические инициативы ЕС и России в условиях нового европейского миропорядка: области сотрудничества, предпосылки к совместной работе и возможности ее реализации

С докладами выступили эксперт по внешней политике фракции социал-демократов в бундестаге ***Герт Вайскирхен****, член Совета Федерации* ***Анатолий Коробейников****, представитель МИД России* ***Петр Плихин****, депутат бундестага (фракция ХДС/ХСС)* ***Эрих Фритц****.*

Герт Вайскирхен. Мы имеем хороший стартовый процесс, имея в виду встречу президентов США и России в Москве. Я убежден, что позитивное начало нового этапа в российско-американских отношениях поможет и позитивному восприятию Россией германского предложения, поддержанного ЕС, о партнерстве в модернизации. Может быть переформировано и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, в этих же рамках может быть эффективнее задействован целый ряд различных проектов.

Моя убежденность основывается на интересах России на фоне экономических проблем, которые коснулись всех нас и в течение длительного времени остаются не преодоленными.

Совершенно независимо от состояния цен на нефть России необходимо более эффективно искоренять внутренние недостатки в экономическом развитии, связанные с модернизационными концепциями. России известно, в какой степени для этого требуются технологии, финансы. Евросоюз, в особенности ФРГ, все известные нам инвесторы готовы помочь России на этом трудном пути.

Будет ли целесообразным решение правительства ФРГ в отношении компании Opel о переориентации этой компании на российский рынок с его не слишком нацеленным на продуктивность автомобильным производством? Оно станет целесообразным лишь в том случае, если процесс модернизации в России будет продвинут вперед, поскольку пока производственные показатели, которые мы видим, не соответствуют требованиям мирового рынка. Это не может продолжаться. Эти недостатки настолько масштабны, что в собственных экономических интересах России необходимо наискорейшим образом вступить на путь сотрудничества в модернизации. У нас есть общие интересы совместного продвижения по этому пути. И я твердо убежден, что те, кто реалистично оценивает обстановку, не видят альтернативы дальнейшему развитию отношений сотрудничества. Мы к этому готовы. И тогда все другие спорные вопросы, которые останутся, так или иначе отойдут на задний план, поскольку наша общая цель — наилучшим образом

вооружиться против экономических проблем, ожидающих нас в будущем, наилучшим образом их преодолевать, быть в состоянии наилучшим образом решать их в интересах человека, политике противопоставлять доверие.

При условии осознания такой общности наших интересов у меня нет страха перед будущим. Напротив, я уверен в том, что все вместе мы это можем преодолеть.

Анатолий Коробейников. Несмотря на недостаточно устойчивую экономическую ситуацию в России, к нам едут деловые люди со всего света. Едут с надеждой, но многие еще возвращаются с разочарованием. Причины сдержанности и даже разочарования иностранных бизнесменов объясняются высокой степенью риска, несовершенством российского правового поля для зарубежных инвесторов, бюрократическими проволочками. В результате объемы прямых инвестиций ведущих зарубежных государств в реальный сектор российской экономики все еще малоощутимы. Оцениваемая как одна треть от мировой, минерально-сырьевая база России в истекшее десятилетие привлекла к себе не более 0,3% мирового инвестиционного капитала. Строим супермаркеты, заводов не строим.

Несколько лет назад я сформулировал формулу: соединить огромные природные ресурсы России с высокой технологической дисциплиной и с высокой производственной культурой зарубежья, и тогда дело пойдет. Как-то в беседе с Путиным я говорил об этой задаче, он даже записал ее, но, к сожалению, ничего пока не происходит. Мы все отдаем торговле, радуемся наращиванию торговых оборотов. Но классические торговые отношения России с зарубежьем в их нынешнем виде приносят не только пользу, но и немалый вред экономике нашей страны. Продавая сырую нефть, мы теряем ежегодно 13 млрд. долларов.

Не наращивание торговли, а смещение акцентов от торговли к непосредственной работе в России на основе концессионных форм хозяйствования и залогового права, которое снимет большинство трудностей для иностранных инвесторов, — вот задача в интересах и России, и Европы, и других регионов планеты. Сдача в концессию не столько нефти, газа, сколько угля, леса, питьевой воды и других природных ресурсов, может стать одним из самых амбициозных направлений экономического подъема всей еврозоны.

Хотелось бы, чтобы Евросоюз активно участвовал в разработке концепции концессионного подхода к пространству России. Понимая, что концессия, в отличие от торговли, является более мощным средством вмешательства в экономический суверенитет и национальную экономику, я все-таки призываю европейских бизнесменов идти работать в Россию. При этом хотелось бы, чтобы они не стремились сорвать быстрые деньги, а планировали бы долгосрочные капиталовложения в нашей стране и строили свои заводы, фабрики и другие объекты инфра-

структуры. Европейцам следует участвовать в продвижении производств на восток России, чтобы не опоздать со вступлением на этот огромный рынок, т.е. чтобы не прийти на него после китайцев, корейцев, японцев. Это позволит обеспечить экономическое равновесие европейского континента с американским и юго-восточными регионами планеты. Надо стимулировать ЕС на то, чтобы он как институт, выражающий наднациональный интерес, активнее перемещал свою производственную деятельность в нашу страну. Например, модернизация Транссибирской железнодорожной магистрали — это создание экономически эффективного и самого короткого транспортного коридора из Европы в Азию, что крайне выгодно и для всей Европы.

Моя страна является одним из крупнейших поставщиков энергоносителей в Европу в целом и углеводородов, в частности. Что, собственно, сегодня осложняет конструктивное сотрудничество в этой сфере? Различное понимание энергетической безопасности. Для ЕС это означает, в первую очередь, безопасность поставок. И тут, конечно, голова должна болеть у России. И все-таки Россия придерживается комплексного взгляда на энергетическую безопасность, включая в нее безопасность спроса и транзита. Эту точку зрения удалось даже зафиксировать в решениях саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в 2006 году. Но все последующие переговоры показали, что европейские партнеры не готовы работать на основе этого комплексного понимания энергобезопасности. Что интересно: бизнес-сообщества России и европейских стран довольно успешно договариваются и инициируют новые проекты. А вот на политическом уровне разногласия пока доминируют над взаимопониманием. Решение проблемы энергетической безопасности не может быть найдено на путях эгоистической политики потребителей, транзитеров и производителей. Долгосрочное обеспечение безопасных энергопотоков возможно только на основе баланса интересов всех игроков, вовлеченных в этот процесс.

Чем больше экономическая структура ЕС будет отставать в развитии от его политических институтов, тем более длительное время эти институты будут работать только сами на себя, вне реальной пользы для экономической жизни. Нужен общеконтинентальный экономический подход. К такому подходу Россия готова, хотя бы из-за российских энергетических масштабов. К сожалению, взаимные ожидания пока не оправдываются. ЕС не устраивает уровень демократических свобод в России, а Россию — уровень экономического сотрудничества с ЕС как с единым континентальным целым.

Я уверен, что при выработке дальнейшей стратегии сотрудничества России и ЕС нельзя ограничиться только подтягиванием России до среднеевропейского уровня политического развития. Надо предусмотреть в этой стратегии такие совместные прорывные действия, которые значительно укрепили бы не только экономику России, но и всего

европейского континента. Россия находится на таком этапе развития, когда возрождение ее экономики какое-то время может опережать совершенствование демократических ценностей. И этого не должны бояться в Европе. Требования ЕС немедленно внедрить эти ценности в России формально верные, но российское общество должно дозреть до этих ценностей. Для двух десятков миллионов россиян, живущих за чертой бедности, демократия и свобода — это пустой звук, если не издевательство. Ведь демократия в сознании человека — в его материальном благополучии, а не в формальном участии в голосовании на выборах. Свобода — это способность к выбору, а свобода, ограниченная нищетой, — своеобразная форма рабства.

В цивилизационном плане Россия вполне совместима с идеей Большой Европы. Хочу лишь подчеркнуть, что строительство большого европейского дома следует вести с двух сторон — с запада и с востока. Качественно и количественно различные уровни социально-экономического развития и демократической культуры Российской Федерации и ЕС должны перестать быть камнем преткновения, эти различия быстрее исчезнут в совместной работе. Взаимную востребованность мы с вами призваны крепить всеми возможными способами и силами.

Петр Плихин. Сегодня мир действительно стоит перед лицом масштабных изменений в международной политической и экономической архитектуре. С точки зрения России, все изменения, которые происходили на европейском континенте за последнее десятилетие, не могут отменить взаимного тяготения между Россией и ЕС. ЕС для России — это и ближайший сосед, и важнейший экономический партнер — 50% торгового оборота, 382 млрд. долларов в 2008 г. Да, в первые четыре месяца этого года объемы торговли упали примерно наполовину, но все равно 50% внешней торговли приходится на страны ЕС.

В своих отношениях с Евросоюзом мы прошли уже достаточно серьезный путь. И главное, что, на наш взгляд, за эти 20 лет удалось сделать в отношениях с ЕС — это наладить нормальные отношения между сторонами. И наше партнерство обуславливается не только достигнутыми результатами, но и масштабами тех задач, которые стоят перед нами перед лицом тех вызовов, которые бросает нам сегодня глобальный мир. У нас нет других альтернатив, кроме как находить точки соприкосновения, объединять усилия в выработке совместных, адекватных ответов на вызовы современности.

Да, наши отношения с ЕС не лишены шероховатостей. На мой взгляд, это процесс объективный, особенно в экономике, где мы не только партнеры, но зачастую и конкуренты. Но главной политической задачей является, на наш взгляд, вывести эту конкуренцию, где она присутствует, в понятные для обеих сторон рамки, исключить практику запрещенных приемов, выстраивать равноправные отношения. У нас с Евросоюзом сформировался серьезный инструментарий

взаимодействия на политическом уровне: два саммита в год, встречи на уровне Правительства РФ и Комиссии ЕС, регулярные встречи на уровне министров, в том числе, что особенно ценно, и отраслевых министров.

Таких, зачастую во многом незаметных широкой публике инструментов в рамках реализации четырех «Дорожных карт» в формировании общего пространства немало. В рамках этих диалогов, этих пространств работает не менее 150 различного рода экспертных рабочих групп, и наработки есть.

Но потенциал взаимодействия, который у нас есть, далеко не исчерпан. Мы можем идти гораздо дальше. И решать вопросы надо на системном уровне. Начатые в прошлом году переговоры по разработке нового базового соглашения дают хорошие предпосылки для формирования действительно новой, современной, отвечающей требованиям времени базы взаимодействия России и Евросоюза, будь то в политической сфере, в экономике, в области юстиции или внутренних дел.

За последний год отношения России и ЕС прошли через два крупнейших кризиса. Это известные события в Грузии и январский кризис с поставками газа. И то, что мы смогли найти компромиссные решения, говорит о том, что если Россия и ЕС действительно проявят желание и готовность договариваться, они могут договориться. Если мы с Европейским Союзом будем опираться на партнерство, на заинтересованность и готовность договариваться друг с другом на равных, то это будет той точкой опоры, которая поможет построить подлинно единый континент, без разделительных линий, основанный на общих ценностях, который комфортен для всех, кто его населяет.

Эрих Фритц. Европа (как континент) все еще сильно разделена — это касается состояния экономик, степени конкурентоспособности, технологического развития, продуктивности, жизненных стандартов, социальной ситуации людей, правовой государственности. И если мы говорим о новых возможностях политики безопасности, разумнее было бы не ограничивать ее военной или стратегической безопасностью, необходимо рассматривать жизненные условия людей в совокупности.

Если мы используем появившийся шанс, те сигналы, которые прозвучали в выступлениях президента США в Праге, Анкаре и Каире, смогут дать начало новым политическим инициативам и концепциям, которые будут согласовываться в условиях партнерства и серьезного отношения друг к другу. Я надеюсь, что не только в государственной сфере, но и в военной области, в сфере разоружения можно достичь существенного прогресса. Это имело бы двойной эффект: укрепило бы доверие, являющееся необходимой основой для длительного развития хороших отношений, и высвободило бы огромные экономические ресурсы, которые могут быть лучшим образом применены в других технологических областях, для модернизации.

Я рад, что наступает время, когда мы преодолеваем наследие прошлого. Что, кто и кому сделал в истории XX века, нам известно. И это является основой наших отношений, взаимного уважения и совместного осмысления истории. Что, кто и кому сделал в последние 10–20 лет, должно быть урегулировано частным образом между сторонами конфликтов. Но это не должно отягощать наши отношения.

Порой я удивляюсь, насколько Россия, с одной стороны, показывает свою жизнеспособность и силу, а с другой — придирчиво и чувствительно реагирует на критику. Мне бы хотелось, чтобы готовность России к партнерскому сосуществованию с Западом, с ЕС вела бы к тому, чтобы избегать такой реакции, свидетельствующей о недостаточном самосознании. Надеюсь, что так и будет, когда Соглашение о партнерстве и сотрудничестве будет согласовано, потому что в нем есть возможность согласования широкой базы, которая была упомянута как модернизационное партнерство и которая могла бы способствовать его реализации.

Предложение Медведева о новой европейской архитектуре безопасности является позитивным сигналом. Но нам не хватает представления о том, что он с этим связывает. Появляется ощущение, что сделано ничем не обоснованное предложение, которое выражает добрую волю, идею развития, но российская сторона ожидает, что ЕС и США включатся и сами выработают предложения. Хотелось бы, чтобы Россия более творчески подошла к выработке существенных предложений и сделала совершенно конкретные оферты, для того чтобы избежать необходимости постоянно реагировать, а работать над вопросами, обсуждение которых будет иметь конкретный результат. С большим удовлетворением, как в бундестаге, так и в правительстве ФРГ, было воспринято предложение русской стороны по концептуальному продвижению к новой правовой основе в международном сотрудничестве в области энергетики. Это предложение было позитивно принято и Советом ЕС, что сыграло свою роль 21–22 мая на саммите Россия—ЕС. По моему мнению, была проведена искусная аргументация, чтобы ввести это предложение в процесс подготовки европейской Энергетической хартии. Две несогласованные позиции вдруг находят путь к сближению, и при и без того необходимой переработке Хартии может быть найдено общее решение.

Это шаги, которые не застрянут в протоколах о намерениях, а укажут путь к конкретным преобразованиям и создадут основу для восстановления доверия, которого нам не хватало в последние годы, что и явилось причиной отсутствия существенного прогресса.

Я также уверен, что для архитектуры безопасности в Европе необязательно изобретать новую организацию. Должно быть возможным начать дискуссию о рассмотрении ОБСЕ в качестве ядра европейской организации безопасности. Убежден, что это подходящая площадка и

что там также шаг за шагом необходимо содействовать пониманию потребностей каждой из сторон в области безопасности, в том числе и в тот период, когда никто никому не угрожает. Я рад, что в рамках Европейской политики обороны и безопасности есть новые сдвиги в совместной работе. Канцлер Германии недавно предложила регулярно проводить консультации в этой области. Сотрудничество в рамках миссии EUFOR в Чаде, российские предложения, касающиеся Афганистана, системы образования, — сигналы, которые в Европе очень высоко ценятся.

Еще пара замечаний на тему экономического сотрудничества и сотрудничества в области энергетики.

Доходы России от нефти и газа, полученные за годы энергетического бума, не были проинвестированы в ее будущее. Миллиарды были использованы на то, чтобы сохранить политическую систему, упрочить положение действующих правящих персон поддержанием гарантированной сносной социальной ситуации. С точки зрения политики это понятно. Но в эти 10–15 лет инвестиции, требовавшиеся для того, чтобы изменить экономическую структуру России в позитивную сторону, не были осуществлены. Зависимость России от экспорта энергоносителей почти так же велика, как и вначале, с единственным исключением: большая часть дохода от нефти переводится назад в качестве платы за импорт товаров.

Как можно добиться, чтобы предприниматели из Западной Европы, США, Азии выразили готовность инвестировать в Россию? Как можно вдохновить предприятия Германии, особенно малые и средние, на инвестиции в Россию? Это возможно, прежде всего, посредством создания надежных рамочных условий. При этом есть две совершенно экстремальные вещи. Первая: правовая государственность не должна быть абстрактной формулой, она обязана существовать в доступном для понимания виде. И второе: недостаточно мероприятий, касающихся сложных систем — таможенного режима, режима торговли. Есть только один путь для России получить надежные рамки, понятные для всех, — это вступление в ВТО. Для этого нужно войти в эту организацию на добровольной основе, но не забывая об имеющихся недостатках. Для инвесторов в Германии, Западной Европе или ЕС катастрофично, если встает вопрос, а хочет ли Россия стать членом ВТО? Или ее заявку отзовут вместе с Беларусью и Казахстаном и после этого образуют таможенный союз? Может быть и такое, когда кто-то кое-кого держит под наблюдением, чтобы оказывать давление.

Конечно, процесс вступления России в ВТО слишком затянулся. Но причина кроется ни в коем случае не только в существующем сообществе стран-членов, но также в поведении России. Нельзя одновременно стать членом системы регулирования и тут же заявлять, что придерживаться этой системы Россия не собирается. Именно так и вела себя

Россия в течение долгого времени. Надеюсь, что это лишь тактический прием и что Россия в возможно короткий срок станет членом ВТО.

И в заключение касательно энергоносителей. В настоящее время ведется совместная работа ЕС и России по улучшению системы раннего предупреждения конфликтов. И это хорошо. Но все-таки было бы лучше, если бы потенциалы конфликтов, для распознавания которых и нужна такая система, можно было бы ликвидировать. В ЕС, не столько из-за рыночных условий, а скорее во избежание установления монополии на рынке, следят за тем, чтобы производители, продавцы и владельцы сетей, т.е. транзитеры, не были постоянным «комплектом».

Стоит подумать и над тем, является ли современная структура, которая с политической точки зрения объяснима, подходящей для делового общения между участниками в течение длительного времени. Этот вопрос стоит отдельной дискуссии. Сегодняшняя структура владельцев транспортных сетей непрозрачна, подчинена скорее политическим, чем экономическим законам. И поэтому не может вызывать доверия на длительный срок, а является потенциалом для критических разногласий и конфликтов. Это означает необходимость определенных изменений тех вещей, которые берут начало из старых времен и проистекают из эгоистических национальных интересов участников. При этом в рамках энергетического диалога можно было бы подумать о консорциальных решениях, которые уже обсуждались, в чем ЕС мог бы помочь.

Мы находимся на таком этапе, который дает нам возможность развить многие ресурсы — интеллектуальные, политические и экономические, которые, в свою очередь, дают возможность России, ЕС и США (на мой взгляд, это важное для мировой политики трио) взглянуть на проблемы, требующие совместного прочтения более внимательней, чем актуальные сегодня собственные интересы. Решение найдется лишь тогда, когда каждый член этого трио будет готов несколько отстраниться от собственных интересов в пользу общих жизнеспособных решений.

Меня ободряет тот факт, что у каждой из сторон имеется достаточное количество образованных, умных людей, которые способны продвинуть этот процесс вперед.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ДИАЛОГ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В обсуждении темы участвуют проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор ***В.А.Луков****, ведущий научный сотрудник Института философии, доктор философских наук, профессор* ***В.М.Розин****.*

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор ***П.С.Гуревич****.*

П.Гуревич. Американский фантаст Роберт Шекли в повести «Билет на планету Транай» рассказывает о нравах этой звезды. Едва герой повести, землянин, появился на Транае, как ему предложили стать Верховным президентом.

— Вы хотите сказать, — изумленно спрашивает землянин, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что», — обиделся собеседник. — Такое предложение — большая честь.

Землянин решил принять пост от бывшего президента Борга и получить от него официальный медальон. Оказалось, что для вручения полномочий не нужно никаких формальностей. Борг просто готов передать землянину этот символ власти, но в этот момент медальон взрывается, а Борг падает с оторванной головой. Тут-то и выяснилось, что жители Траная обладают правом выражать свое недовольство, посылая соответствующие сигналы, и если его скопилось выше нормы, медальон разрывает сановника на части. Комментируя эту традицию, транаец ответственно заявляет: «Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа».

Пародию на западную модель демократии Шекли писал несколько десятилетий назад в жанре антиутопии. Писатель предвидел, во что может превратиться идея безоговорочной эффективности демократии. Вот и сегодня в относительно спокойной Европе (Франция, Латвия) толпы нередко требуют отставки властей, круша магазины и ломая автомобили. Между тем концепция демократии, как она понималась классиками социологии, предполагала постоянный диалог власти и народа, исключающий такие эксцессы. Социальные философы, казалось, продумали все детали и возможные метаморфозы этого процесса.

Готовясь к нашей встрече, я просмотрел работы многих социальных мыслителей, посвященные данной теме. Результат показался мне неожиданным. Возникло впечатление, что нынешняя ситуация, которая сложилась в нашей стране, весьма уникальна. Ни Вебер, ни Манхейм не могли бы с ходу понять, как преобразились многие социальные институты, каким призрачным стал сам диалог власти и государства.

Рождается вопрос, требующий обсуждения: действительно ли классические тексты мыслителей неприложимы к нашей реальности?

Уже Фома Аквинский отмечал, что государство по отношению к своему народу по форме своего правления может быть несправедливым, и тогда у людей есть право восстать против деспотии власти. Это право дается, если власть выступает против законов Бога и элементарных нравственных принципов, превышает собственную компетенцию, прибегает к незаконным поборам. Но это, по существу, лишь истоки социально-философской рефлексии. Еще не вполне ясна формула: «что значит восстать?» Идет ли речь о бунте или о мирном побуждении власти к порядку?

Монтескье различает три формы правления: республику, монархию, деспотию. При монархическом правлении, разъясняет он, власть осуществляет один человек, но посредством установленных неизменных законов. При деспотическом правлении все движется вне всяких законов и правил волею одного лица. При республиканском правлении власть находится в руках народа. Все это не ложится в строку, когда речь идет о нашей стране. У нас нет монархии, чудовищных поборов, демонстративного отступления от Божьих заветов. Однако десятки тысяч инженеров, ученых, врачей безмолвно уезжают из России. Это отступление или восстание против произвола власти?

Вебер толкует об эффективном управлении с помощью менеджеров, но наша страна изнывает от всеобщего дилетантства. Политические философы рассуждают о гражданском обществе как гаранте социального равновесия. Но у нас нет гражданского общества.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что в нашей стране диалог власти и народа перестал быть эффективным, а во многом сошел на нет. Но зато он приобретает фантастические виртуальные формы. Призрачные формы этого диалога разрастаются, становятся все более изощренными, замысловатыми. И в то же время обычному гражданину некуда обратиться, чтобы решить пустяковый вопрос, связанный с его правами и интересами.

Именно поэтому хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как вы представляете диалог государства и общества в качестве философской проблемы?
2. Существуют ли моральные основы такого диалога? Как они рождаются? Почему могут разрушаться?
3. Как выглядит этот диалог в современной России?
4. Как можно восстановить этот диалог, который, судя по всему, разладился?
5. Какой смысл в шутке: «Гласности у нас много, слышимости мало»?
6. Каковы последствия такого разлада для современной России?
7. «Надо ли молчать в тряпочку?» — заголовок из газеты «Аргументы и факты».

Диалог общества и государства как философская проблема

В.Розин. Такая постановка проблемы законна, потому что основы политической и государственной власти разработали философы. Это, разумеется, чисто философская проблема. Разумеется, эти идеи были сформулированы в свое

время. Но я не согласен с Павлом Семеновичем в том, что многие мысли, рожденные в борьбе с монархизмом, утратили свою актуальность. Сама идея нередко сохраняет свою ценность, даже если на историческом подворье иной политический режим. Нам важно проследить, когда и почему рождались те или иные социальные концепции. Отвержение абсолютной власти позволило утвердить приоритет закона. Важная предпосылка — общество боролось против абсолютных монархий, что привело к становлению государства нового времени.

В.Луков. Согласен. Прежде чем говорить о правах народа, надо взглянуть на проблему с позиции государства. Иначе наше обсуждение окажется односторонним. Критикуя власть, общество способно впасть в эгоистическое заблуждение. В известном смысле это больше проблема философская, чем правовая или политическая. В политике реализуются различные интересы. Только социальный философ способен подняться над этой конъюнктурой интересов и задуматься над общественным устройством в целом. По сути, государство лишь инструмент поддержания социального порядка, развитая и комплексная форма регуляции общественных отношений на основе права. Государство порождено общественной потребностью в безопасности и предсказуемости последствий тех действий, которые затрагивают интересы больше чем одного человека или даже многочисленного класса.

П.Гуревич. Начнем с апологии государства?

В.Луков. Совсем не обязательно. Как это часто бывает в человеческом обществе, часть становится больше целого, важнее целого, подчиняет себе целое. И тогда уже появляется мысль о диалоге целого и его части по инициативе обделенного и эксплуатируемого, обреченного на сужение роли своей доли. Такова персонификация государства вплоть до фактического осуществления формулы Людовика XIV «Государство — это я». Здесь государство утрачивает свою частичность и претендует на всевластие, на целостность.

П.Гуревич. Вы хотите, судя по всему, подчеркнуть, что не следует рассматривать государство и народ как антиподов. Они лишь участники определенного единства.

В.Луков. Ну, разумеется. В социально-философском аспекте само такое движение к упорядочению целого путем передачи власти какой-то его части (органу, лицу и т. д.) чрезвычайно интересно. Оно, кстати, позволяет осмыслить макиавеллизм как столбовую дорогу в решении проблемы сплоченности народа и национальной безопасности. Разве не по этому пути идут сегодня те, кто сделал ставку на демократию как принцип поддержания социальной сплоченности?

П.Гуревич. Так вот на этом пути, как известно, Монтескье с огорчением констатировал, что Аристотель не знал истинной природы монархии. Диктат государственной деспотии — это опыт минувшего столетия.

В.Розин Связь этих проблем очевидна. В современной России речь тоже идет об укреплении государства. Но это вовсе не предполагает пренебрежения к народу. Здесь обнаруживает себя диалектика истории. Уже Шарль Монтескье в «Персидских письмах» уподобляет французскую абсолютную монархию азиатскому деспотизму. Критика европейских монархий была в XVII веке почти общим местом. Европейское общество и стоящая за ним новоевропейская личность в целом по логике повторили античный ход мысли, состоя-

щий сначала в проектировании государства, работающего на общество и человека, а затем и реализации такого проекта. Но, конечно, содержание проекта было другим. В соответствии с новым мироощущением монархической власти и ее аппарата управления, который становился все более профессиональным, была противопоставлена не менее внушительная сила — народ и человек, отстаивающие себя на основе естественных природных законов и к тому же действующие в своем праве. В этом суть общественного договора.

В.Луков. Но теоретический диспут о диалоге государства и общества на практике выливается в отношения властителей и подчиненных, где для равенства позиций места нет. В этих парадоксах, видимо, и заключается философия диалога государства и общества: он возможен и невозможен одновременно, он сдвигается от полюса полного «да» к полюсу полного «нет» в зависимости от того, у кого в данный момент больший потенциал силового ответа на претензии другой стороны.

П.Гуревич. Речь должна идти не о равенстве, а о желаемом балансе, равновесии. Иначе так называемое «нет», в конечном счете, чревато катастрофой.

В.Розин. Из этого противостояния и рождается модель диалога государства и общества. Разрабатывая концепции естественного права и разделения властей, Монтескье, Гоббс, Локк и одобряющие их взгляды правоведы проектировали новый тип государства, призванного стоять на страже не только порядка, но и общества и человека.

П.Гуревич. Можно отметить, что в социальной философии государство не рассматривается как некий неизменный абсолют. Оно конструируется, меняет свой облик, отвечает на вызовы общества. Как сам диалог, так и его отсутствие рождают типологически разные социальные ситуации. В «смутные времена» торжествует плебс, в деспотические — тоталитарное государство. Однако порой это совпадает. Общество может существовать и при таких условиях, когда массы погружаются в приватную жизнь, а государство обслуживает собственные интересы. Наконец, возможны и предгрозовые ситуации, когда народ еще не готов к выступлениям, а верхи не могут реализовать эффективное управление.

В.Розин. В том-то и дело. Я назвал мыслителей, которые настаивали на том, что государственная власть подпадает под закон. Томас Гоббс в «Левиафане» отмечает, что суверен «подчинен действию закона так же, как последний из его подданных». Народ, еще более решительно говорит Локк, остается безусловным сувереном. Он имеет право поддерживать и даже ниспровергать безответственное правительство. Итак, все люди равны и свободны. Государство через систему судопроизводства должно гарантировать права человека на жизнь, свободу слова и веры, на собственность. Разделение властей обеспечивает необходимую систему «сдержек и противовесов». Зачем? Чтобы предотвратить такое развитие государственной власти, когда она начинает работать только на себя, а не на общество и человека. Обращение к праву здесь было вполне естественным, ведь именно в праве общество могло провести свой новый идеал справедливости и утвердить необходимость власти, которая имеет санкцию на управление.

П.Гуревич. Вопрос ставится таким образом: сохраняют ли ценность эти универсальные достояния европейской культуры или современная жизнь показывает, что данные механизмы в новых условиях недостаточны? Чего следует

добиваться: фактической реализации демократических ценностей или выдвижения новых договоренностей между государством и народом, властью и обществом? К примеру, на нашем предыдущем «круглом столе» (см. «Вестник аналитики». № 2, 2009) речь шла о том, что право, не поддержанное моральными устоями общества, нередко приобретает деструктивную роль. Мораль, право и интересы должны быть приведены к определенному балансу. Скажем, общество и власть готовы сегодня подвергать жесточайшим наказаниям педофилов, но не вчиняет себе в обязанность проводить раннюю диагностику психических отклонений, вести клиническую работу, продвигать в массы психологическую культуру, воспитывать людей в духе христианского милосердия.

В.Розин. Мы нередко критикуем демократию вместо того, чтобы добиваться развертывания ее потенциала. Фиксируем легитимную правовую несостоятельность вместо того, чтобы утверждать неукоснительность права. Дело в том, что практическая реализация в XVIII–XIX вв. либерально-демократических концепций привела не только к построению правового государства. Отметим его отличительные признаки — верховенство закона, реальность прав и свобод индивида, организация и функционирование суверенной судебной власти на основе принципа разделения властей, правовая форма взаимоотношений личности и общества. Но главное их достижение — формирование политико-правового пространства и гражданского общества. И вот почему. Постепенно выяснилось, что общество может реализовать свои планы, лишь создав институции (силы), соразмерные государству с его аппаратом. Такими институциями выступили политическая система и гражданское общество. Они как раз и сложились в этот период активной политической мысли.

В.Луков. Относительно гражданского общества все понятно. Но прежде, вероятно, стоит определить, что собой представляет властный режим в России, каковы его содержательные характеристики. Эксперты называют его «авторитарным», «полуавторитарным», «бюрократическим», «гибридным», «переходным». Встречаются даже такие неожиданные обозначения, как «рейтингократия». Если говорить о формальной стороне, то в правовом обществе каждый человек может принять участие в политике. Но, прежде всего, должен выстроиться политический процесс...

В.Розин. В развитом государстве именно гражданское общество должно вести диалог с государством, постоянно корректируя его деятельность, а когда нужно, и меняя его состав.

П.Гуревич. Но можно ли утверждать, что гражданское общество в России уже сложилось? Эксперты относят к среднему классу чиновников. Но разве чиновники выступают от имени общества, выражают интересы простых представителей социума? Можно ли говорить о том, что усилившийся в стране клан государственных управленцев помогает осуществлять диалог власти и народа?

В.Розин. Мы говорим о том, что в России не сформировано гражданское общество. Но часто не осознаем, что отсутствие гражданского общества не означает, что в России нет общества как такового.

В.Луков. Это полемика, но с кем?

В.Розин. Мне хочется подойти к вопросу сугубо культурологически. Можно сколько угодно спорить, есть у нас гражданское общество или нет, но надо иметь в виду, что общество существует во всяком развитом социальном организме. Оно

появляется еще в древнем мире, но гражданское общество — продукт нового времени. Понять, что такое общество, можно, рассматривая социальный статус и бытие человека в культуре. В одном отношении в рамках социальных институтов человек выступает как социальный актор, выполняя определенные роли. Но в рамках общества человек выступает в другой ипостаси: он является условием развития культуры, выступает как носитель всей социальности. Когда в «Политике» Аристотель пишет, что человек по своей природе есть существо общественное и политическое, он, по сути, говорит о том же.

В.Луков. Вы хотите поразмышлять, с чего начинается гражданское общество — с индивида, с общественных организаций, с государственной инициативы?

В.Розин. Приведу историческую иллюстрацию. Образованию в XV веке империи ацтеков предшествовала следующая история. В начале XV века мехики жили в небольшом государстве. После избрания королем Итцкоатла, около 1424 года, мехики оказались перед трагическим выбором: или признать власть Максила, тирана соседнего государства, или начать против него войну. Перед угрозой уничтожения король и мехиканские господа решили полностью подчиниться тирану, говоря, что лучше отдаться всем в руки Максила, чтобы он сделал с ними все, что пожелает, а быть может, Максил их простит и сохранит им жизнь. Именно тогда слово взял принц Тлакаэлель и сказал: «Что же это такое, мехиканцы? Что вы делаете? Вы потеряли рассудок! Неужели мы так трусливы, что должны отдаться жителям Ацкапутцалко? Король, обратитесь к народу, найдите способ для нашей защиты и чести, не отдадим себя так позорно нашим врагам». Воодушевив короля и народ, принц Тлакаэлель получил в свою власть управление армией, укрепил и организовал ее, повел на врага и разбил тирана.

В.Луков. Очень похоже на историческую инициативу Владимира Владимировича — поднять Россию с колен. Путин недавно публично осудил пассивность русских князей Бориса и Глеба, которые не воевали, вели себя пассивно, фактически сдались. Он сказал, что мы следовать такому поведению не станем.

В.Розин. Продумаем все же приведенный мною пример. Король и мехиканские господа представляют собой общество: на собрании вопрос о судьбе страны они решали вне рамок государственных институтов, это было именно общественное собрание, где важно было убедить других (короля, жрецов, господ, народ — это все различные общественные образования, субъекты), склонить их к определенному решению и поступку. Но дальше формируется консолидированный субъект — король и принц Тлакаэлель, возглавившие мехиканских господ и армию и организовавшие поход против тирана. При этом важно, что социальное действие осуществляется уже в рамках и с помощью социальных институтов — армии и жрецов.

П.Гуревич. Понятно, что гражданское общество немыслимо без гражданской инициативы, без социальной самодеятельности. В этом историческом примере инициатором событий оказывается принц, а не король или жрецы. Однако в нашей стране политические партии возникали не как события, связанные с активностью граждан. Они рождались по проектам кремлевских политтехнологов. В результате сложилась ситуация, которая не была предметом философской рефлексии у социальных мыслителей. Такое насилие над политической жизнью показалось бы Локку или Манхейму кощунством. Политическое пространство

заполнено, но массовых гражданских инициатив не оказалось. Парадоксально, но Партия любителей пива была ближе к гражданскому обществу, чем, допустим, «Справедливая Россия». Партия, созданная при поддержке верхов, не просто включается в политическую жизнь как новобранец. Она начинает расширять свое властное поле, подчиняя себе гражданские учреждения. Говорят, что в Москве руководителями университетов стали члены «Единой России». Пока только Российский торгово-экономический университет не вошел в эту обойму. Но ведь ректора выбирает коллектив преподавателей. Значит, демократические процедуры действуют, но политический диктат побеждает.

В.Луков. Такие метаморфозы с демократией никто из социальных мыслителей не предвидел. Власть научилась использовать демократические механизмы столь продуктивно, что постмодернисты пришли к однозначному выводу: «чем больше демократии, тем больше насилия». Парадоксально, но речь уже не о власти толпы, не об охлократии, не о воле плебса, а о лукавом, даже вероломном использовании демократических процедур.

В.Розин. Так вот, можно ли считать такое пренебрежение к гражданским инициативам оправданным, моральным или это силовое нарушение общественного договора?

Существуют ли моральные основы такого диалога?

В.Луков. Мораль в диалоге государства и общества, в конечном счете, исходит из права сильного. Будет ли такая ситуация заведомо аморальной? Видимо, нет.

В.Розин. Странная, но довольно расхожая мысль. Разве не аморально связывать нравственность с силой, с могуществом?

В.Луков. Мне не хотелось бы впадать в отвлеченное морализаторство. Я убежден в том, что более человеческий облик диалога государства и общества обнаруживается именно тогда, когда укрепляется персонификация власти или противостояния ей. Осуществление власти — не только социальная роль, более или менее закрепленная правом и наличными ресурсами, обеспечивающими ее исполнение. Чем больше произвола в исполнении этой роли, тем большее значение приобретают моральные императивы властителя как системной характеристики общества, принимающего такую власть или повязанного ею. Иначе говоря, мораль на стороне сильного, но и он подлежит нравственному суду. Думаю, именно поэтому мы говорим о личностных качествах, моральных в том числе, сформированных у Александра Македонского под воздействием греческой культуры, рассуждаем о нравственных изъянах Ивана Грозного, как это подчеркнуто в новом фильме Павла Лунгина. Но вот что интересно: моральное воздействие носителей слабой власти на судьбоносные для страны и народа события мы вряд ли обнаружим. То же можно сказать об оппозиции. Думаю, в абстрактном виде вопрос о моральной составляющей диалога государства и общества вообще ставить бессмысленно.

В.Розин. Выходит, пушкинское «народ безмолвствует» не связано с моральной оценкой власти?

В.Луков. Связано, но это окончательный суд народа, а суть нравственности — в государственном строительстве.

П.Гуревич. Хорошо, тогда я приведу еще одну историческую иллюстрацию. Князь Владимир Киевский — основатель Руси в той ее определяющей форме, от которой ведут себя другие государственные образования на Восточноевропейской равнине вплоть до Московского княжества, образец для всей династии Рюриковичей и также для более поздних правителей, святой креститель Руси. Так вот вернемся к тому, что недавно сказал В.В.Путин об этой странице русской истории. Летописи сообщают: в 1015 году Владимир разболелся. Печенеги шли на Русь. Владимир собрал войско и послал с ним своего сына Бориса, князя Ростовского. Когда Борис приблизился к Киеву, он получил две новости. Его отец умер, а на его место сел Святополк, которого вроде бы нужно теперь согнать. Это будет справедливо, этого хотят киевляне, Борис имеет на то все права, он легитимный наследник, любимый сын, исполнитель последнего важного поручения Владимира. Борис, однако, неожиданно заявляет, что не поднимет руки на брата. Этот поступок и оценивает в своей реплике В.В.Путин: такой миролюбец явно не годится на место правителя в крутые времена. Что делать властным и вооруженным людям при князе, который не хочет драться за власть? Борис узнает, что Святополк для надежности хочет все-таки его убить. Свершив злодейство, хозяин власти готов погубить и Глеба. Глеб, как перед этим Борис, тоже убедил дружину не поднимать гражданской войны, оставить его одного. Эти двое, Борис и Глеб, оказались слишком хороши, слишком чутки, слишком сердечны, слишком нравственны, чтобы взять власть. Таким образом, после Владимира власть не наследовала ему? Так вот вопрос, моральна ли слабая власть? На какой моральной основе мог осуществиться диалог сильной власти Святополка с Борисом и Глебом, которые оказались «слабаками»?

В.Луков. Само то, что такой диалог не только не всегда осуществим, но и не всегда актуален, переводит его нравственный аспект из необходимого в случайный, точнее говоря, событийный. Пример диалога государства и общества в годы советской «перестройки» показывает это: моральное содержание придавали ему в первую очередь позиции ведущих противостоящих фигур и их ближайшего окружения. Отсюда и истоки, отсюда и катастрофы моральности такого диалога. По крайней мере, можно определенно утверждать, что лишь в наиболее острые моменты истории моральная сторона диалога по поводу власти становится важной для огромных масс людей. В другое время диалог государства и общества похож скорее на дипломатические переговоры, где участники отрабатывают мандат и к морали обращаются, если она укрепляет позицию, предписанную мандатом.

П.Гуревич. Вот наш премьер, судя по всему, и выразил эту мысль. Он сказал, что мы не можем положительно оценить слабость Бориса и Глеба, хотя они и святые. Они добровольно отказались от власти. Спор по этому поводу возник не сегодня. Константинопольская патриархия, когда русский епископат представил ей для канонизации Бориса и Глеба, долго не соглашалась признать их святыми примерно по тем же причинам. Борис и Глеб поступили неправильно. Они должны были, во-первых, переступить через свое отвращение к жестким методам ради страдающих под Святополком киевлян. Во-вторых, они должны были подумать о душе Святополка, своего сводного брата, и не попустить ему взять на себя страшный грех братоубийства. Константинопольские иерархи сомневались, можно ли назвать Бориса и Глеба великому-

чениками и мучениками за веру, когда они страдали от единоверного Святополка, тоже крещеного христианина.

В.Розин. По сути дела, тот же спор в фильме Павла Лунгина ведет Иван Грозный с митрополитом. Если важнее всего экспансия власти, то зачем оппозиция, зачем совестливое признание допущенных ошибок, к чему жертвенность?

П.Гуревич. Борис и Глеб не хотели жить в мире, где преступление возможно среди братьев. Да, русский мыслитель Федотов отмечал, что в гибели Бориса и Глеба нет героизма, вызова силам зла: они плачущие, по-человечески слабые, совсем беспомощные, они слезно жалуются на свою участь.

В.Розин. Но ведь они великомученики, святые. Это признала церковь. Стало быть, прагматическая мысль о том, что мораль всегда на стороне сильного, сомнительна. Подвиг святых оказал на верующих огромное нравственное влияние.

П.Гуревич. Да, такова ментальность русского народа. Те политики, которые будут считать вопрос о власти, безусловно, первым и важнейшим, сумеют взять и удержать власть сравнительно легко. Другая сторона, вопрос о власти первостепенным не считающая, не будет вооружаться, останется открытой, отдаст власть. Если вам ее очень хочется, берите ее.

В.Розин. Жестокость — не всегда признак силы и нравственности. Пятнадцатилетняя история борьбы Кремля с ваххабитами — наилучшее тому доказательство. Столько лет «мочим террористов в сортире», а они не унимаются. Вероятно, мы плохо понимаем тех, с кем боремся. Надо признать, что на Кавказе действует подполье. Как отмечают эксперты, оно объединяет множество людей — молодых и пожилых, богатых и бедных, образованных и малограмотных. Не успевает власть произнести грозные слова, как подполье отвечает новыми действиями. Вероятно, она не владеет всей информацией. Да и каким образом может сложиться целостная картина зреющей на Кавказе катастрофы, если власть постоянно слушает оптимистические реляции чиновников. Нам мнится: выловим главарей банд, проявим убийственную строгость, и все наладится. Мы даже не хотим понять, что имеем дело с определенной идеей, пусть неприемлемой для нас, но все же подкрепленной ментальностью иного этноса, который противопоставляет неумолимой власти собственную жертвенность.

П.Гуревич. Власть мыслит жестко и неумолимо. Она понимает, что утратит самую себя, если перестанет заниматься экспансией власти, как это твердо знал и братоубийца Святополк. А вот имел ли подвиг Бориса и Глеба нравственный смысл? Оказал ли он положительное влияние на русскую историю? Отечественный философ Владимир Бибихин справедливо писал о том, что подвиг Бориса и Глеба был многократно повторен в последующие годины. Он отмечал: если бы в русской истории и политике не было молча, терпеливо отдающих жизнь, жертвенно и стоически переживающих жизненные трудности, тысячелетнее государство не стояло бы, не могло бы обращаться к народу так, как оно всегда делает в трудные минуты: «люди русские», «братья и сестры», «россияне», забудьте, откажитесь еще раз от себя, пожертвуйте всем, вплоть до жизни тоже. Отвечая на этот призыв, жертвующие не ждут доводов, резонов. Иначе бы это была не жертва, а расчет. Жертва приносится потому, что человек оказывается готов сказать себе: ну, вот пришел и мой час; теперь

моя жизнь зависит совсем не от меня; что же, может быть, настало расставание. Вот откуда святость российской истории и противостояние власти, нахрапистой, оголтелой, успешной, но не укорененной в глубинах народного сознания.

В.Луков. Я согласен с этими суждениями. Прикованный к инвалидной коляске Рузвельт призвал американцев к жертвенности, чтобы выйти из Великой депрессии. И победил. Но чей голос сегодня мог бы оказать такое воздействие на людей, измученных кризисом? Кто мог бы поддержать растерянных, обнищавших, выбитых из привычный колеи граждан? Диалог государства и общества, в основе которого культ силы, аморален.

Как выглядит этот диалог в современной России?

П.Гуревич. Общество, на мой взгляд, лишилось своих полномочий. Оно потеряло возможность контролировать власть. В 1954 г., когда началась моя студенческая практика, на первой полосе «Литературной газеты» был помещен острый критический материал о работе пяти союзных министерств. Когда я заканчивал практику, «Литгазета» сообщила о том, что все пять министров лишились своих постов. Вот какова была сила газетного слова! Сегодня, когда я читаю в этой же газете острые материалы, думаю: на кого рассчитаны эти публикации? На власть, которая, по определению, прислушивается к голосу общественности? Но верхи вряд ли имеют представление, о чем пишут газеты. С экрана исчезли программы, которые хоть в какой-то мере выражали бы разные мнения, позволяли вызвать общественный резонанс. Теперь выразители социальных мнений похожи на невротиков, которые на перекрестке улиц размахивают руками, но их никто не слышит. Обозреватель «Аргументов и фактов» критикует власть от имени простых людей, снабжая свои статьи частушками, народными речениями, простыми житейскими суждениями. Но это снова камуфляж. На дерзость народной Матрешки ни один серьезный человек не станет обращать внимания. Власть дозволяет такой голос из деревенской околицы. В других случаях представители интеллигенции, по сути дела, вразумляют друг друга. Мы убеждаем друг друга в том, что власть не слышит и, судя по всему, не услышит никогда. Возникает иллюзия диалога. Власть бесконечно далека от всех этих экспертиз, она живет в ином ментальном пространстве. Она разрешает общественности толковать на социальные темы, но это ее ни к чему не обязывает. Может быть, поставить вопрос, ради чего мы обо всем этом трындычим? Возьмем, к примеру, казус с ЕГЭ.

В.Луков. Этот сюжет относится к числу вечных, вроде иглы к примусу, о которой написали сатирики.

П.Гуревич. Завершился всесоюзный эксперимент, министр образования и науки встретился с президентом, публично отчитался о своей реформе и получил полное одобрение. Результаты во всех отношениях бездарной реформы были казенно засчитаны за возросшее качество отечественного образования. Вопреки мнению общественности, народу от имени государственной власти было предъявлено еще одно липовое заключение. Но обратите внимание — никакой Парето не разглядел бы подмены. Эксперимент обсуждался, а власть приняла решение. Иначе как помрачением такой диалог не назовешь.

В.Луков. Чиновники сегодня чувствуют себя абсолютно безнаказанными, презирают общественность и откровенно отводят ей роль быдла. События, которые развернулись в ГИТИСе, в Московской медицинской Академии им. Сеченова, в МГУТУ, в Шолоховском университете, отражают приемы современного рейдерства, наглого и беззастенчивого. Речь идет не о качестве образования, а о захвате собственности. Это явное преступление. Но можно ли это доказать? Нет, при существующей системе дойти до правды немыслимо. Но есть ли основания считать, что власть совершенно не интересует мнение других людей, профессоров, ученых? Можно. Вот приказ Министерства здравоохранения и социального развития о прекращении трудового договора с ректором М.А. Пальцевым. Почему успешный руководитель, отдавший вузу 40 лет напряженного труда и превративший его в самый успешный вуз в стране, отстранен от должности? По международному рейтингу ММА сегодня лидирует с большим отрывом от всех медицинских вузов страны, а их 48. Коллектив обратился к министру здравоохранения и социального развития Т.А.Голиковой с просьбой обсудить ситуацию, но она отреагировала молчанием. Тогда отчаявшиеся люди отправили письмо президенту РФ. Представьте себе, письмо президенту подписали 4,5 тысячи студентов и сотрудников академии! Но администрация президента не сочла возможным ответить единодушному коллективу. Письмо оказалось у г-жи Голиковой. Круг замкнулся. Еще одна попытка. Теперь уже бывшие выпускники Академии (всего 500 подписей) обращаются с письмом к президенту через газету «Московский комсомолец». Они надеются, что ошибка чиновников будет исправлена. Они взывают к верховному лицу. Но речь идет не об ошибке. Речь идет о планомерном преступлении — откровенном рейдерстве.

В.Розин. О состоянии гражданского общества в России не так давно в Интернете размышлял наш известный философ Валерий Подорога. Нынешний объявленный «диалог с властью», говорил он, начинает звучать несколько странными обертонами. А, собственно, зачем власти вступать в диалог с гражданским обществом, к тому же если она полагает, что его как бы нет, что его будто еще надо построить? Почему надо искать диалог с этими слабыми гражданскими союзами, которые не могут оказать ни на что какого-либо существенного влияния?..

В.Луков. Тем более, что эти квазигражданские организации ждут от государства финансовой поддержки. Причем тут гражданские инициативы?

В.Розин. Сама идея «равноправного» диалога говорит лишь о поразительной гипертрофии функций власти в современном российском обществе. Власть в лице ее отдельных функционеров нисходит до гражданского общества, словно демонстрируя его бессилие и неспособность быть равноправным участником диалога. И это надо признать, чтобы не создавать себе ложных иллюзий. А раз дело обстоит именно так, то неплохо понять, чего хочет эта власть, которая вольно или невольно берет на себя и общественно-гражданские функции, стимулируя чуть живое «гражданское общество» финансовыми и другими льготами. Кстати, право их распределения тоже узурпировано властью...

Россия родила странного монстра — «почти народную власть с чертами гражданственности». Это, вообще говоря, и понятно. Сегодня в стране не одна монолитная власть, как это было в незапамятные советские времена, а много

властей, слабо координированных между собой, к тому же имеющих совершенно разные интересы. Сегодня нет единого культурного сценария, который в свое время интегрировал все население от мала до велика, а много разных идей и соображений, дающих возможность всем жить и действовать по-своему. Сами же власти — президентская, парламентская, крупных ведомств, региональные, предпринимательская, судебная, теневая — еще молодые, и, главное, склонны решать свои проблемы не в сфере права, а вне его. Например, использовать как инструменты давления прессу, суд, «телефонное право», административный ресурс, прямой или завуалированный подкуп (иногда в виде льгот), наконец, если речь идет о теневой власти, даже заказные убийства. Но и политическая система в России в значительной мере работает в том же пространстве. Многие депутаты легко покупаются и продаются, парламент оказался полностью под контролем президентской власти, лоббирование часто принимает нецивилизованный и неприличный характер.

П.Гуревич. Проблема, на мой взгляд, не исчерпывается тем, что нет единого культурного сценария. Возникает еще одна зловещая тема, которая может привести страну к краху. Перерождение социальных институтов. Классики, «отцы-основатели» социологии, по сути дела, не касались данного сюжета.... Вольтер часто высмеивал современную ему элиту, отмечая, что, несмотря на титулы и богатство, она была ужасающе невежественной. Та элита не была способна к руководству. Социальные мыслители не идеализировали элиту, но никто не мог себе представить, что элитой окажется худшая часть общества. Ловкачи и проныры, тупые выдвиженцы, браконьеры и казнокрады... А что представляют собой эти сливки общества сегодня?

В.Луков. Современные технократы тоже вряд ли бы признали в Вольтере своего духовного отца. Да и он точно не назвал бы их своими детьми. Это как у Достоевского. Помните, в XVI в., на следующий день после аутодафе, во время которого Великий Инквизитор сжег на костре сотню еретиков, да еще сделал это с помпой, перед королевским дворцом и толпой людей. В этот день Христос возвращается в Севилью. Кардинал узнает Сына Божьего, но приказывает его арестовать и сжечь, если тот немедленно не покинет город.

В.Розин. Еще один пример чудовищного преображения социального института: священник, который освящает игорный дом. Светский вуз, отмечающий свой юбилей в храме Христа Спасителя. Девицы с голыми спинами на банкете в трапезной. Сговор тюремщиков с заключенными. Блюститель законности, не признающий никаких стеснений в своих правах...

В.Луков. Суть корпоративности в том, что каждая группа имеет собственную цель, организацию и финансовые интересы. В обществе коррупция была всегда. Но никогда, даже в самые худшие десятилетия XVIII века, она не была легализована и так логически детализирована, чтобы открыто распространиться на всю систему власти.

Когда новый президент заговорил о борьбе с коррупцией, эксперты предостерегали главу государства о том, что он может получить репутацию безнадежного романтика или оказаться в смешном положении. Политик рискует собственной репутацией, если не может добиться своих целей. Однако никто из коррупционеров не испугался. По-прежнему чиновники патронируют бизнес. Гранты раздаются с учетом откатов.Вся страна оценила заполнение чиновниками

деклараций как эстрадный номер в духе Петросяна. Оказалось, что наши чиновники женятся по расчету на исключительно богатых женщинах. Выяснилось, что некоторые мученики управления перебиваются с хлеба на кока-колу. Никто, кроме безнадежных наивняков, не верит в заполненные декларации, но вот вопрос: каким образом власть собирает на выборах 60% голосов? Может ли народ поверить, что власть серьезно озабочена истреблением коррупции?

П.Гуревич. Мы живем в виртуальном мире. Власть давно перестали интересовать реальные факты. Разросся гигантский управленческий аппарат. Выросла огромная прослойка всяческих подразделений, которые контролируют, собирают отчетность вместо того, чтобы развивать бизнес, учить студентов, ловить преступников. Каким может быть эскиз общества, где все социальные институты подверглись порче: бизнесмены «наваривают прибыль», политики ищут в предпринимателях деловых партнеров, милиция не ловит преступников, прокурор не защищает законность, учитель не учит, а растлевает, средства массовой информации не просвещают, а оболванивают людей. Генералы рассматривают не карту возможных боевых действий, а схему участка, где будет сооружен дачный особняк. Кто-то должен остановить этот зловещий процесс, вернуть социальным институтам их вековые функции, заняться оздоровлением больного общества.

Как можно восстановить этот диалог, который, судя по всему, разладился?

П.Гуревич. Когда Кант призывает народ отойти от тирана, не оказывать ему никакой поддержки, оставаться равнодушным к его призывам и убеждениям, то применительно к нам это может означать следующее: давайте перестанем называть гражданским обществом виртуальное социальное образование, которое создается в стране.

В.Луков. Мы говорим о просчетах государства. Но картина будет неполной, если не сказать и о вырождении общества, о нездоровых тенденциях в народе.

В.Розин. Нам следует избавиться как от народопоклонничества, так и от демонизации народа. Пока большая часть людей ведет себя пассивно. Но нельзя не обратить внимания и на активность такого рода, которая не свидетельствует о духовном здоровье нации. Немало писем приходило и продолжает приходить в защиту генерала Буданова, который в ходе допроса изнасиловал и задушил беззащитную чеченку. Аргументы таковы: разве можно ставить на одну доску какую-то чеченку и боевого российского полковника, осуждение Буданова — это удар по престижу России и т.п. И понятно, почему общество склоняется к пассивности, попытки населения действовать через право и суд чаще всего заканчиваются неудачей.

В.Луков. Массово-психологические процессы свидетельствуют о том, что рождается безрадостное отношение к жизни вообще, к такому социальному устройству, в котором твое мнение, твои усилия никому не нужны. Недавно смотрел снова фильм «Премия». Пафос пьесы в том, что люди не хотят быть пешками. Они стремятся верить в то, что от них что-то зависит. И как правильно говорит в этом фильме парторг, как-то незаметно случилось, что мы стали считать ненормальное нормальным...

П.Гуревич. Сложились стойкие предрассудки, будто народ проявляет правовую пассивность и чрезмерное долготерпение. Опросы российских граждан свидетельствуют о том, что 66% опрошенных все же предпринимали какие-то действия, направленные на восстановление своих законных прав. Однако для абсолютного большинства (73%) тех, кто пытался сопротивляться произволу, они оказались чаще всего напрасными.

В.Розин. В то же время нельзя сказать, что право полностью бездействует. Это не так. В стране, на мой взгляд, медленно идет сложный, противоречивый процесс становления права и гражданского общества. Люди учатся использовать закон и право. К тому же наличие законов и установка власти на признание гражданского общества создают, с одной стороны, соответствующие возможности развития социальной жизни, с другой — ограничения, отчасти сдерживающие незаконные поползновения различных социальных субъектов и сил. Правда, нужно сказать, что развитию положительных тенденций сильно препятствует отмеченное выше нигилистическое отношение к праву.

В.Луков. Мне кажется, что следует восстановить хотя бы те социальные институты, которые были при советской власти. Вспомните, существовал Партийный, Народный контроль. Можно было обратиться в первичную партийную организацию, в партбюро по любому вопросу и получить реальную поддержку, если речь шла о произволе, беззаконии, аморальном поведении. Даже Н.С.Хрущев, обладавший огромной властью, вынужден был отступить, когда попытался реконструировать Академию наук. Оздоровление общества — это, прежде всего, восстановление прямых полномочий различных социальных институтов — правоохранительных органов, армии, органов образования, государственных служащих. Без этого никакой диалог государства и общества невозможен.

В.Розин. Общество состоит из «общественных образований», например партий, союзов, групп, отдельных влиятельных личностей. Они обладают способностью вести эффективную политику, искать реальный выход из кризиса, формулировать самостоятельные цели, осуществлять движение по их реализации, осознавать свои действия. Общество образует некую целостность, обладает своеобразным сознанием, создает поле и давление, в рамках которых действуют общественные образования и социальные субъекты.

П.Гуревич. Может быть, есть смысл вернуться к мысли о том, что существуют, видимо, типологически разные формы влияния граждан на государственную жизнь?

В.Розин. Прообраз гражданского общества сформировался, видимо, в античной культуре. Именно здесь сложилась личность, то есть человек, способный к самостоятельному поведению. Возникли отдельные группы, союзы, сообщества, партии, преследующие автономные цели. Имея общий «плацдарм жизни» и социальные ресурсы, общественные образования стали взаимодействовать друг с другом, пытаясь склонить других участников общественного процесса к нужным для себя итогам. В результате этого политического процесса и складываются общественное мнение и решения.

Если говорить об обществе в теоретической плоскости, то можно выделить следующие три его характеристики. Первая: общество имеет два основных режима — активный и пассивный. В пассивном «общество спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует,

кажется, что такой реальности нет вообще. Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания», общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека культуры к различным социальным реалиям и процессам.

В.Луков. Нам следует озаботиться не фиктивными, а настоящими формами диалога власти и народа. Пока контакт будет воплощаться в формах декоративных, иллюзорных, социум будут подстерегать мощные силы распада. Рассмотрим некоторые впечатляющие иллюстрации такого мнимого диалога. Топ-менеджер Виталий Архангельский пожаловался в блоге Медведева на банкиров. Этот факт трактуется в газетах как пример прямой демократии. Глава государства еще раз подтвердил, что внимательно просматривает послания в личном блоге. Бизнесмен сообщил, что его замучили кредиторы. Он спрашивает, как среднему бизнесу завершить начатые стратегические для государства проекты и верить, что в России существует защита частной собственности. Вы уже читали, что президент дал поручение правительству РФ: «Целесообразно поддержать продолжение банковского финансирования проектов «Группы Осло Марин».

П.Гуревич. Такому развитию событий могли бы позавидовать даже транайцы.

В.Луков. Но ведь если задуматься, это частный случай. Он не свидетельствует ни о какой социальной тенденции. Такого рода деятельность должен вести не президент, а те инстанции, чьи полномочия строго закреплены. Частное вмешательство сановного лица способно только исказить общую картину общественной, хозяйственной жизни. Вот почему конкуренты тщательно изучают письмо Архангельского. Чем, мол, подкупил предприниматель главу государства? Может быть, тем, что отказался от зарубежного бизнеса и мучается на родине? Или смелым упреком отечественным банкам, которые, по мнению топ-менеджера, растаскивают то, что было нажито непосильным трудом. Завистники заучивают, как им кажется, наиболее удачную фразу из письма: «Очень хочу работать и предлагать свои знания на благо Великой России».

В.Розин. Из этого факта можно, пожалуй, сделать только один вывод. Не следует воспитывать массы, как сказано в известном фильме, на отдельном показательном примере. Важно анализировать тенденции, глубинные закономерности. Можно, разумеется, порадовать девочку из Забайкалья счастливой сказкой, но как благоустроить жизнь в глубинке, как избавить людей от нищеты? Если говорить по существу, то общество несет огромные финансовые потери от несогласованности, разгильдяйства, от покровительства коррумпированным чиновникам.

Из истории известно, что в ситуациях кризиса люди переходят к интенсивному общению. Они собираются вместе вне рамок социальных институтов и, главное, пытаются повлиять на общественное сознание друг друга. Результатом эффективного общения, как правило, является сдвиг, трансформация общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа — воодушевление, уверенность, уныние и т. п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения.

В.Луков. Еще раз надо задуматься над тем, что диалог государства и общества — особая форма их взаимодействия. И не единственная. И не обязательно эффективная. Диалог уместен тогда, когда силы его участников примерно

равны. Или дистанция между ними такова, что еще трудно сказать, кто из них и насколько сильнее. Пока равновесие неустойчиво, диалог ведется с явной или тайной мыслью, что в итоге победить должны мы. Даже и в платоновских диалогах равенство спорщиков показное: все равно правым окажется Сократ.

П.Гуревич. Но ведь силы общества и государства никогда не бывают равными.

В.Луков. В такой постановке видится и ответ на вопрос, возможно ли снова «заладить» диалог государства и общества в нашей стране? Если государству — в лице его главных структур и персонажей — оказывается доверие большинством народа, то государство может позволить себе диалог с обществом, более того — диалог, построенный на нравственных принципах, диалог, воспитывающий народ. То же можно сказать об обществе. Если структуры гражданского общества, не являющиеся прямым продолжением государственных органов (как «Единая Россия», например), набирают такую силу, что государство не может с ними не считаться, то тогда источником диалога — облагороженного нравственностью — становятся такие структуры. У нас пока таких структур в реальной политике нет.

П.Гуревич. Может быть, церковь?

В.Луков. Да, стоит принять в расчет набирающую политическую и нравственную силу Русскую православную церковь. Но РПЦ берет на себя политическую функцию отчасти вынужденно, компенсируя слабость гражданской оппозиции государству. В этих условиях широкий, общероссийский диалог в политике, экономике, вероятно, и в культуре может быть инициирован только государством, а с учетом его иерархической структуры — только высшими должностными лицами России. Разумеется, их понимание национальных интересов и их представления о нравственности окрасят этот диалог в какие-то свои, отличительные тона.

П.Гуревич. Значит, ситуация безнадежная?

В.Розин. Я так не считаю. В целом ряде российских регионов местные власти переходят к следующей политике. С одной стороны, понимая реалии, они не лезут поперек вертикали в пекло, а пытаются выполнить предписания и приказы Федерального центра или делают вид, что выполняют их. С другой, региональные власти изо всех сил стараются развивать свой регион, стремясь сделать его относительно независимым от Центра. В этом втором направлении работы местные региональные власти, безусловно, в той или иной мере, исходят из интересов целого (родного региона) и его населения. Конечно, региональные власти не забывают и себя. А почему, спрашивается, они должны о себе забыть — при правильном хозяйствовании забота о себе часто неотделима от забот региональных. Хорошо бы при таком подходе и подключить региональное сообщество.

В.Луков. Но региональное строительство или решение крупных экономических задач невозможно без активности и усилий всех основных социальных субъектов и даже, отчасти, всего населения региона или города. В свою очередь, подобная активность и усилия предполагают и новое видение действительности, новое отношение к различным социальным реалиям.

В.Розин. Современные исследования показывают, что и то и другое возникает тогда, когда общество «просыпается» и становится активным, когда в

результате общения и обсуждения изменяются общественное сознание и общественное мнение.

Само по себе местное общество, без социальных катастроф (война, революция, беспредел, невозможность существования и прочее), проснуться не может. Общество нужно, условно говоря, разбудить; необходимо инициировать ряд социальных процессов, которые бы возбудили активность населения и основных социальных субъектов. К числу последних может относиться, например, публичное обсуждение и экспертиза новых экономических проектов, дискуссии в СМИ, создание групп и обществ по поддержке тех или иных инноваций, подготовка в сфере образования новых специалистов, которые могли бы обеспечить нововведения, организация в культуре акций, направленных на создание соответствующей творческой атмосферы, формулирование и выдвижение новых общественных целей, призванных консолидировать и по-новому ориентировать население.

Существенную роль в этих процессах должны сыграть, с одной стороны, местные власти, с другой — деятели культуры и образования, а в регионе — университеты. Дело в том, что современный университет, особенно в регионах, является не только центром образования, но и культуры. Где, как не в университете, можно создать центры инноваций и проектирования, кто больше студентов потенциально готов к изменениям и экспериментам, к служению на благо малой родины?

В.Луков. Мы снова ставим задачи и ждем указаний высших властей. А чаще всего уповаем на власть. Но с чего начать? Вот вы, допустим, говорите об инновациях. Но чтобы стать инновационной экономикой, надо стать сначала индустриальной, как Германия, Япония и США. Но ведь мы-то оказались в доиндустриальной эпохе. У нас падает промышленное производство, мы так и не внедрили новые технологии, не смогли модернизировать парк оборудования. Можно ли надеяться, что инновации вытащат нас из кризиса?

В.Розин. И да, и нет. С одной стороны, налицо тенденция к установлению тоталитарного режима, процесс, который сегодня прикрывается имитацией демократических реформ. Но, с другой, одновременно с этим идет региональное строительство, рождаются живые формы социальной жизни, люди учатся правовым отношениям, сопротивлению властям, происходит смена поколений. Надо попробовать. Важную роль в названном диалоге начинает играть и процесс самоорганизации профессиональных сообществ. Не так давно (5 апреля) на «Эхо Москвы» обозреватель Юлия Латынина рассказала такую, как она выразилась, «духоподъемную» историю. В Санкт-Петербурге есть сообщество («Айти бизнес), торгующее, как я понял, электронным оборудованием и программным обеспечением. Фирмы этого сообщества регулярно грабили сотрудники МВД. Схема отъема чужого имущества была следующая. Покупали кого-то в прокуратуре, прокурор выписывал поручение, с которым на фирму являлись люди МВД. На основании этого документа у фирмы со складов забиралась аппаратура, как якобы контрабандная (или указывались другие причины). Затем аппаратура передавалась в РФФИ (Российский фонд федерального имущества), сотрудник которого, в свою очередь, отдавал приказ о реализации этого оборудования по суперзаниженным ценам через определенную фирму. Разницу клали себе в карман.

Что сделало сообщество, понимавшее, что действовать по закону бессмысленно? Во-первых, оно сорганизовалось. Во-вторых, крупнейшие фирмы, входившие в этот альянс, приняли хартию, запрещавшую продавать краденую продукцию. В-третьих, разыскали фирму, она называлась «Ультра Электроникс» (кстати, подписавшую Хартию), через которую продавалась эта продукция. В-четвертых, все перестали работать с этой фирмой; кроме того, с ней перестали работать банки и западные партнеры. В результате «Ультра электроникс» мгновенно обанкротилась.

Какой смысл в шутке «гласности у нас много, слышимости мало»?

В.Луков. То, что эта шутка всем понятна без комментариев, означает, что ее смысл повсеместно прочитывается как относящийся к нынешней ситуации и точно ее отражающий. Тут не до шуток. С гласностью тоже не все нормально. Формально вы можете обратиться в любую инстанцию, вплоть до президента. Люди еще надеются, что можно добиться справедливости и правды. Моя знакомая решила снять квартиру, поехала в соответствующее агентство, выбрала нужный район, заключила договор, заплатила деньги. Когда на следующий день она с вещами приехала на квартиру, оказалось, что в доме живут другие люди и сдавать квартиру не собираются. Бросилась в агентство, а его и след простыл. Обратилась в милицию. Там разъяснили, что такого рода обман — не редкость. В сущности, это своеобразный бизнес. Попросили проявить бдительность: если увидит обманщиков, немедленно сообщить в милицию. Как изысканно милиция переложила свои полномочия на жертву аферы!

В.Розин. Риск гражданина пасть от рук преступников значителен. В среднем по России ежегодно происходит 30 тысяч убийств. Но статистика лукава: скончалась жертва на месте преступления — убийство. Умирает в больнице через 6–8 часов — уже смерть, наступившая от тяжких телесных повреждений. Поэтому убивают в России на самом деле куда больше. Примерно 40 тысяч пропадают из вести. Потом обнаруживают трупы, часто со следами насильственной смерти. На втором месте по степени риска — дорожно-транспортные происшествия. Примерно 30 тысяч жертв ежегодно. Ни одна страна такой цифры не имеет. На третьем месте — пожары. При этом регистрируется 3 миллиона преступлений. На самом деле их в три раза больше. Согласно социологическим исследованиям, обращаются в инстанции только 40 процентов пострадавших. Остальные никуда не идут. Просто не верят в правосудие, в милицию. Сталкиваются с тем, что преступники иногда действуют заодно с милицией.

Каковы последствия такого разлада в современной России и надо ли «молчать в тряпочку»?

В.Луков. Неорганизованность диалога государства и общества и разлад — не одно и то же. Разлад в стране («...и все в разъединении» — из «Гамлета») — особое состояние утери народом объединяющих целей и ценностей, утери жизнеспособности, канун гибели. Думаю, Россия, пережившая 1990-е годы,

сейчас поддерживается на плаву активностью множества действий, нередко противоречивых и трудно предсказуемых, но именно активных и осуществляемых сразу многими — тут вперемежку нефтяники, деятели искусства, мелкие торговцы, эксперты, олигархи, госслужащие, ученые, студенты, дипломаты... Что-то похожее на лягушку, попавшую в крынку со сметаной и спасшуюся тем, что активно барахталась, сбила масло и смогла опереться на более или менее твердую поверхность, чтобы выпрыгнуть «в свободу». Пока не иссякла активность действий и сохраняются ожидания от власти, о разладе говорить преждевременно.

В.Розин. Это так, но проблема в том, что у власти нет стратегии. Вся ее антикризисная логика состоит в ожидании нового скачка цен на нефть. Все решения в экономической и социальной сфере связаны с тем, чтобы дожить до этого замечательного дня.

В.Луков. Но все-таки за последнее время произошли в целом и позитивные события. Предотвращен банковский кризис. Приостановлен промышленный спад.

В.Розин. Но речь идет о восстановлении диалога общества и государства, а не о частичных успехах правительства.

В.Луков. Здесь затронут интересный феномен, который уже получил свое название в последних строках «Бориса Годунова». Напомню: для того чтобы возвести на престол Лжедмитрия, устранено последнее препятствие — убит сын царя Бориса. И боярин Мосальский (в современном понимании госслужащий высокого ранга) восклицает: «Народ! Мария Годунова и сын ее Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». Ремарка Пушкина: «Народ в ужасе молчит». Мосальский продолжает: «Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!». Вот тут и появляется ставший символом отношений народа и власти пушкинский приговор: «Народ безмолвствует». У Пушкина совершенно ясно прочитывается в этом безмолвии осуждение — чего же? Нечистой совести власть имущих — того, что стало для царя Бориса испытанием, превосходящим иноземное нашествие, вселенский голод и разорение страны. «Народ в ужасе молчит» и «народ безмолвствует», вообще-то, разные состояния народного духа. В первом сквозит подавленность и растерянность. Второе наполнено силой неприятия и силой преодоления.

П.Гуревич. Диалог общества и государства, как показало наше обсуждение, проблема не только актуальная. Она в известной степени даже важнее, чем многие экономические и финансовые вопросы. Известно, что сила страны определяется не только техническим гением, изворотливостью финансовых многоходовок, ракетной мощью. Она, как показывает наш исторический опыт, обусловлена единством власти и народа, тем единством, которое прекрасно и уже невозвратно выражено в строчках поэта Иосифа Уткина:

Тяжелая — забудется,
Хорошее — останется,
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.

Сегодня, к сожалению, у Родины, у элиты и у народа — разные жребии. Осенью, когда наш номер журнала выйдет в свет, страну может охватить вторая волна кризиса. Какие коррективы она внесет в нашу жизнь? Несомненно влияние диалога государства и общества на внутреннюю жизнь страны, на внешнеполитическую обстановку. Это вопрос о судьбе страны, ибо разлаженная, расхлябанная государственная система, оторвавшаяся от общества, от народа, — предвестие катастрофы. Мы еще не до конца осознали те последствия, которыми чревата утрата диалога власти и народа.

Власть сегодня убеждена в том, что народ ее действительно любит. И в том, что для сохранения этой популярности надо только чаще показываться на экране, говорить в камеру правильные слова, мелькать в городах и весях. Между тем в условиях кризиса не обойтись без откровенного разговора с народом о допущенных ошибках, о провале модернизации страны, о причинах, которые создали крайне нежелательный имидж страны в мировом общественном мнении, о лицемерии, которое связано с коррупционной кампанией, о неэффективности вертикали власти. В противном случае разрыв между обществом и государством окажется зияющим. Забыто мудрое предостережение: нельзя долго обманывать народ. Если люди не способны отличить иллюзию от реальности, значит, они близки к катастрофе.

Наше общество становится все менее и менее критичным в отношении своего социального организма. Оно пребывает во властном делириуме, полагая, что всякий объективный анализ социальных процессов только мешает власти реализовать собственные программы. Среди других иллюзий укоренилось убеждение, будто мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества. Поэтому критика воспринимается как деструктивная сила. Между тем нам нужны ответы — простые, абсолютно честные ответы на чрезвычайно сложные вопросы. Надо уяснить: «эффективная» демократия может означать только кастрированную демократию. Но подлинное народовластие не имеет ничего общего с формальной риторикой, публичными вторжениями власти в общественную жизнь без ясного понимания реального положения вещей, с культом силы и безнравственности, с поляризацией интересов разных социальных групп страны. Важно вернуть социальным институтам их подлинное предназначение — прекрасная политическая программа для любой партии.

Если цивилизация не способна отличать иллюзию от действительности, она близка к закату. Уже сейчас в обществе утрачены необходимые скрепы. Государство и народ живут, словно в разных измерениях. Отчаявшись войти в контакт, люди начнут выживать без государства. Но в этом случае и само государство может превратиться в некую бутафорию, стать столь же условным, как британская монархия. Но есть более печальный сценарий. Опыт деполитизации приведет к тому, что никакой подъем национального самосознания окажется уже невозможным. Нация и власть станут загнивать, деградировать одновременно.

ПУБЛИКАЦИИ

Религия

Рустам ТУХВАТУЛЛИН

О КОДЕ КОРАНА

Я по профессии врач, кандидат медицинских наук. 13 лет преподавал на кафедре «традиционной медицины» Башкирского государственного медицинского университета. В 2000 году увлекся изучением священных писаний, в которых, по мнению многих ученых с мировым именем, содержится немало мыслей и идей, представляющих интерес для ученых.

Постепенно мое увлечение из хобби переросло в профессиональную деятельность: с 2008г. издаю всероссийский научно-просветительский вестник «Азбука Корана», в котором знакомлю читателей с научным видением текстов Писания; на базе мечети Хасан-Нур образовал рабочую группу светских ученых-единомышленников, создав независимый научно-исследовательский центр «Нур» по изучению Корана, рассматривая его как своеобразный генератор научных идей.

Впервые соприкоснувшись с религией, мы часто смотрим на нее глазами своего профессионального опыта. Будучи врачом, и я взглянул на религию со своей колокольни — с медицинской точки зрения. В медицине есть области, где лечение напрямую основано на вере пациента, например, психотерапия. И я не только не усмотрел в религии большой «крамолы» для своего дела, но и был весьма удивлен, как такой мощный рычаг воздействия на человека, как вера, мог оказаться за пределами внимания врачебной практики. Кроме того, медицина тесно граничит с нравственностью, а религия — оплот нравственности. Как известно, безнравственный врач всегда хуже самой болезни.

Так я открыл для себя, что медицина и религия — это две более взаимосвязанные области, чем может показаться на первый взгляд.

Тогда у меня возник вопрос иного рода: почему же наука до сих пор не использует возможности религии? Почитав и узнав мнения ученых на этот счет, я понял: наука всегда основывается на эксперименте, который могут повторить другие, поэтому она не жалует религию, где все субъективно, а значит недостоверно. От того-то ученый мир просто не воспринимает ее. Например, знаменитый математик и философ Бертран Рассел, известный также в научной среде по полемическим заметкам на тему «Почему я не христианин», в своей статье «Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию» написал:

«... я не могу отрицать, что религия внесла определенный вклад в цивилизацию. Она помогла на заре существования человеческого общества изобрести календарь, и она же заставила египетских жрецов так тщательно устанавливать время затмения, что впоследствии они оказались способны их предсказывать. Эти два добрых дела я готов признать, но никаких других за религией я не знаю».

Но так ли это? Любая религия основана на вере в невидимое. А именно это помогло открыть невидимые воздух, электричество, радиацию... И на самом деле она сделала для науки гораздо больше: она вдохновляла умы. И поэтому за религией много больше заслуг, чем составление календаря или предсказание затмений. По сути, она и создала науку. Ибо многие идеи, доказанные научно, вышли когда-то из писаний: так, посты перешли в лечебное голодание, целительство превратилось в психологию, мысль о бессмертии души преобразилась в геронтологию (науку о долголетии), а законы Божьи — в конституцию. Да и многое еще прямо или косвенно связано с ней.

Я сам, следуя своим рассуждениям о влиянии веры на человека, весьма успешно стал применять «метод обращения к Богу» для снятия психологической зависимости от табака. Ведь наша медицина сегодня лечит лишь физическую зависимость — убирает абстинентный синдром. Но остается зависимость психологическая. Все методы медицинской психологии по «удалению» этого образа дают весьма условные результаты — еще никого не удалось отучить от этой вредной привычки «запугиванием» или методом убеждения. Тогда как простое обращение к Богу самого пациента достаточно быстро рассеивало патологический образ, поскольку Господь — это более сильный и важный образ в разуме человека. То есть вера ему больше, и это давало весьма стойкий эффект.

С этих размышлений, собственно, и началось мое осмысление проблемы взаимоотношения религии и науки. А непосредственным толчком, если можно так выразиться, к основательному изучению Священного Писания стало признание профессора, доктора медицины, действительного члена Академии наук Франции Мориса Бюкая: «Если бы я знал Коран раньше, я не шел бы вслепую в поисках научного решения, у меня была бы путеводная нить!» («Коран и современная наука»).

Путеводная нить, служащая верной подсказкой для направления научных поисков... «В эпоху, когда человеческая мысль оказывалась бессильной осознать сложные истины, само содержание Корана намекало на их решение. И эти намеки, с развитием интеллекта и расширением знаний человека, затем проясняли проблемы того времени» (Мусави Лари).

Это была хорошая мысль, и я взял ее на вооружение в своих поисках истины.

И первое, с чем я сразу же столкнулся, — это отсутствие единого понимания текстов Писания — каждый толковал их так, как понимал сам. Причем, два автора, выступающих в одной монографии, нередко противоречили друг другу. Да и сам разбор текста был весьма далек от научного — где-то на уровне средневековья. Так что доктор Бюкай и некоторые другие ученые, заметившие научную мысль аятов (стихов) Корана, выглядели белыми воронами на общем фоне. Как я вскоре понял, причиной такого «разнобоя» в толковании Писания явилось отсутствие единого понимания терминов книги. Иными

словами, теологи совершили ошибку, которую не совершил бы самый маломальски грамотный в своей области специалист. Поэтому мне пришлось с этим и разбираться в первую очередь.

Ключом к раскрытию терминов Писания мне послужил метод тафсира, предлагаемый самой Книгой. «Тафсир» можно понимать как «толкование слова». Поясню: значение каждого слова Корана скрыто, а раскрывается оно с помощью сочетания нескольких слов. Например: суд — суть дел, суета — «суть Я та»; простить — просто забыть; совесть — «со вестью от Бога» и т.п. К слову сказать, сегодня филологи также уже берут этот метод на вооружение, например, слово «пес», по их мнению, пошло от слов «пасти стадо». Но в Коране-то он был предложен почти полторы тысячи лет назад и оказался верным!

Тафсир дал понять, почему в Коране слово «книга» часто используется с эпитетом «ясная»: *«Это знаки Писания и Корана ясного»* (Коран. Сура 15, аят:1). Ведь таким образом и удалось раскрыть тайный смысл фразы *«Превращаешь Ты ночь в день, и превращаешь Ты день в ночь»* (3:27). Термин *«превращение»* толкуется как «при вращении». Сразу же становится понятным смысл высказывания и весь контекст. Так Коран описывает процесс смены дня и ночи при вращении Земли вокруг своей оси. При этом заметьте, как основательно все изложено: *«Превращаешь Ты ночь в день, и превращаешь Ты день в ночь»*, то есть показано, что и обратный процесс перехода дня в ночь также идет путем вращения. А это уже научная подача информации, требующая подробного и точного изложения. Глагол «превращать» и показывает, что вся мистика Корана заключена в описании невидимых процессов видимого мира. И хотя мы не видим самого вращения, Книга говорит о нем. Знания подобного рода мы называем фактами.

Другой пример. Вот что говорит Коран о происхождении Вселенной: *«И размышляют они о сотворении Небес и Земли: «Господь наш! Сотворил Ты это не с пуста»*. (3:191). «Не с пуста» — значит «не из пустоты». Сегодня известно, что во Вселенной нет пустого пространства, а все, что прежде считалось таковым, на самом деле заполнено волновой составляющей. Значит, и сама материя возникла из своей более «разряженной» волновой формы.

Все это по религиозной терминологии — «тайное знание». Именно оно делает Писание знанием как таковым. Религия, а точнее, ее учение — это тоже наука, но наука о скрытом мире первопричин или, в терминологии писаний, о духовном мире. Слово «дух» же здесь служит синонимом слова «мысль». И данные их учений — это какая-то идея. Например, Коран подал идею о вращении тел небесных: *«Ибо Он — тот, который сотворил ночь и день, и Солнце, и Луну — каждое в круге своем плывут они»* (21:33). Круги — это орбиты. Если эту идею соединить с предыдущей мыслью о смене дня и ночи, происходящее также путем вращения, то, исследуя их в жизни, и можно прийти к открытию гелиоцентрического устройства солнечной системы, которое и сделал спустя столетия великий ученый Коперник. Поэтому идеи писаний надо было просто доказывать.

Но если смысл писаний вполне научен, то где же разошлась религия и наука? Оказывается, все в тех же терминах. Религия описывает мир-невидимку, используя язык метафор, который нужно адаптировать к профессио-

нальному мышлению. Например, скажи врачу *«богослышимость»* — этот термин для него окажется неудобоваримым. И он вполне резонно может подумать, а не съехала ли у этого человека крыша? А вот если скажешь «трансовое состояние», он это воспримет вполне нормально. А ведь суть-то слова одна и та же, и то и другое подразумевает раскрытие творческого потенциала человека. И чтобы это понять, ученым надо было разобраться в писаниях. Да не со слов верующих людей, у коих чувство часто доминирует над разумом, а самим изучить их как научные труды. А иначе, как сказано у Козьмы Пруткова: «Не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?»

Сегодня отношение ученых к Корану постепенно пересматривается. Огромные научные знания, заложенные в Коране, многие научные предсказания, содержащиеся в нем и периодически подтверждающиеся наукой, делают его объектом пристального внимания наиболее прозорливых ученых. Например, Кейт Мур, врач и ученый из университета Торонто, сказал, что если бы он прочитал Коран 20 лет назад, то получил бы Нобелевскую премию тогда, а не сейчас. Добавлю, что он еще написал и учебник «Эмбриология человека с исламскими добавками». В нем он использовал аяты, напрямую связанные с внутриутробным развитием человека.

То есть Коран является и мощным генератором серьезных идей в науке. В этом и состоит его научная ценность. Вот только изучать надо сам оригинал, а арабского языка мы, увы, не знаем в большинстве своем. Да и вряд ли когда им овладеем. Но можно ли Коран воссоздать на других языках? Оказывается, можно. Об этом красноречиво говорит и сам Коран: *«Облегчим Мы его тебе на языке твоем, дабы мог ты радовать им богобоязненных и предостеречь людей упрямых»* (19:97). «На языке твоем» и значит на том, на котором говорит в данном случае мусульманин. То есть само Писание допускает возможность и не арабских его вариантов. Огульное отрицание многими современными священнослужителями такой возможности не основано на фактах, и потому их мнение является субъективным. И чтобы разобраться, возможен ли Коран на других языках с точки зрения науки, я исследовал Писание дальше.

Сам Коран сравнивает себя с зашифрованной Книгой: *«Поистине, обратили Мы ее Кораном арабским, возможно, уразумеете вы. Ибо, поистине, он входит в Матерь Книги, что при Нас — Всевышним, Мудрым»* (43:3,4). Подругому «Матерь Книги» Коран еще называет *«Китабун маркумун»* (83:9) (буквально «Книга цифровая»). «Маркумун» — значит «цифровая», а слово «ракам» — цифра — входит в такие словосочетания, как *ал-аркам ас-сиррийа* (тайные цифры), то есть шифр. Поэтому иногда это сочетание переводят как «Книга, записанная кодом». Это значит, что в Книге присутствует некий «код» изложения, который оказался весьма несложным для понимания. Дело в том, что каждый термин Корана имеет два значения — прямое и переносное. Переносность изложения текста и образует «двоичный код» Корана. Например, фразу: *«И обратил тьму и свет»* (6:1) в буквальном видении можно понять, что свет и тьма сменяются за счет обращения (вращения) Земли. Тогда как переносное значение ее говорит о том, что, обращаясь к Аллаху, человек из тьмы невежества попадает в свет разума.

И этот «двоичный код» Корана передан глаголами. Коран не зря называет себя еще и руководством к жизни: *«низведен был Коран, как руководство людям»* (2:185). Иначе говоря, это инструкция для человека, отвечающая на вопрос «что делать?». И для того чтобы ее понять, достаточно было разобраться в глаголах Книги. Выяснилось, что знания в ней «зашифрованы» четырьмя из них: творить, созидать, утверждать и обращать. «Сотворить» — это значит «задумать». Второй глагол — «создать» — подразумевает воплощение задуманного в виде виртуальной модели. А вот «утвердить» — это «сделать твердым», то есть материализовать его. И, по Корану, мир вначале был сотворен Аллахом, затем создан в духовном мире, а затем и утвержден (материализован).

По Корану, мир состоит из трех сфер (миров): из сферы разума, где копятся знания (это мир разума — та самая ноосфера по Вернадскому), духовной сферы, где воплощаются сотворенные идеи в виде образов (духовный мир), и сферы материи (материальный мир), где все это приобретает материальную форму. И изложенные именно в такой последовательности: сотворить, создать и утвердить, эти глаголы открывают смысл любого аята. Ими Коран четко разграничивает, в каком мире что происходит. Ибо все, что описано в нем, происходит в одном из трех миров.

Это дает понять, о чем идет речь в Книге, и убирает иллюзию наличия «чудес» в ней. Например, явление (слово, часто употребляемое писаниями) — это действие, происходящее в мыслях, или по Корану, в мире разума. И когда пророкам «являлись ангелы», то это было лишь в мыслях человека и говорило о смене состояния их сознания, то есть о выходе на новый уровень творческих возможностей их интеллекта. Если же фразу понять буквально, то есть перенести явление в мир материальный, то и получается чудо. Тогда как на самом деле Писание полностью лишено какой бы то ни было сказочности. Только то, что ученые не разобрались в этом «шифре», и послужило причиной, по которой они приняли мудрые Книги за собрание «таинств и чудес».

Механика же действий, происходящих в трех мирах, обозначена четвертым глаголом — «обратить». Например: *«И обратил Он в ней (Вселенной. —* Прим. автора*) плотность над ней (образовал некое круговое уплотнение, определив им диаметр будущей Земли)»* (41:10). Глагол «обратить» определяет все тайнодействия Вселенной. Ведь если разобраться, то все вокруг нас основано на вращении: вращаются электроны вокруг атомов, планеты вокруг звезд, происходит кругооборот вещей в природе, кровь вращается в организме, в технике все от мясорубки до турбины самолета работает, вращаясь; на вращении основаны игры, например, хоровод, рулетка, спортивные состязания идут по кругу — хоккей, велогонки, обращается капитал в экономике, человек «вращается» в разных «кругах» общества и т.д.

Другими словами, духовный глагол «превращать» является вполне научным термином. Он предполагает свой метод — «метод вращения», который используется везде. Так одним глаголом Коран отразил основной принцип действия незримых сил Вселенной.

На основании полученных результатов я сделал для себя следующие выводы:

1) «Метод тафсира», или более точного толкования слова, позволяет успешно работать с терминами Корана. Метод указан в Коране, но понимание

его было утеряно со временем, и сегодня тафсиром в исламе считается то, как понял Писание сам толкователь, а не разбор слова, помогающий определить его точное значение.

2) Использование этого метода позволяет выявить скрытую, «тайную» часть учения, заключающуюся в описании невидимых процессов видимого мира, призванных направлять работу творческой мысли ученых.

3) Тафсир работает на любом языке, поэтому его можно использовать для разбора и других писаний.

4) Выявленный своеобразный двоичный «код» Корана помогает отделить прямое и метафоричное понимание сказанного в Книге. По сути, он показывает разные уровни понимания идей Писания. «Код» представляет собой точную последовательность изложения четырех глаголов: сотворить, создать, утвердить и обратить, которые служат и основой-алгоритмом для изложения событий в тексте Корана, помогая увидеть в нем начало, середину и конец. Прежде же считалось, что Коран — это собрание логически не связанных между собой сур-проповедей.

5) Данный алгоритм является универсальным и вполне применим к другим писаниям.

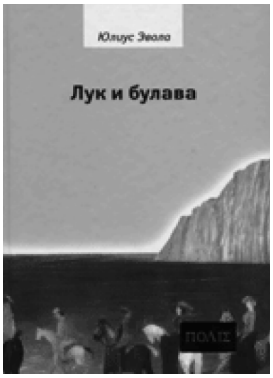
6) Зная же основу изложения Книги — ее своеобразный код, — можно «клонировать» ее на любом языке. Ведь если передать эти четыре глагола точно, то остальные термины Корана будут переданы правильно автоматически. А это убережет его от искажений. Например, когда речь идет о том, что человек должен что-то дарить, то есть делать это своим даром или талантом (речь идет о мире разума — творчестве человека), переводчики ставят вместо глагола «дарить», определяющего духовное действие, глагол «тратить» — определяющий материальное действие. Это и вносит искажение, поскольку меняет смысл сказанного (нельзя же истратить талант!).

В переводах обычно не соблюдается точная передача терминов. Например, во фразе «Превращаешь Ты ночь в день...» вместо глагола «обратить» ставят глагол «сменить». Тогда фраза звучит так: «Сменяешь Ты ночью день». А это не сохраняет научный дух Писания. Если же переводчик интуитивно где-то и выбирает нужный глагол, то, не зная о законах изложения Корана в целом, в другом месте он уже заменяет его другим глаголом «для насыщенности» текста, что запутывает читающего.

Этим переводы и отличаются от оригинала — их невозможно верно толковать.

А в заключение приведу суждение французского ученого Букейля, которое как нельзя лучше выражает то, чем я руководствовался в свой работе : «Решающим фактом является то, что Коран, приглашая нас развивать науку, сам содержит множество наблюдений по природному феномену и включает объясняющие подробности, являющиеся в полном согласии с современной наукой. Подобного нет в иудейско-христианском Откровении».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ



КРИЗИСНЫЙ РАСПАД ИДЕНТИЧНОСТИ

Эвола Элиус. Лук и булава / перевод с итальянского В.В.Ванюшкиной. — Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2009

Еще несколько десятилетий назад трудно было себе представить, что Китай по существу с невероятной быстротой начнет уничтожать свое тысячелетнее прошлое. Мало кому приходило в голову, что страны так называемого Востока начнут с немыслимой скоростью усваивать ценности европейского мира, опережая Европу в процессе вестернизации. Глобальный кризис разрушил многие еще недавно расхожие социально-философские концепции, показав их несостоятельность. Он поставил перед социальными философами проблемы, не только связанные с выходом из кризиса. Возникла потребность осмыслить социально-исторические корни современной цивилизации, подумать о совершенно фантастических вариантах общемирового устройства.

Итальянский мыслитель Элиус Эвола — известный последователь доктрины «традиционализма», связанной, прежде всего, с именем Рене Генона. В числе других сторонников этой концепции швейцарский метафизик, художник и поэт Ф.Шуон, знаток традиционного искусства А.Кумарасвами, философы Т.Бурхард и С.Насра. Традиционалисты полагают, что европейский путь развития можно считать тупиковым. Отход от Традиции, безотчетное увлечение прогрессом, технико-рационалистический тип мышления — это врожденные пороки современной цивилизации, которые приведут ее к гибели, если она не преодолеет соблазны демона современного уклада жизни.

Эвола сетует на то, что интеллектуальный тупик современного мира, аляповато украшенный арабесками «технических достижений», определяет сегодня правила всякой интеллектуальной игры, любого дискурса. Человечество перестало доверять интуиции. Ко всякого рода социальным наитиям оно относится с опаской, предпочитая тут же обрабатывать их единственно послушным ему интеллектуальным приспособлением — рацио. Итак, попробуем вырваться из рационалистической ловушки и доверимся мощной интуиции, которая писала многие культуры высокой духовности. Критику социальных, интеллектуальных, экономических, этических и духовных основ современности Эвола начал еще в книге «Восстание против современного мира». Автор усматривает радикальное отличие современной цивилизации от традиционной.

«Следы, оставленные древними первобытными цивилизациями, нередко таят в себе особый смысл, ускользающий от праздного взгляда. Созерцая

остатки древнейшей греко-римской, египетской, персидской, китайской цивилизации, вплоть до загадочных и безмолвных памятников эпохи мегалита, разбросанных среди пустынь, степей и лесов, эти застывшие в камне последние свидетельства давно поглощенных пучиной времени миров, невольно спрашиваешь себя, в чем состоит тайна их упорного сопротивления времени — только ли в счастливом стечении внешних обстоятельств, или же в этом скрыто некое символическое значение» (с. 36).

В отличие от «цивилизации пространства», которая характерна для современного мира, древние культуры были «цивилизациями времени». Традиционный образ жизни сохранял свою тождественность на протяжении веков и поколений, храня верность одним и тем же принципам, тем же устоям, тому же мировоззрению, которые, разумеется, в чрезвычайных обстоятельствах менялись, но внутренне сохраняли свое «культурно-цивилизационную идентичность». Социальные философы и историки называли такие культуры «застывшими», «неразвитыми», «патриархальными». Но Эвола оспаривает этот взгляд. Он называет эти культуры «цивилизациями бытия». Их сила проявлялась именно в их идентичности, в победе, одерживаемой ими над становлением, над историей, над изменением, бесформенной текучестью. *«Они обладали прочной корневой системой, уходящей в глубину, далеко за пределы текущих, переменчивых вод»* (с. 38).

Что же касается современных цивилизаций, то их скорее можно назвать «истребителями пространства». Они производят неисчерпаемый арсенал механических средств, предназначенных для максимального сокращения всякой дистанции, всякого расстояния. Им присущи доведенная до предела потребность иметь, страх перед всем отдаленным, уединенным, глубоким и далеким, стремление повсеместно распространить себя, максимально расширить себя, узнавать себя в чем угодно, обнаруживать себя везде и повсюду, только не в себе самом.

Несколько лет назад эти рассуждения, возможно, показались бы достаточно тривиальными. Однако сегодня, когда народы и расы утрачивают свою тождественность, есть смысл всерьез задуматься, скажем, над тем, что представляют сегодня «Запад» и «Восток» и насколько состоятельны многие культурфилософские построения, связанные с противопоставлением этих крупных миров. Действительно, Восток обнаружил гораздо более высокие темпы вестернизации, чем некоторые страны Европы, не говоря уже о Средней Азии, Японии, Китае и Индии, «оплотах» традиционного мировоззрения. К концу прошлого столетия они стали «развитыми западными странами» в самом буквальном смысле слова, а Япония даже более «развитой западной страной», чем любая западная страна географически. Традиция совершает круговое движение, демонстрируя свой центр в зависимости от временного цикла, последовательно на востоке, на юге и, наконец, на западе, прежде чем вернуться к истоку.

В свете этого противопоставление Востока, считает Эвола, как традиционной цивилизации некоему Западу может быть лишь условным и частным. Кроме того, он подвергает справедливой и обоснованной критике ту наивную идею, будто бы «восточная духовность» и некое «точное западное знание природы» могут слиться в некоем «синтезе» в перспективе развития современной цивилизации. На самом деле единственно мыслимая форма этого синтеза была реализована в рамках мировоззрения, характерного для любого тради-

ционного общества, и находится не впереди, но позади процесса развития современной цивилизации. *«Отныне этот Восток — с его мудростью, знакомой нам по традиционным, гностическим, мистическим и метафизическим текстам — только в абстракции и ретроспективе. Возможно, там еще остались отдельные центры, сохраняющие традиционное наследие в его живом и подлинном виде. Однако в силу сложившихся обстоятельств они становятся все более закрытыми и труднодоступными и не оказывают существенного влияния на развитие Востока, в отличие от исторически возобладавших там сил»* (с. 276–277).

Однако вряд ли можно согласиться с Эволой в том, что Восток уже не представляет опасности для Запада. Быстрое экономическое развитие Китая, реализация удачной антикризисной программы, которая дает плоды в этой стране, свидетельствуют о том, что Восток выходит на историческую арену в качестве мощной социальной силы. Разумеется, Китай вовсе не демонстрирует мощь особого цивилизационного феномена. Напротив, он стремительно входит в русло современной «культуры пространства». Глобальное мышление стирает различие между традиционной и современной цивилизацией. Человечество в целом озабочено захватом новых территорий, в том числе и за пределами Земли. Оно обещает «развитие» и прогресс», а на самом деле погружает мир в хаос. Когда говорят о «стабильности», то имеют в виду не некий исторический срок, а лишь самое ближайшее время, которое тут же готово исчезнуть, уступив место иной перспективе.

В этом контексте заслуживает внимания критика демократии, которая служит, по мнению Эволы, знаком современной «культуры пространства». Итальянский мыслитель характеризует ее как опускание жемчуга власти в придорожную грязь. Иерархический центр, которому придает огромное значение Эвола, смещается и растворяется в бескрайнем море периферии. Чуждые культуры и расы становятся более равными в правах, чем коренное население тех стран, куда они были завезены или иммигрировали. Охрана их «естественных прав» становится основной заботой правительства, с достойным уважения упорством пестующего все чужеродное в ущерб коренным гражданам, что уже приняло характер физического насилия.

В качестве социального критика Эвола, безусловно, доказателен. Западная культура действительно становится объектом острой и проницательной диагностики. Однако итальянский мыслитель оставляет в стороне вопрос о том, в какой мере ценности традиционной культуры могут сегодня возродиться. Здесь его аналитическая мысль оказывается оторванной от современных реалий и обретает черты абстрактного провозвестия. Можно полагать, что следует уповать на Провидение. Но опыт истории достаточно трагичен. Да, приходили пророки и аватары, указывали путь с помощью светильника. Но, увы, история продвигалась собственным маршрутом.

Все же книга Эволы может расширить рамки современной дискуссии о выходе из критической ситуации, о противоречиях глобализации, о драматической утрате собственной идентичности для многих стран и народов.

Эльвира Спирова

SUMMARY

PRESSING TOPICS

Shamil Abdurashitov. ON ENERGY SECTOR AND ENERGY-SAVING

1. Resource-saving is one of the most vulnerable and acute problems of all Russia's economy. There is no natural and material values of any kind, caretaking of which would not asked for a serious criticism in our society. The land and woods, waters and bowels, metals and building materials, timber and stone, dwellings and roads, machinery and foodstuffs — anything you take is suffering spendthrifting and negligence. This grievous background of all-embracing slovenliness makes it to be specially bad thorn in our flesh the way we use our fuel and energy resources — coal and gas, mineral oil and the electric power, heat energy and secondary power resources.

2. There is a kind of psychological deceit in the business of energy-saving. The Man by the very his nature is to quickly react at just the events that result in instant, tangible and visible effect. Everything beyond that, whatever attractive or appealing, requires some thinking over or, in other words, calculation and comparison. Among these things are, certainly, all forms of energy-saving that demand the energy-consumer's time, money and will before he or she would dare to use something new in his or her energy sector. Meanwhile, the many-year-practiced introduction of energy-saving technologies proves, that, in general, adoption of energy-saving technologies costs the society and the state 3 to 5 times cheaper than the construction of power sources of equal capacity.

3. The problem of energy-saving does not belong to those that, having been solved once, would save the people of the bored and exhausting troubles for ever, the way the infectious diseases, illiteracy, homelessness, impassability etc would do. Here we have a knot of several problems, where scientific and technological ones couple with the production, and wildlife care, and ecology, and sanitary conditions people live in, and moral aspects, saying nothing of problems of economy, resources, finance investments. Thus, it would a grave error to perceive this problem as something that could be fundamentally remedied and hence done with.

4. The acuteness of the problems of reasonable and rational use of power resources will remain with us for ever now, that is why finding out solutions in energy-saving should be the business done not by those who had been summoned by some initiative order, but by the whole industry, perhaps, even a ministry for energy-saving. It would become an active counterbalance to Russia's the whole fuel & energy complex, and could also serve as an 'energy-compensator' , whenever there is a shortage of primary energy carriers (coal, oil and gas) and secondary ones (electricity and heat).

Nelly Motrosheelova. THE RUSSIAN REALITIES AND DISCUSSIONS VIEWED THROUGH THE PROBLEMS OF THE CIVIL SOCIETY (Completion)

1. In the near-term outlook, I am afraid, we are to see no alleged 'objective', 'self-regulating' free market mechanisms working, nor the good will on the part of present manufacturers and traders. Well, the quality of goods is being regulated all the same in the whole civilized world, any spontaneous and unanimous price rise is being stopped by innumerab-

le special mechanisms, including the state involvement, that is considered neither some sort of infringement, nor violation of market freedom, but is seen as bringing the market into the civilized frameworks, for, otherwise, it threatens to become barbarous. Even more important are *the conscious, civilized activities of the manufacturers and traders themselves, including the mechanisms of internal, free, voluntary responsibility introduced into the world of their values, into the consciousnesses of business, professional ethos.* **We still lack all of this.**

2. The political parts of the civil society activities are to be the same thing again — to control the state functioning by the citizens, in this case, in the specific sphere of politics, primarily, through the corresponding non-governmental organizations, or politically orientated associations. When the electorate just go (or do not go) to vote, they function as citizens of the state. While when they establish, say, independent associations of voters to control the 'purity' of elections and to prevent all those dark (from grey to black) sides of preparing and running the elections, they are already engaged in the activities of the civil society and its organizations.

3. These might become the civil society points of growth — *charitable, philanthropic societies, foundations of all various type or format.* **In Europe and other continents, as well as in Russia's history, that kind of organizations (as a rule, based upon the money saved up, collected or being collected by someone) were the appreciable phenomena, they displayed the solidarity, civil and just human compassion, humanism, etc. Today, the likely societies and persons are greatly needed in Russia.**

4. The true Russia's misfortune, as has been stated more than once, are the problem families, in which the parents had fallen to the very bottom of life, while their small children had been cast loose, and doomed to illnesses, illiteracy, vagrancy, crime. Of course, it is the system, complex and very hard problem. But, for one, it has been caused by the connivance and indifference of people living around!

GEOPOLITICS

Tiberio Graziani (Italy). THE ECONOMIC CRISIS OF THE WESTERN SYSTEM: A GEOPOLITICAL APPROACH

1. Concerning the ongoing crisis several analyses have been performed, generally from an economic point of view. In this context, several studies have been produced with the purpose of analyzing the impact of the crisis on global economy and on worldwide industrial systems. The results of these studies contribute to finding solutions for the overcoming of the crisis, without loss of power by the western system led by the USA. Since at the present time a new multi-polar system seems to be emerging after the unipolar moment, it is necessary to think about the relation between the different geopolitical postures of the world players and the crisis.

2. The geopolitical perspective, for which the so-called global crisis is mainly an inner crisis of the Western System, has led us to consider as unnatural the posture of Europe within the US geopolitical area. Hence, the solution of the crisis has to be found out of the «Liberalist» practices, imposed by the US as winner of the World War Two and «adopted» by Europeans in the last 60 years, in contradiction with their solidarity-based attitudes.

3. The reposition of Europe within the Eurasian context is considered as the prerequisite in order to build social security and economic stability, following the principle: there is no social and economic development without sovereignty. The main European frameworks which need to be considered and reformulated are the banking system and the economic system. The shifting of the banking system from private to public service is stressed. The reorienting of the liberalist economic system to a European new mixed economy is proposed.

Vladimir Dergachev (Ukraine). **MIDDLE EAST'S RED HOT FRONTIERS**

1. For the first time in the thousand-year history of the Eurasian civilizations, a world power engages itself in geopolitical re-formatting the region, having no experience in settlement of ethno-national and ethno-confessional conflicts, besides the extermination of the Indians and making reservations for them. With full confidence it may be stated, that redeployment of the American troops to Afghanistan will change nothing, except for some new hotbeds of chaos appearing under puppet regimes of corrupted «democracy».

2. Within the six decades the Arab-Palestinian conflict has turned into such tight knot of accusations and insults that there is just one way to cut it. The stronger should be the first to make a move to meet the weaker. And to give evidence of its own magnanimity. But over-pragmatic America, by its very nature, is lacking such self-sacrificingness. It is due to the US connivance, Israel has become a nuclear power. Today, therefore, the American threats to Iran are pointless. The problem of Iran's alleged possession of the nuclear weapon would hardly arise, but for Israel's nuclear status.

3. The NATO armed forces, and primarily the USA, are limited in human resources to carry out long-term ground operations. The Islamized Western Europe (the EU), with its vassal dependence on the US military power, failed to become the unbiased arbitrator in the solving the inter-civilization problems. The European politics are prone to traditional egocentrism and messianism, as well. Russia, after a series of betrayals, has come back to the Middle East, but as a weakened and less influential power. But the hope dies last. And, possibly, there still is a way out, if the great powers would consider the security in the region to be a higher priority than the geostrategic interests of a third party.

FOREIGN AFFEARS

Sanobarh Shermatova. **MOSCOW — TASHKENT: WHAT ARE THE CAUSES OF THEIR 'SPECIAL' PROBLEMS**

1. Lately, the Russian—Uzbek relations are going through some serious tests. The problem of Uzbekistan remaining an ally after its withdrawal from the EurAsEC and refusal to participate in building-up the collective operative reaction forces (CORF) agreed upon in signing by five the Collective Security Treaty Organization member-states, has nor been cleared in the fullest. Moreover, the bilateral relations could be yet more complicated, when the Russian CORF-serving military base established in the south of Kirghizia: the corresponding agreement has just been made by the presidents of Russia and Kirghizia. Will the difference in the positions lead to Uzbekistan's changing its orientation towards the West? Moscow is facing a hard choice.

2. Up till recently, Russia succeeded in balancing its relations with the allies in the Central Asia. But now, the split inside the CSTO is inevitable. The unnamed source in the Uzbek Ministry for Foreign Affairs was very sharp reflecting the possibility of the military base deployment at the borders of Uzbekistan. This country is known to have refused to sign the agreement on the CORF building-up just after the conditions put forward by the Uzbek side were not taken into consideration.

Klaus Vittmann (Germany). **RUSSIA'S RELATIONS WITH THE NATO AND WEST: A CONSTRUCTIVE APPROACH IS NEEDED**

1. Russia has to soberly and frankly appraise the very nature of the NATO, having rejected the idea of the Alliance being a rival or an enemy, and having overcome the deformed, nationalistic and caricatured notion of some hostile block expanding at the expense of Russia's

security. The serious analysis on the state of security around Russia shows, that it can be suffered threats from the South and the East, but not from the West. Russia has to be more interested in the cooperation with the NATO and EU. Besides the existing domestic problems (of demographic, economical, infrastructural, public health origins) that specify to some degree Russia's ephemeral power based on its oil and gas resources, the country is subjected to the same threats, as the West.

2. From the NATO's position, there is no harm in making President Medvedev's suggestions a subject of wide dialogue with Russia, and in making the Russian side to state its position in concrete terms. The OSCE still remains the most suitable forum to the purpose, despite the Russian discontent with its actions lately: Moscow seems to be willing to push to the background the 'human dimension' in favor of the military-political aspects. That dialogue might be of use to put some life into the Parisian Charter. It cannot be forgotten also, that the Helsinki Final Act that had resulted in so many positive consequences for the European history, had been based on the Soviet suggestions. The 'Corfu Process' might breathe some new life into the OSCE, give the organization some new meaning, though the roles of the NATO and EU in this should not be depreciated.

3. The NATO—Russia relations still have a considerable potential, as it seems. The NATO needs Russia's consistent policy, and to these objectives should co-ordinate its actions with the European Union. Russia's more rigid position should not lead to weakening the NATO's unity, but the progress achieved in maintenance of mutual security must not be sacrificed to a new confrontation. The new NATO's Strategic Concept should testify the NATO's determination to strengthen confidence on the continent, including Russia, and provide for using the NATO-Russia Council for new really serious efforts to define and develop new universal and joint security.

Shamil Sultanov. THE DYNAMICS OF THE MID-EASTERN SITUATION: FIVE SCENARIOS (Completion)

1. Within the last decades, one of the priorities the Russian diplomacy faced was, first, to prevent any hot military crisis in the Middle East in the Arab-Israeli confrontation zone, and, second, to keep the Soviet Union, and later Russia, out of involvement into the global military conflict. The situation has drastically changed for last 7 to 10 years. The Arab-Israeli confrontation has become a component of the general regional system crisis. However, the two major tasks Moscow had set are still its priorities in the Greater Middle East: to keep itself out of involvement in the direct military confrontation fraught with developing into global nuclear conflict and, at the same time, not to let Washington to dominate in this region.

2. In such countries as Saudi Arabia, Egypt, Jordan, there is to be serious increase of tension among the establishment, the institutions of force, and the society as a whole. The contradictions among the Israeli establishment would become sharply strained. In Lebanon, the internal political balance of forces would changed yet more in favor of the *Hezbollah*. The crisis inside the institutions under the *Fatah* control would be sharply aggravated. By that time, the HAMAS, in fact, would become the only real political force representing the interests of all Palestinian people.

3. In the process of the American armed forces withdrawing from Iraq, the influence of Ankara would be increasing. Washington would be more active to assist Turkey in being transformed into a regional counterbalance to Iran. Besides, the governments of the Arab petrol exporting countries, with the US influence going down and the pressure from the West going up, should have to choose to support the ambitions of Turkey, being the key Sunni country in the GME zone. On the other hand, Ankara would likely take the opportunity not just to strengthen its influence in Iraq (up to a certain degree, that would even be welcomed by Teheran), but also to boost its acceptance into the EU.

Eldar Kasayev. THE IRAQI CORRUPTION OOZY QUAGMIRE

1. The well-being of today's officials in Iraq has noticeably improved. However, it is by no means the aftermath of increasing governmental officials' payment, but of the headlong growth of corruption, penetrated into all spheres of life of the society and state. According to the TI experts' annual report «On the State of Corruption In the World-2008», subjected to it are Iraq's governmental bodies, political parties, Army, and national companies.

2. The pseudo-creative activity of the Iraqi officials in energy sphere has resulted just in one thing — the illegal enrichment of many of them due to dealings with the overseas foreign companies. Instead of developing the necessary strategic policy aimed at the greatest benefits for the Iraqi people, the officials of the federal bodies and the governments of petrol producing areas and provinces share dividends with each other and those who are 'close to them', from the resources that are, by the Constitution, the property of the whole Iraqi people. In the Arab world, such a phenomenon has been rather melodiously called «moohasassa» («proportional distribution»).

3. Director of the UN Department on Drugs and Crime, Antonio Maria Kosta, claimed, that the reserve of public tolerance towards corruption in Iraq is practically exhausted. To add, it is necessary just to say, that this negative phenomenon undermines the trust to the government authority, promotes money-laundering, feeds the organized crime and leads to impoverishment of the poorest strata of the Iraqi population, who has received as a gift from easy hands of the transatlantic neo-conservatives the project — saving remedy in words, but pernicious in deeds — loudly called Democracy.

Yelena Ostrovskaya. Will there be the Russian benefit performance by Dalai Lama XIV?

1. In fact, Russia has already been drawn into the West-imposed game of '*Make Invitation to Dalai Lama*'. Our country's participation in it, with paying no primarily heed to its own interests, is fraught with unjustified risks: ethnic and religious conflicts both in the Buddhist regions of the Russian Federations (Buryatiya, Kalmykia and Tuva), and in the megalopolises; complications in the relations between the Russian Federation and the People's Republic of China; weakening of Russia's constructive interaction with its SOC and BRICK partners, that might negatively affect the second (after the one on Yekaterinburg) summit planned for 2010. In order to avoid these risks, the Russian leadership ought to adequately answer the question, In what capacity Dalai Lama XIV could be invited to our country?

2. The Russian Federation's international image as the democratic state does not exclude the possibility of Dalai Lama XIV coming to our country, not by the official invitation authorized by the President of Russia, but rather as a general participant of an action planned to be held by some public organization within the frameworks of interreligious multilateral dialogue. And, certainly, just in the case it would serve Russia's interests.

3. In such sensitive matters as Dalai Lama XIV coming, the aggravation of the situation in the Tibet Autonomous Region and the Shinjang Uyghur Autonomous Region, the Kremlin has been guided to follow on the policy of constructive interaction with the Chinese leadership. The possibilities of the Moscow-Peking political liaison could be effectively used in the interests of both Russia and China, if and when they would be subjected to the enhanced pressure on the part of Europe and the USA. Besides, the RF and PRC coordinated activities would put the West face to face with a new geopolitical reality to be reckoned with.

THE INTERNATIONAL BERLIN FORUM

On June 15–16th, 2009, the International Forum was held in Berlin, sponsored by the Friedrich Ebert Fund (FES) in cooperation with the Russian House of Science and Culture. The Forum was co-sponsored by the *International Politics and Society magazine* **(Germany) and the** *Vestnik Analitiki* **bulletin (Russian Federation).**

On June 15th, the annual tripartite FRG—RF—USA conference was held, that already became a tradition, discussing the subject of *The New European World Order: Initiatives and Strategies of Their Implementation***. On June 16th, at the Russian House of Science and Culture there was the meeting (open seminar) of the Forum's Russian and German participants and the German public residents. The meeting discussed the subject of** *Europe and Russia At the Time of the Crisis of the Interstate Relations System: Requirements of the All-European Security Architecture To Come and Its Perspectives.*

«ROUND TABLE»

THE SOCIETY — STATE DIALOGUE

The subject is being discussed by Professor V.A.Loukov, ***Dr.Sc. (Philosophy), Pro-Rector on Researching at the Moscow Liberal University*****; and Professor V.M.Rozin,** *Dr.Sc. (Philosophy), Senior Researcher at the Institute of Philosophy***. The discussion is hosted by Professor P.S.Gurevich,** *Dr.Sc. (Philosophy)***.**

PUBLICATIONS

Religion

Rustem Toukhvatullin. THE KORAN CODE

1. The key to disclosing the terms in the Scripture has become the method of *tafsir* **offered by the Book itself.** *Tafsir* **might be understood as «a word exegesis». I am to explain, the meaning of every word in the Koran is hidden, and it reveals itself through a combination of several words. For instance,** *court — core of matters; vanity — van I'm to carry,* **in the spiritual world;** *to forgive — just to forget; conscience — to con God's science by heart***, etc. By the way, nowadays philologists are also making sly attempts to use this method, thus, the word «dog», they say, has originated from «to graze herd». Well, the method was suggested in the Koran almost fifteen hundred years ago and it had proved to be true!**

2. Today, the scientists are gradually reconsidering their attitudes to the Koran. The huge scientific knowledge resources that are kept in the Koran, many a science-based prediction it contains that are being confirmed by the Science periodically, make the Book an object of steadfast attention of the most perspicacious scientists. For instance, Keith L. Moore, the University of Toronto physician and scholar, said, that if he read the Koran 20 years ago, he would have gotten his Distinguished Educator Award then, instead of in 2007. I might add, that Dr. Moore has written on «references to embryology in the Qur'an» based on the Koran ayahs directly associated with the human prenatal development.

3. It is the shiftness of the text exposition that makes up the Koran's '*binary code***'. And this binary code is transferred in the Koran by verbs. It is not in vain the Koran claims to be the Guide to Life: «the Koran has been brought down as the guide to people» (2:185). In other words, it is the direction for the man that gives the answer to the question,** *What is to be done?* **To understand it was enough to comprehend the verbs in the Book. Its Knowledge, it was found out, has been 'ciphered' with four of them:** *to create, to build, to assert, and to convert. To create* **means 'to conceive'. The second verb, to build, has a meaning of implementation of the concei-**

ved in the form of virtual model. While to assert is 'to make solid', that is to make it material. And, according to the Koran, the World has been at first created by Allah, then it was built up in the spiritual world, and after that it was asserted (materialized).

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

THE CRISIS DISINTEGRATION OF IDENTITY

Evola, Julius. The Bow and the Mace (translated from Italian by V.V.Vanyushkina). St.-Petersburg: the *Vladimir Dal* Publishing House, 2009, 283 pp., circulation unspecified

1. Julius Evola, an Italian thinker, is known to follow the doctrine of Traditionalism tied up, primarily, with the name of Rene Genon. Among the supporters of this concept there are the Swiss metaphysician, painter and poet F. Shuon, the expert on traditional art A. Kumarasvami, philosophers T. Burhard and S. Nasra. The Traditionalists believe, that the European way of development might be considered a deadlock. Withdrawing from the Tradition, unaccountable infatuation for progress, the techno-rationalistic type of thinking, they are all are innate defects of the modern civilization that would lead it to ruin, unless it would overcome the temptation of the demon of contemporary way of living.

2. Evola, being a social critic, is by all means convincing. The Western culture is really becoming an object of sharp and acute diagnostics. The Italian thinker, however, leaves it aside the problem of the degree to which the values of the traditional culture could be revived today. Here his analytical thought appears torn off from the modern realities and acquires some characteristics of an abstract propheticism. It might be the necessity to trust in Providence. But history's experience is tragic enough. Well, prophets and avatars did come, they did show the way to go with a lantern. But, alas, the History chose its own route to move.

Elvira Spirova

ОБ АВТОРАХ

Абдурашитов Шамиль Рахимович — известный энергетик и публицист. В энергетике работал с 1956 года, начинал в «Ферганэнерго». С 1960 г. — в системе Башкирэнерго: возглавлял Стерлитамакскую ТЭЦ, потом — строящуюся Кармановскую ГРЭС, где нашли применение многие его технические наработки. Через три года после пуска станция с блоками мощностью по 300 тыс. кВт вошла в число наиболее эффективных электростанций Советского Союза. В 1971 г. Ш.Р.Абдурашитова назначают управляющим (в нынешней терминологии — генеральным директором) Башкирской энергосистемы. В данной должности он проработал свыше 17 лет. За эти годы потенциал энергосистемы утроился, получили воплощение многие технические, организационные и социальные новации. В 1988–1993 гг. возглавил филиал Всесоюзного научно-производственного объединения «Ветроэн». Кандидат технических наук, имеет ряд изобретений, свыше 200 публикаций. В 1979–1989 гг. был депутатом Верховного Совета СССР, где занимался вопросами энергетики. За трудовые достижения удостоен нескольких орденов и медалей, заслуженный энергетик БАССР, почетный энергетик СССР. В настоящее время возглавляет Совет ветеранов ОАО «Башкирэнерго», ведет преподавательскую деятельность в вузах Уфы. Получил известность как публицист, написав и выпустив несколько книг на общественно-этические темы.

Виттманн Клаус *(Германия)* — доктор наук, бригадный генерал (в отставке); 2005–2008 гг. — директор по планированию и политике научной работы Оборонного колледжа НАТО в Риме; 2000–2005 гг. — начальник факультета Штабного колледжа Бундесвера (Führungsakademie der Bundeswehr) в Гамбурге; 1996–2000 гг. — советник по вопросам обороны и глава политико-военного отдела Германской делегации в НАТО (Брюссель). Научные труды: несколько книг, в том числе «German-Swedish Economic Relations During the Third Reich» («Экономические отношения Германии и Швеции во времена Третьего рейха»), 1976; «The Defence Situation at NATO's Southern Flank» («Состояние обороны на южном фланге НАТО»), 1984; Доклад Adelphi № 239 Международного Института стратегических исследований «Challenges of Conventional Arms Control» («Вызовы контролю за обычными видами вооружений»), 1989, а также статьи по вопросам истории, политики в сфере безопасности и стратегии НАТО. Состоит членом Международного Института стратегических исследований, Германского Совета по внешней политике (DGAP), Германского Атлантического Союза, Союза историков Германии, Комитета по военным и общественным наукам (AMS), Общества Клаузевица.

Грациани Тиберио *(Италия)* — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обозрение геополитических исследований « и библиотеки «Геополитические тетради».

ДергаЧев Владимир Александрович *(Украина)* — русский геополитик, живущий в Одессе. Профессор, доктор географических наук, член Союза журналистов Украины. Окончил с отличием Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым теории Больших многомерных пространств впервые в Восточной Европе создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, геоэкономике и геофилософии, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор более 500 научных и публицистических работ, за последние годы опубликовано 16 книг, в том числе: Геополитика (Киев: ВИРА-Р, 2000); Геоэкономика (Киев: ВИРА-Р, 2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (Киев: ВИРА-Р, 2004); Геополитика. Учебник (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004).; Регионоведение (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2005); Глобалистика (М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005).Публицистические статьи печатались в киевских и московских газетах «Известия», «Литературная газета», «Экономическая газета», «Общая газета» и интернет-изданиях.

Касаев Эльдар Османович — юрист-международник. Окончил Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России (2008). Автор более 50 научно-аналитических и публицистических работ по проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Сфера научных интересов: исследование правовых аспектов

пользования недрами, анализ инвестиционного климата, оценка перспектив деятельности российских компаний в ТЭК государств БВСА. Готовит к защите диссертацию (по кафедре международного права МГИМО) на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Мотрошилова Нелли Васильевна — доктор философских наук, профессор, заведующая отделом Института философии РАН.

ОстровскаЯ Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Автор 40 научных публикаций, в числе которых монографии: Гунтан Данби Донме. Обучение методу исследования сутр и тантр (1997), Тибетский буддизм (2002), Тибетобуддийский социально-политический проект: история и современность (2002), Учение об историческом времени и обществе в индийской классической философии (в соавторстве 2002), Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий (2005), Воины радуги: институционализация буддийской модели общества в Тибете (2008). Автор разделов в учебных пособиях: Введение в буддизм (1999), Категории буддийской культуры (2000), Социология: Учебник (2005), Теория культуры (2008). Авторские курсы, читаемые на русском и английском языках, по теории и методологии социологии, социологии религии, антропологии религии, религиозным меньшинствам и теориям конверсации, новым религиозным движениям, гражданскому обществу в глобализационной перспективе и др. на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета, на факультете социологии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой психологии в Московском государственном университете технологий и управления, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Султанов Шамиль Загитович — президент Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир».

Тухватуллин Рустем Раульевич — кандидат мед. наук, редактор научно-просветительского вестника «Азбука Корана», руководитель независимого научно-исследовательского центра «Нур» по изучению Корана.

Шерматова Санобар Азаматовна — родилась в Узбекистане. Окончила Институт русского языка и литературы (Ташкент) и факультет журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. Работала корреспондентом отдела национальных проблем и международным обозревателем газеты «Московские новости». Эксперт по проблемам Центральной Азии и Кавказа. В настоящее время является членом Экспертного Совета российского информационного агентства Новости.

OUR AUTHORS

Shamil R. ABDURASHITOV — is a prominent powerman and author. Has been engaged in power engineering since 1956, starting with a job at the *Ferganenergo* Association. Since 1960, employed by the *Bashkirenergo* System: headed the Sterlytamak Fuel Power Station, then the Karmanov State Regional Power Station under the construction, where many of his technical innovations were implemented. In three years after having been put into operation, the Station equipped with 300-thousand-KWatts blocs became one of the most efficient powers stations in the Soviet Union. In 1971 was appointed Chief Manager (the General Director, or the GEO in modern terms) of the *Bashkirenergo* System, the post he held over 17 years. Within those years the System's potential had been tripled, many new technological, organizational and social methods had been put into practice. In 1988–1993 headed the branch of the *Vetroen* (windpower) All-Union Research and Production Association. Cand. Sc. degree in Technology holder, patented several inventions, authored more than 200 works published, including the book on *General Power Engineering*. In 1979–1989 was elected Deputy to the USSR Supreme Soviet, where actively worked on the energy legislation and related matters. Decorated with several orders and medals, awarded with the USSR Honorable Powerman Badge. At present, heads the Council of Veterans at the *Bashkirenergo* Joint-Stock Company, teaches (being the associated professor) in some establishments of higher learning in Ufa. Became a well-known author, having published several books on social and ethical problems. His collections of social essays were warmly received by both rank-and-file readers and public and political figures.

Vladimir A.DERGACHEV *(Ukraine)* — Dr.Sc. (Geography), Professor, expert in geopolitics, the Russian living in Odessa, Ukraine. Holds membership in the Union of Journalists of Ukraine. Graduated with distinction, completed post-graduate courses (PhD), and doctorate studies (doctor's degree) at the Moscow M.V.Lomonosov State University. First time in the Eastern Europe, the series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, Geoeconomics and Geophilosophy aimed to form analytical thinking have been put out based upon the theory of Greater Many-Dimensional Spaces worked out by professor Dergachev. Authored over 500 scientific and popular writings. Recently, had 16 books published, including *The Geopolitics* (Kiev: VIRA-R, 2000); *The Geoeconomics* (Kiev: VIRA-R, 2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (Kiev: VIRA-R, 2004); *The Geopolitics. Textbook* (M.:UNITI-DANA, 2004); *The Regionology* (M.: UNITI-DANA, 2004, co-authored by L.B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (M.: UNITI-DANA, 2005); *The Globalistics* (M.: UNITI-DANA, 2005). Frequently contributed to Kiev and Moscow newspapers, such as *Izvestiya, Literaturnaya Gazeta, Economicheskaya Gazeta, Obschaya Gazeta*, and to Internet-editions. More detailed professor Dergachev's curricula vitae and his *Big Geopolitical Dictionary* see at his personal web-site: dergachev.ru

Tiberio GRACIANI (Italy) — the Editor-in-Chief of the Italian *Eurasia. Rivista di studi geopolitici (Eurasia. Review of Geopolitical Studies)* magazine.

Eldar O.KASAYEV — international jurist. Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the RF Ministry for Foreign Affairs *MGIMO* University (2008). Authored over 50 scientific and analytical works and articles on the problems of the Middle East and North Africa (MENA) countries. Area of research interests: legal aspects of subsurface use; investment climate analysis; perspective assessment of the Russian companies activities in the fuel-and-energy complex of the MENA countries. Writes his Cand. Sc. (Law) thesis at the International Law Chair of the *MGIMO* University.

Nelly V.MOTROSHEELOVA — Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Head of a Department at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Yelena A.OSTROVSKAYA — Dr.Sc. (Sociology), the professor at the Theory and History of Sociology Chair of the St.-Petersburg State University. Authored 40 scientific publications, including the following monographs — *Quntan Danby Donme. Training the method of Sutra and Tantra analysis* (1997), the *Tibetan Buddhism* (2002), *The Tibetan Buddhist Sociopolitical Project: the History and the Present* (2002), the *Doctrine of Historical Time and the Society in*

the Indian Classical Philosophy (co-authored, 2002), the *Society's Religious Model. Sociological aspects of the institutionalization of the traditional religious ideologies* (2005), the *Rainbow Warriors: Institutionalization of the Buddhist Society Model in Tibet* (2008). Authored sections in the following manuals — *The Introduction to Buddhism* (1999), *The Categories of the Buddhist Culture* (2000), *Sociology: the Textbook* (2005), the *Theory of Culture* (2008). Teaches courses (read both in the Russian and English) on the Theory and methodology of Sociology; Sociology of religion; Anthropology of religion; Religious minorities and conversion theory; New religious movements; The Sivil Society in the globalization aspect, etc. at the Department of Sociology of the St.-Petersburg State University; at the Department of Sociology and Anthropology of the St.-Petersburg Culture and Arts State University.

Elvira M.SPIROVA — Ph.D, deputy head of the Psychology Chair at the Moscow State University of Technologies and Managements, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Rustem R.TOUKHVATULLIN — Cand. Sc. (Medicine), Editor at the *Azbuka Korana (ABC of Alkoran)* scientific and educational bulletin.

Sanobarh A.SHERMATOVA — was born in Uzbekistan. Graduated from the Institute of Russia Language and Literature (Tashkent) and the M.V.Lomonosov Moscow State University (Department of Journalism). Was employed by the *Moskovskiye Novosti (Moscow News)* newspaper as a correspondent at the Section of Nationalities Problems, and international commentator. Expert on matters of the Central Asia and Caucasus. At present, holds membership at the Novosti Information Agency Council of Experts.

Shamil Z.SULTANOV — President of the *Russia — Islamic World Center* of Strategic Studies

Klaus WITTMANN *(Germany)* — Dr., brigadier general (ret.), in 2005–2008 — Director Academic Planning and Policy, NATO Defense College, Rome. In 2000–2005— Director of Faculty, Armed Forces Staff College (Führungsakademie der Bundeswehr), Hamburg. In 1996–2000 — Defence Advisor and Head of Politico-military Department at the German Delegation to NATO, Brussels. Publications: several books («German–Swedish Economic Relations During the Third Reich», 1976; «The Defence Situation at NATO's Southern Flank», 1984; Adelphi Paper No. 239, «Challenges of Conventional Arms Control», International Institute for Strategic Studies, 1989) and articles in the areas of history, security policy and NATO strategy.

Member of International Institute for Strategic Studies (IISS), Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik (DGAP), Deutsche Atlantische Gesellschaft, Verband der Historiker Deutschlands, Arbeitskreis Militär und Sozialwissenschaften (AMS), Clausewitz-Gesellschaft.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 3(37)

Перевод с английского – Владимира Мисюченко,
с итальянского – Елены Баграмовой

Корректура *А.В.Панюгиной*
Верстка *Л.В.Листвина*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@umail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 24.08.09 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,25. Заказ № 250.

Отпечатано в ФГУП «Издательство и типография газеты «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.
тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;
факс +7 495 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 495 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
http://www.periodicals.ru

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: **912 39 88, 911 97 78,** электронная почта: **issa@umail.ru**

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – **100 рублей,** для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Форма № **ПД-4**

Извещение

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир

Квитанция

ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7718163808
(ИНН получателя платежа)

№ **р/с 40702810900000080011**
(номер счета получателя платежа)

в АКБ «Росевробанк» г. Москва
(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с № 30101810800000000777 в отделении

2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777

Подписка на журнал
"Вестник аналитики"
(период подписки, номер журнала)

Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Плательщик _____

(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)

Кассир